

СЕРГЕЙ ДАНИЛОВ
БЫВАЕТ И ТАК

РАССКАЗЫ



18+

Сергей Данилов

Бывает и так

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70098427

SelfPub; 2023

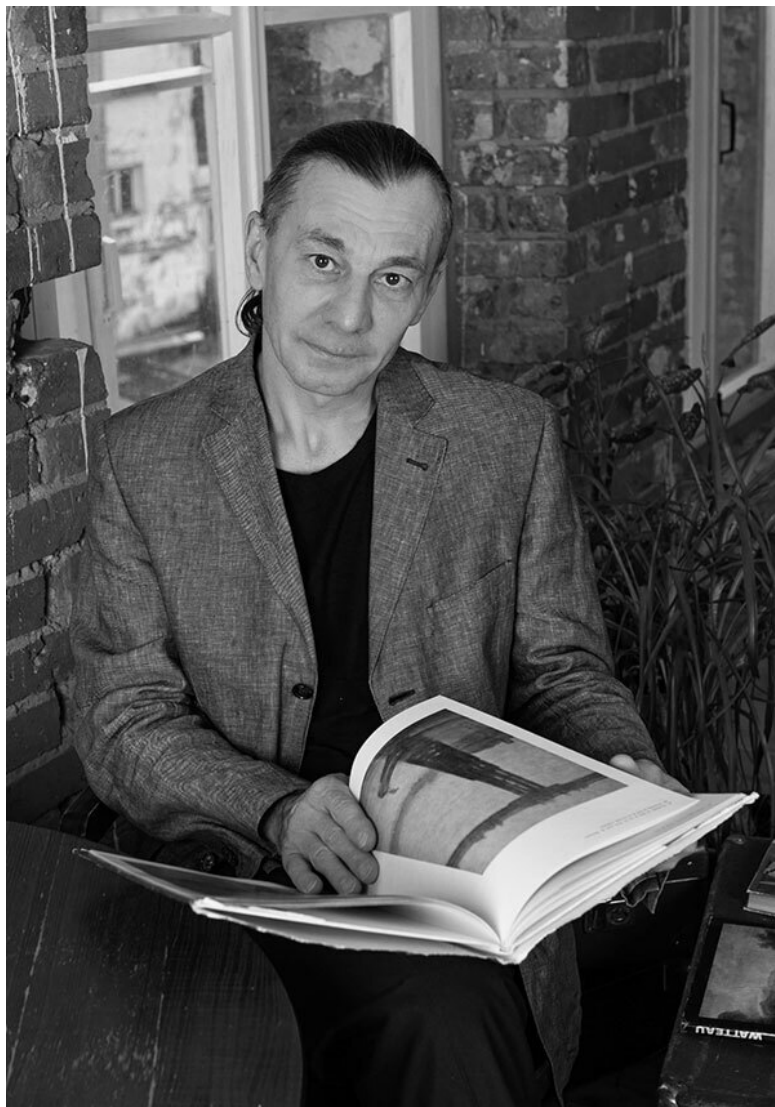
Аннотация

Интригующие и смешные истории, которые либо действительно, какэто ни покажется странным, случились в прошлом, либо готовы вот-вот произойти.

Содержание

Город без весны	6
Звёзды	19
Новогодняя сказка	37
Как я стал модным	51
Наши на выставке	79
Поезд-жизнь	97
Одиночество	120
Продажные впечатления	136
Фрески ресторана	159
Старые связи	171
Роковая йога	188

Сергей Данилов
Бывает и так



Город без весны

В Городе с нетерпением ждали тепла. Холодная вьюжная зима сдавала один рубеж за другим: затупились иглы колючих морозов, затихли метельные круговороты, подёрнулись траурной каймой остатки рыхлого ноздреватого снега, а на асфальте изредка стали появляться зеркала первых мелких луж. Солидные экспозиции сосулечного многообразия предстали перед глазами прохожих: от длиннющих голубоватых конусов до прозрачных гребней по семь-восемь ледяных ста-лактитов в ряд.

По утрам ленивое солнце едва просвечивало сквозь плотную завесу облаков. Но вот, словно повинувшись невидимому космическому реостату, оно постепенно прибавляло свечения и тепла, и к середине ещё по-зимнему короткого дня повсюду слышался игривый перезвон предвесенней капли.

Но всё равно зима не торопилась на покой. Тонкой корочкой льда цеплялась она за поверхность воды, таилась в углу двора кособоким сугробом, зияла лысынами льдин под стоками водосточных труб. Однако сделалась королева холода уже слаба и потому не могла защитить от таяния внушительные наметенные бастионы. Три долгих месяца продержались они на улицах, но вот наконец отяжелели и покосились под напором могучей оттепели.

Покидая насиженный город, зима печалилась, хмурила

пасмурные брови туч, бессильно сыпала легкой порошей. Власть её, увы, скоротечна: настала уже инвалидность, а вскоре грядёт и полная беспомощность. Не удастся сохранить возведённые с немалым упорством белые крепости, где раздухарившиеся мальчишки проводили время в яростных снежных баталиях. И ледяные горки пришла пора оплакать: раскатанные блестящие спуски протёрлись до земли и асфальта, обзавелись черными проплешинами, хотя еще недавно дарили столько забав краснощёкой детворе.

И еще скорбела низложенная снежная королева об исчезающих рисунках инея на окнах. Много дней она в творческом порыве вдохновенно выводила замысловатые фантазмагорические арабески. Ни разу не повторялись узорчатые картины, выставленные в обрамлении оконных и витринных рам, словно на роскошном вернисаже.

А жители Города ждали тепла.

Современные горожане, умные и просвещённые, стали практичными и прагматичными. В этом заключались их сила и их несчастье. Люди изгнали из своих душ чувства, которые могли внести разлад в реализацию грандиозных планов, в достижение великих целей. «Наша жизнь и так сложна, – твердили они. – Не хватало ещё, чтобы какие-то чувства – хрупкие, нелогичные и плохо формализуемые – вмешивались в точные математические выкладки. Они легко могут спутать расчёты и прогнозы. Ведь чтобы в разумные сроки прийти к желаемому результату, требуется длинный ряд за-

ранее определенных, тщательно продуманных, хорошо спланированных действий».

Сначала надо ползать и «агукать», есть строго по часам, вовремя отрыгивать, проситься на горшок; лепить из пластилина полагается только на специальной подставке, и ни в коем случае нельзя рисовать на новых обоях в гостиной.

Следующий этап – на «хорошо» и «отлично» учиться в престижной школе. Усерднее, чем свой родной, изучать иностранный язык. Овладевать премудростями сетевого общения, ориентироваться в хитросплетениях Всемирной паутины, сайтах, блогах и чатах лучше, чем в собственном дворе. С полной отдачей заниматься каким-нибудь видом спорта, да хоть шашками. Петь, танцевать, играть на музыкальном инструменте так, чтобы были довольны придирчивая мама и её ближайшая подруга. И, конечно, не ковырять при посторонних пальцем в носу и тарелке.

Поступить на работу в солидную, надёжную фирму – вначале, быть может, и на скромную должность курьера. Стараться всем улыбаться. Научиться водить автомобиль, чтобы понять, как тяжело в перенаселённом городе найти бесплатную парковку. Посещать концерты и выставки, о которых пишут в гляцевых журналах. Взять в аренду неудобную малогабаритную квартиру в пропылённом, но элитном районе, вблизи от офиса. Купить машину, соответствующую статусу, и тут же поцарапать её бле-

стоящие двери и крылья о ближайший забор.

Всем улыбаться. Играть в большой теннис, мини-гольф и кататься на горных лыжах в яркой, самой модной в этом сезоне одежде. Объездить как минимум пять стран и пару архипелагов в южных морях по горящим дармовым путевкам. Грамотно составить брачный контракт и незаметно для родственников отметить его вступление в силу. Собрать колоссальное количество бумаг и спокойно, без суеты и нервного копанья в портфеле, объяснить недоверчивому клерку, почему вы решили взять ипотечный кредит именно в их банке.

Обставить приобретённые апартаменты шикарной, стильной мебелью, которую за немислимый гонорар помог выбрать известный, странного вида дизайнер. Напичкать комнаты, кухню и даже санузел всевозможными чудесами современной бытовой техники, доступными в кредит.

В раздражённом, подавленном настроении выплачивать баснословные проценты за всё то, что с таким рвением приобретал и распахивал по углам новой многокомнатной квартиры. С великим сожалением регулярно оплачивать неизбежные страховки. С ещё большим огорчением платить всё возрастающие налоги. Потратить уйму драгоценного времени, нервных клеток и физических сил, чтобы меньше платить за страховки. Найти относительно безопасный способ, чтобы уклониться от уплаты большей части столь обременительных налогов. Ладить с опостылевшими со-

служивцами в баре после окончания напряжённого рабочего дня. Делать вид, что усиленно, в поте лица вкалываешь, даже когда и не думаешь трудиться. Заслужить авторитет среди младшего персонала. Проходить положенный медосмотр раз в пять-десять лет. Всё время улыбаться.

Почтительно кивать и не дёргаться, когда тебе беспричинно выговаривает злобный шеф. Не бояться внепланового сокращения и увольнения с формулировкой «по собственному». Приобрести по случаю заброшенный участок на самых дальних задворках империи. Начать строительство дома. Вдумчиво и внимательно перечитать брачный контракт. Отказаться от возможного развода. Чертыхаясь и потея, продолжить строительство загородного дома. Улыбаться, всё время улыбаться.

Начать бороться с лишним весом – под олимпийским девизом: «главное не победа, а участие». Купить абонемент со свободным посещением в ближайший к дому тренажёрный зал, но вовсе в нём не появляться, каждый раз откладывая первую тренировку на ближайший понедельник. Переехать в новый комфортабельный, хорошо кондиционируемый офис. Довести коллекцию дисконтных карточек в портмоне до количества книг в доме. Сменить галстуки на более стильные модели, которые носят звёздные киноактёры. Тусоваться в популярных ночных клубах, боулингах и бильярдных, чтобы не проводить вечер дома, в кругу издали обожжаемой семьи. Приобрести «кое-что» на сезонной распродаже, обновив по-

чти весь свой гардероб. Помочь чем можешь поповишему в затруднительное финансовое положение старому другу – то есть бесплатным советом. Открыто не спать на многочасовых совещаниях. И улыбаться, улыбаться, улыбаться...

Вот так примерно рассуждали люди, и понятно, что в столь пёстром калейдоскопе приоритетных дел и первостепенных обязанностей для чувств не осталось места. Не дай Бог, они бы вмешались, внесли разлад, а то еще чего хуже – увели бы стройное течение хорошо запрограммированных поступков в неподходящее русло! Нет, жители благополучного города вовсе не жалели о лишённой чувств, опустошённой душе. Им было не до этого. У них имелось достаточно более важных проблем.

Известно ведь, что эволюция всё же оставила человеку некоторые рудименты – аппендикс, например, или третье веко. Вот и душу ничтоже сумняшеса причислили к их числу. И больше не обращали на неё особого внимания.

А вместе с отвергнутой душой людей безвозвратно покинула любовь. Здравый смысл, точный расчёт и верный прогноз с ней не ужились. В их жёсткие рамки никак не вписывалось чувство, привносящее в жизнь внезапные порывы, пламенные страсти, бескорыстные жертвы, слепое доверие, душевные терзания и роковые ошибки.

Люди, конечно, женились и выходили замуж, рожали детей и имели внуков. Но это обходилось без тени, без капли чувства. Без того отголоска внутри, от которого волнуется

кровь, учащается пульс, а в глазах появляется блеск.

Чтобы брак сложился удачно, опытными психологами были составлены хитрые опросные листы и разработаны толстенные анкеты. После кропотливого заполнения эти бумаги обрабатывал супермощный компьютер. Он всё тщательно анализировал, сравнивал и, наконец, находил в огромной базе данных оптимального партнера. В отличие от рефлексующих, подверженных напрасным метаниям людей, надёжная и проверенная электронно-вычислительная машина никогда не ошибалась, каждый раз подбирая, вне всякого сомнения, самый лучший для удобного совместного проживания вариант.

Собственно, высокоразвитый ум руководил в Городе всеми процессами. На любой жизненный случай был установлен чёткий регламент, составлен свод строгих правил и справедливых законов. Инструкции требовалось неукоснительно выполнять, чтобы занять достойное место на упорядоченной иерархической лестнице. Вот тогда можно будет ощутить заслуженный почёт в елейных приветствиях бедных родственников, узреть отблеск собственной значимости в глазах завистливых подчинённых.

Итак, в планах жителей добротного оборудованного Города значился приход весны. Хотя, честно сказать, цветущая, озорная шалунья-весна не была им так уж сильно нужна. Просто, будучи до мозга костей прагматиками, они отчётливо осознавали все её очевидные преимущества. Зимой ведь

куда холоднее, более ветрено, снежно. Сугробы растут, словно тесто на дрожжах, среднесуточная температура опускается ниже нуля. Увеличивается вероятность какой-нибудь противной инфекции или простуды, и, чтобы не заболеть респираторным заболеванием, приходится носить гораздо больше тёплой одежды. Чтобы надёжно защититься от злых метелей и кусачих морозов, нужно выделять из семейного бюджета дополнительные средства на обновление гардероба. Конечно же, эти обстоятельства имели значение для привыкших ответственно относиться к деньгам горожан.

К тому же в зимний период муниципальным органам приходится усиленно бороться с последствиями снегопадов, гололёдов и гололедец. Это ведёт к дополнительным ассигнованиям на уборочную технику, увеличивает финансовую нагрузку на городской бюджет. А кроме того, в холодное время года так сильно возрастают коммунальные платежи...

В общем, у современных людей все выгоды весны были просчитаны до последнего знака в последней графе последнего листа последнего гроссбуха. А весна всё не приходила. Над притихшим Городом плыли и плыли угрюмые свинцовые тучи. Они проливали на голые окрестности мелкие холодные дожди, засыпали площади быстро тающим мокрым снегом. Потом вдруг снова подмораживало. Порывистый ветер что есть силы раздувал ноздри. Иногда начиналась короткая слезливая оттепель. Одноглазое солнце с трудом, будто нехотя, проглядывало сквозь неприступный конвой се-

рых облаков. Словно заключённый, осуждённый на пожизненный срок, оно бросало на землю тусклый равнодушный взгляд и затем снова исчезало в дождливой пелене.

Сивые насупленные тучи всё ползли по низкому небу, и постепенно стало казаться, что этому мрачному, давящему на серый Город каравану не будет конца. Дни плаксивых дождей сменялись неделями висящей в воздухе измороси. По вечерам она трансформировалась в плотный, густой молочный туман, который обволакивал все предметы, стирал яркие краски и размывал чёткие очертания. Ночами лёгкие заморозки, словно заправские полотёры, бесшабашно лакировали дороги скользкой гололедицей. Пустынный Город за несколько часов превращался в один сплошной блестящий каток. Потом снова оттепель... Так всё шло и шло по противному, изрядно надоевшему кругу.

Теперь точно не вспомнить, кому первому взбрела в голову эта сумасшедшая мысль. Но кто-то предположил, что снова началась осень. Только представьте себе: осень! Опять пришла тоскливая осень! Пора увядания вернулась сразу после ухода искрящейся красавицы-зимы. Это казалось чистым абсурдом, кошмарной бессмыслицей, нонсенсом. Но почки на продрогших деревьях так и не набухли, не распустились на голых кустах клейкие листья, земля не протянула к небу тонкие дрожащие пальцы молодой травы. Не вернулись из дальней дали говорливые птицы. Да и разочарованное солнце прекратило тщетные попытки греть сильнее, по-

кинуло небосвод.

А главное, совсем не ощущался свойственный ранней розовощёкой весне запах, который быстрее и точнее всего возвещает о её приходе. Не чувствовалось в сыром прохладном воздухе того самого божественного, восхитительного аромата, который не поддается описанию словами ни на одном языке мира. Этот особенный воздух, посвежевший и помолодевший одновременно, можно вдохнуть, если в начале весны выйти из душного помещения на улицу с непокрытой головой. Но не было его в Городе, не было!

Всё так же барабанившие ливни сменялись вялыми снегопадами. Проходили злобные седовласые вьюги, и снова заряжали заунывные дожди. На два долгих месяца вернулась промозглая, безрадостная осень. Возможно, самая паршивая и отвратительная осень за весь период наблюдения за погодой. Это была жалкая осень без проблесков света и лучей надежды. Непричёсанная, полинялая осень без пёстрых красок листвы и ярких, манящих закатов. Глухонемая осень без прозрачных, а потому по-особенному праздничных, восторженных, коротких солнечных дней. Тех дней, когда, кажется, какой-то вдохновлённый художник самозабвенно пишет кистью хрустальные звуки.

Обнажённые сады и парки не устилал ковер облетевшей листвы. Рябины не полыхали, берёзы не желтели, клёны не пестрели яркой осенней палитрой. В этой серости и слякоти невозможно было задуматься, замечтаться, погрузиться о

чём-то дорогим и близким, отцветающем, навсегда покидающем бренный, суетный мир. Ведь на самом деле ничего не уходило, не покидало и не отцветало. Всё вокруг просто кисло противной банальной квашнёй, хлюпало и чавкало под ногами, мерцало в воздухе холодной капельной взвесью.

Лиричная и лукавая весна не явилась и через два месяца. Зачем она горожанам, которые изжили нежные чувства и прогнали пламенную любовь? Люди стали равнодушны и рациональны. Они подчинили трепещущее сердце стальному разуму, и разум победил взволнованное сердце. Целью стало размеренное, расписанное по шагам, запрограммированное существование. Лишившись богатства ощущений, люди перестали отличать своё убогое прозябание от полноценной, полнокровной жизни. Ведь только чувства не позволяют человеку уподобиться машине, шаг за шагом выполняющей заложенную в неё программу.

Развитие личности стало напоминать выполнение определённого набора миссий в современной компьютерной игре. При рождении ребёнка авторитетный консилиум создавал для него личную стратегию, определял уровень сложности и выдавал запас жизненной энергии. Дальше пошло-поехало: в одной руке мышка, в другой джойстик. Крути, верти, человечиче, продвигайся вперёд, пробивайся наверх. Набирай нужные очки, штрафуйся, переходи с уровня на уровень с призовым бонусом – или откатывайся назад, если не можешь приспособиться и смириться с жестокой дей-

ствительностью, не умеешь играть по её бескомпромиссным правилам, рассчитывать оптимальную стратегию боевых бизнес-действий.

Настырно, шаг за шагом продвигайся к намеченной цели. Планомерно и настойчиво отмечай чёрным маркером в таблице, прикреплённой над рабочим столом, успешно завершённые миссии. Отлично закончена школа – плюс. Университетский диплом получен – плюс. Первая работа по распределению – минус. Переход на второе место службы – плюс. Первое мини-авто – минус. Молодая жена – плюс. Вторая машина – плюс. Собственная квартира – плюс. Вторая жена – минус, и тому подобное, и так далее до появления на экране монитора тусклой мерцающей надписи: «КОНЕЦ ИГРЫ».

Так зачем в этом киберчеловеческом пространстве будоражащая красавица-весна? Кому она нужна? Комфорт, разнообразные заманчивые удобства, безупречный сервис, карьерный рост, круглосуточная доставка заказов любой сложности по указанному адресу... Где в этой отлаженной системе место для синеглазой весны с курчавой головой? А весна без первой влюблённости и страстной любви? Такое явление противоречиво и уродливо по своей сути. И природа, та благосклонная природа, которая породила когда-то человека, всерьёз разозлилась и отвернулась от него.

Белокурая весна так и не пришла. Она осталась там, где по-прежнему существуют одержимые счастливцы, мающие-

ся от нелогичных чувств. Ведь только на таких людях и держится то светлое и вечное, что ещё осталось в этом ограниченном, регламентированном, хорошо отформатированном мире.

Что? Город? Ах да, Город! Да не всё ли равно, что с ним стало. В нём ведь уже не будет опьяняющей прелестницы-весны. Радостные зелёные газоны не зажелтеют акварельными пятнами одуванчиков. Ровно подстриженные парковые кусты не покроются белой сыпью мелких цветов. Горожане будут навсегда лишены тёплой душистости оттаявшей земли и упоительного благоухания сирени. Город не услышит радостных птичьих трелей. Всё великолепие природы, которая медленно и лениво оживает после долгого зимнего сна, пройдёт мимо него. А потом пасмурный город не увидит жаркого лета, веснушек васильков в окрестных ржаных полях. Томительный июль не поднимет метель из тополиного пуха. Не пронесётся цветная пурга по его заросшим садам и благородным скверам. Так стоит ли вспоминать о нём? Он этого вряд ли заслуживает.

Звёзды

Их было четверо – закадычных друзей. Они долго вместе шли по извилистой жизненной дороге в поисках удачи. Никому из них никак не удавалось отыскать свою звезду, увидеть её пленительное путеводное сияние. Им было трудно найти себя в суетной жизни, которая то и дело ставит основные понятия с ног на голову, по настроению и прихоти меняет с трудом выбранные приоритеты и тасует законы, словно колоду краплёных карт. Жизнь эта, казалось им, в своей основе напрочь лишена каких бы то ни было моральных принципов и идеалов.

Однако они смогли сохранить тепло души, надежду и веру. Каждый из них верил в свою звезду... Вот-вот она взойдёт над пустынным сонным горизонтом и осветит унылое существование долгожданным светом радости и счастья. Но нельзя покорно ждать своей участи, не годится безраздельно верить бразды правления слепой судьбе.

В поисках затерянного где-то звёздного счастья они упорно бродили по белому свету, внимательно прислушиваясь и присматриваясь. Эти четверо плохо ориентировались в хитросплетениях окружающей действительности, однако не потерялись, а потому жили и старательно искали.

Они долго скитались под безликим, скучным небом, заполненным свинцовыми легионами туч. Короткие дни бы-

ли серы и пресны, длинные ночи – муторны и безлунны. И только во время быстротечного августовского звездопада с чёрного неба вдруг срывались маленькие звёздочки чьих-то несбывшихся надежд. Они чиркали яркими полосами и бесследно исчезали во мраке тревожной воровской ночи.

Зябкими вечерами верные друзья грелись у потрескивающего костра и вели бесконечные разговоры. Они витиевато размышляли о смысле жизни, но при этом искренне верили, что уж их-то звёзды, однажды взойдя над горизонтом, будут всегда сиять для них негасимым светом. В промозглые осенние дни, когда шелест опавших листьев сливался с плачем дождя, эта непоколебимая вера согревала продрогшие тела и мечущиеся души.

Но вот однажды один из друзей заметил в сгущающихся сумерках яркую, трепещущую от только что выпавшей росы звёздочку: она призывно сияла сквозь ветви деревьев откуда-то из самой чащи леса. Не раздумывая ни секунды, позабыв обо всём на свете, Первый бросился за мелькнувшим светом, оставив озадаченных спутников в полном недоумении. Он бежал, отводил от лица обеими руками больно хлещущие, мокрые стебли травы и жёсткие ветки кустов. Он продирался через преграждающие дорогу буреломы. Он нёсся стремглав сквозь густые заросли непролазного кустарника, не желавшего его пропускать.

Временами мерцающий свет ненадолго исчезал из вида, и Первый, страшно волнуясь, с удвоенной силой искал же-

ланный отблеск. Он так долго надеялся на чудесное явление своей звезды, столько всего выстрадал за годы томительного ожидания, столько раз был на грани отчаянья! Он не мог потерять её именно теперь, когда она была так близка. Всё, что угодно, – идти за ней, бороться за неё со всеми злыми силами и недругами в мире, – лишь бы она не пропала, лишь бы не зашла за горизонт, не растаяла в туманной предрасветной дымке.

Вот ощетинившийся лес начал медленно, как будто нехотя расступаться. Влекущая звезда становилась всё ближе, её сияние делалось ярче и нестерпимей. Волнение усиливалось, минутами Первый просто задыхался, хватал полной грудью холодный осенний воздух. Наконец он достиг мечты...

То, что он поначалу принял за долгожданную звезду, оказалось просто-напросто гнилушкой, светящейся в ночном мраке. Первый долго стоял над ней как вкопанный. Широко расставленные гудящие ноги одеревенели от изнурительно-го бега. Тряслись сжатые до боли в суставах, побелевшие кулаки. Остановившимися глазами он тупо смотрел перед собой и никак не мог поверить, что его мечта, его надежда, его пленительная звезда оказалась всего лишь болотной гнилушкой.

Готовое разорваться сердце, казалось, расширилось, раздулось до невероятных размеров, словно перекачанный воздушный шар, ему сделалось так тесно в сжимающей со всех сторон рёберной клетке...

Время шло, отстукивая в висках оглушительный ритм, а Первый был не в силах даже пошевелиться. Он неподвижно, словно каменное изваяние, стоял и смотрел в пространство невидящим взором. В душе осталось единственное желание: во что бы то ни стало вернуть мерцающий свет далёкой звезды.

Вдруг он заметил вдалеке ещё один сияющий огонёк! Не помня себя от радости, Первый вновь кинулся к непреодолимо влекущему призрачному свету.

Но и это оказалась обыкновенная светящаяся в ночи гнилушка...

Он не хотел, не мог поверить в происходящее и всю долгую безумную ночь метался по заросшему лесу от одной блестящей точки к другой. Как загнанный зверь, не чувствуя боли, не замечая полученных ран и струящейся крови, он был нацелен лишь на одно – спасти взлелеянную, но ускользающую мечту.

Увы, среди мерцающих огоньков не было его путеводной звезды. Прозаические болотные гнилушки обманчиво сияли во мраке таким, казалось бы, искренним и тёплым светом.

Верные друзья нашли его только ранним утром, когда с робкими лучами солнца по всему болоту погасли ночные светящиеся точки. Первый сидел на пыльной обочине, прильнув спиной к замшелому придорожному камню, и смотрел в чащу леса отрешённым взглядом. Никакие уговоры, никакие разумные доводы не сдвинули его с места.

Жизнь и прежде не баловала радостями и роскошью. Но всего лишь одна ночь глумливо-подлого обмана сломила его окончательно. Это была последняя предательская капля, упавшая в переполненную чашу невзгод. Смертоносная, всепоглощающая горечь выплеснулась в душу, опустошая и уничтожая то светлое и живое, что тщательно лелеялось все прожитые годы. Он потерял сначала хрупкую надежду, а затем и так долго сберегаемая вера покинула его.

Та беспощадная ночь сделала из Первого духовного старца, ни на что более не способного. Да, в бурлящем страстями, предательском мире бродят ещё одинокие пилигримы, и порой они находят долгожданное затерянное счастье, и встречают сияющие, немеркнувшие звёзды своей мечты... А ему – ему теперь хотелось лишь тишины, спокойствия и полного одиночества. Чтобы никто и ничто не напоминало о прошлых надеждах и желаниях.

Единственной его отрадой и жизненной пристанью стали теперь поздние безлунные вечера. В это время на болоте сквозь медленно сползающий туман можно разглядеть трепещущий блеск светящихся точек, так похожий издали на свет прекрасных звёзд...

Их осталось трое. Но им не суждено было долго идти втроем. Поздним вечером они в очередной раз сидели у догорающего костра. Дрова медленно превращались в кучку раскалённых углей и золы, а размеренно текущий разговор – в череду задумчивых взглядов и затянувшихся пауз. Второй

из оставшейся троицы загляделся в бездонное небо, которое тёмным бархатным колпаком нежно накрывало засыпающую землю.

Величественная красота бесконечного пространства завороживала. Но вдруг будто мощный электрический разряд пронзил его тело... Глазам стало больно от невиданного ярко-голубого сияния. Великолепная звезда полоснула по диагонали через весь небосвод и упала где-то совсем неподалёку. Это был один миг, всего лишь миг, очаровавший его и погрузивший в трепет. И Второй устремился искать свою несравненную звезду, скатившуюся, казалось, за соседний лес.

Он искал её всю оставшуюся жизнь. Его встречали в этих местах измождённым стариком с длинной белой бородой и воспалёнными, глубоко запавшими, обезумевшими глазами. Он ходил по окрестным деревням с огромным посохом, зажатым в жилистой дрожащей руке, и худосочной полотняной котомкой за сутулой спиной. Местных жителей он бесконечно расспрашивал о некогда упавшей где-то здесь загадочной звезде.

Вначале над ним только безобидно посмеивались – мало ли бродит по земле всяких чудаков, и не таких видывали. Иногда его скудно кормили, пускали в дом, слушали, улыбаясь, его удивительный рассказ о прекрасной звезде. Изредка, в непогоду, ему позволяли оставаться на ночлег.

Шли годы, его постепенно стали считать большим стари-

ком, скатывающимся к неизбежному сумасшествию. Уже, от греха подальше, ему не давали переступить порог обитаемого жилища. Женщины, завидев его на дороге, прятали по домам играющих на улице ребятишек, наглухо запирали ворота и калитки.

А потом кто-то – то ли случайно, то ли по злему умыслу – распустил слухи, будто он проклят на вечные скитания. Якобы в благополучные дома, где останавливается, он приносит несчастья, а деревню, приютившую его по доброте душевной, одаривает многолетним голодом и неурожаем. К тому же, говаривали досужие люди, от его безумного пронизывающего взгляда дохнет скотина, а дети начинают хворать.

Теперь его стали гнать отовсюду. Мечтать о ночлеге в ненастные ночи уже не приходилось. При его приближении цепные собаки как по команде поднимали вой, а дети, громко хохоча и дразнясь, беспрепятственно бросали в него палки и камни.

Второй умер тихо, привалившись к плетню на окраине одной маленькой деревушки. Несколько самых сердобольных и богобоязненных сельчан отнесли его легковесное, пострадавшее тело за деревню, на опушку леса, выгоревшую когда-то, как говорили старики, в результате жуткого пожара.

Там, чтобышний раз не копать могилу, его опустили в глубокую круглую яму, не то вырытую невесть кем, не то появившуюся по неизвестной причине в одну ночь со знаменитым зловещим пожаром. Креста на могиле не постави-

ли, а чтобы покойник после смерти не бродил по окрестностям, не пугал никого и не приносил местным жителям новых бед, привалили могилу большим камнем. Эту глыбу, отливающую холодным серебристым блеском, подняли со дна той самой ямы. И в первую же ночь, к неопишуемому ужасу суеверных жителей, камень пронизал темноту бледно-лунным слепящим светом.

С тех пор место объявили проклятым и запретным. Со временем оно обросло жутковатыми легендами, и ещё долгие годы эти рассказы наводили на людей животный страх.

Больше всего доставалось путникам, которые принимали яркое свечение за огонь человеческого жилья и в надежде на желанный ночлег сворачивали с дороги. Всю безумную ночь в панике плутали они по лесу под впечатлением от холодающей кровь картины – одинокой, светящейся лесной могилы.

Самые невероятные слухи стали расползаться по округе. Матери пугали этим местом своих недотёпистых отпрысков и строго-настрого запрещали детям приближаться к злополучной поляне, где покоилось тело бедного искателя звезды счастья. Находились и очевидцы того, как однажды прямо с неба упала огромная звезда, осветив всю округу ярким сиянием. Никто, правда, им особенно не верил.

А двое верных друзей не осуждали товарища, покинувшего их в одночасье. Они-то знали, что он не потерял разум и не получил проклятия. Потому что тоже видели его звезду, которая однажды вспыхнула и через миг упала как будто бы

за ближайшим лесом.

Эти двое продолжали свой нелёгкий путь. Они шли бесплодными пустынями неудач, мрачными лесами забвений, выжженными степями напрасных стремлений, длинными дорогами огорчений. Их больно хлестали дожди горьких слёз, окутывал плотный туман сомнений. Но и голос надежды звучал для них в дороге, и потому они упорно шли и шли вперёд.

И вот однажды их взору предстал раскинувшийся в живописной долине город. Он сиял и переливался разноцветными огнями, утопал в густом аромате чудесных цветов и вечнозелёных кустарников. Окружали город коромысла семицветных радуг.

Радость наполнила исстрадавшиеся, соскучившиеся по красоте и человеческому теплу души путников. То была радость долгожданной, доставшейся большой кровью победы. Они стояли на горе, подставив лёгкому, тёплому ветру просветлевшие лица, и с высоты рассматривали утопающий в яркой зелени город. Друзья не пытались скрыть слёз счастья, растирая их загрубевшими пальцами по запылённым, обветренным щекам.

Подойдя к городу поближе, они разглядели стройные, устремившиеся в небо великолепные дома; многочисленные вывески переливались разноцветными оттенками, роскошные витрины сияли яркими огнями. Подобной красоты они доселе не видели, да и не могли представить, что где-то в

мире существует такая роскошь.

Широкие проспекты блестели, как будто их только что натёрли воском и отполировали. Улицы и переулки буквально лучились чистотой и порядком, стены и заборы были заботливо выкрашены в радующие глаз цвета. С первого взгляда стало понятно, что это и есть город долгожданного счастья. От сияющего, словно улыбающегося города, его изумительных гордых построек, даже от простых булыжников на мостовой, аккуратно подогнанных друг к другу без единой зазоринки, невозможно было отвести взгляд. В одно мгновение город заворожил, очаровал странников.

Они ожидали увидеть на залитых солнцем улицах приветливые, радостные лица горожан, услышать весёлый детский смех, оживлённый гомон на базаре... Однако город, к их великому удивлению, оказался наполнен угрюмыми, сосредоточенными людьми. Горожане спешили по неотложным делам, смотря только себе под ноги, тихо перешёптывались со знакомыми не поднимая головы, приценивались к каким-то вещам, почти не глядя на покупки, общались друг с другом сквозь тёмные стёкла очков, даже не пытаясь заглянуть в глаза собеседника.

Путники хотели было спросить, какое страшное горе омрачило радость местных жителей. Но вдруг в проёме одной из улиц, в конце ряда серебристых высоких зданий, вспыхнула ярчайшим пламенем звезда. Она наполнила улицу калейдоскопом разноцветных красок, фонтаном брызжу-

щих искр и солнечных зайчиков, излучающих добрый свет тепла и надежды. Странно, но никто из прохожих не обратил на изумительную вспышку особого внимания. Люди только ниже опустили головы и спрятали глаза, будто боясь ослепнуть от бушующего сияния.

Третий из друзей понял, что это и есть его долгожданный знак. Он побежал за своей звездой по длинной идущей в гору улице, которая в радужном свете весело переливалась всеми цветами радуги.

Но в конце этой улицы возвышался современный дом из стекла и бетона. Своими огромными тонированными витринами он отражал поток света, идущий с другой стороны раскинувшейся неподалёку уютной площади, из небольшого узкого переулка за ней. Третьему же показалось, что до заветной звезды осталась самая малость, что он уже ощущает невероятное тепло, исходящее от неё вместе с потоком слепящих лучей. Пот градом катился по его раскрасневшемуся лицу, застил глаза, рубашка так намочла от быстрого бега, что её можно было выжимать. Но он позволил себе приостановиться всего лишь на одно мгновение, перевёл дыхание и снова бросился к своей долгожданной цели.

А переулочек изгибался и выводил на другую улицу, в конце которой теперь находился источник излучения, точнее, его очередное отражение... Это был искрящийся, прекрасный с виду город. Но он был наполнен иллюзорным светом несбыточного счастья, обманчивым сиянием, которое многократ-

но отражалось от тонированных стёкол, огромных витрин, глянцевых фасадов и гиперболических зеркал на фасадах хитроумно расположенных домов. Свет неожиданно появлялся, даря мимолётную надежду, и спустя короткое время отнимал её.

Такова была неизвестно кем придуманная, гениально спроектированная и воплощённая в реальность недобрая шутка. Жители города, неоднократно попадавшие на эту искрящуюся приманку и в итоге привыкшие к жестокому розыгрышу, теперь лишь отворачивались и закрывались от свечения. Они не желали, чтобы яркий свет несбыточных надежд слепил их уставшие глаза, тревожил бедные истрадавшиеся души.

Но у Третьего искателя счастья не было такого опыта. Поэтому он долго бегал по празднично убранным улицам, величественным проспектам, разукрашенным площадям, ухоженным паркам, маленьким уютным переулкам... Только вернувшись на ту улицу, с которой началась последняя попытка найти запоздалое счастье, он, наконец, остановился. Он медленно поднял голову, прикрыл ладонью глаза, ещё раз внимательно, напряжённо посмотрел на призывный свет – и отвернулся, чтобы больше не видеть его никогда.

Третий остался в этом городе иллюзий и перестал, как и все остальные, обращать внимание на феерические, озаряющие всё вокруг вспышки. Он окончательно уверовал в бесплодность предпринимаемых поисков.

Последний же из мечтателей продолжал идти дальше один. Заброшенные деревни сменялись гомонящими городами, бескрайние поля чередовались с глухими таёжными лесами, малюсенькие речушки впадали в полноводные реки, в итоге добегая до моря, а он терпеливо и упорно искал свою драгоценную звезду. Он настырно продирался через непролазные чащи едких сомнений, стоически пересекал безжизненные пустыни обречённости. По дороге он встречал высохшие источники редких радостей и пустые русла ушедших рек благополучия. Порой странник подолгу не видел желанного солнца, и бесконечная белая пелена неопределённости расстилалась вокруг него, закрывая намеченный путь туманной дымкой.

Он выдержал всё, через всё прошёл, один из четырёх искателей счастья, некогда отправившихся в дальнюю дорогу. И не страдающая жалостью к униженным и оскорблённым, не пестующая терпеливых и стремящихся, гордая и себялюбивая госпожа фортуна неожиданно решила одарить его своей милостью. Лишь одному из четверых, самому упорному, прошедшему все испытания, она зажгла вожеленную звезду.

Случилось это, когда он шёл по ровной, уходящей за горизонт дороге. Золотой искоркой высоко в небе вспыхнула звезда, осветив ослепительным сиянием его долгий путь. Тьма клочьями в испуге расступилась перед всепобеждающим светом, не в силах сопротивляться его великолепию.

Теперь путник мог без оглядки на печальное прошлое, без страха перед неизведанным будущим, невзирая ни на какие преграды и запреты, смело идти вперёд. Пронзительная звезда его счастья взошла, чтобы всю оставшуюся жизнь светить ему негасимым светом.

Но Четвёртый не поверил в свою удачу – робкие остатки веры неожиданно покинули его. Он вдруг страшно испугался пришествию именно того, чего с невероятным упорством искал столько долгих бродяжнических лет.

Он принялся защищаться от льющегося на него благодатного света, старался укрыться от золотых блестящих лучей. Упав в пыльную придорожную траву и закрыв голову руками, он долго и протяжно оплакивал свою никчёмную долю. Увы, последний из путников не поверил в искренность света своей блистательной звезды. Он так привык видеть вокруг себя ложные огни, обманчивое сияние, что перестал воспринимать мир таким, каков он есть!

Постаревший и сильно изменившийся за годы скитаний, он смотрел вокруг настороженно, ожидая очередного изощрённого подвоха. Теперь он воспринимал происходящее не иначе как затянувшуюся прелюдию к неизбежному проявлению хитро затаившейся лжи. Это мерзкое ощущение поджидающей за ближайшим углом опасности вьелось в его кровь и плоть, тайно проникло в подсознание и постепенно разъело его душу.

Он вспомнил несчастных друзей, искренне поверивших в

иллюзии и поддавшихся искусному обману.

Он хорошо помнил, как Первый бешено метался по лесу, его изодранную в клочья одежду, окровавленные руки и пустой, невероятно усталый взгляд. Эти безнадёжные, словно у ведомого на бойню животного, глаза безмолвно задавали один и тот же вопрос: за что? За что? За что всё это?

Небольшой дом Первого, построенный на самом краю леса, так и остался неухоженной развалюхой, преждевременно состарившейся, как и его нелюдимый хозяин. Единственно, кто благосклонно и благодарно относился к нему всё это время, так это его любимый болотистый лес. Одинокий молчаливый лесник в сумерках бродил по самой недоступной глухомани. Его жутковатого отрешённого взгляда боялись отчаянные браконьеры, постепенно прекратились самовольные порубки и даже сезонный сбор грибов и ягод...

Потом Четвёртый вспомнил, как Второй из их компании побежал за своей упавшей неподалёку лучистой звездой ещё совсем молодым, полным сил парнем. Потом он встретил его седовласым стариком с трясущимися, иссохшими руками, видел, как тот закрывался от града камней, как гнали его надрывным лаем спущенные с цепей собаки. Много позже он пришёл на одинокую лесную могилу и долго молча наблюдал необъяснимое завораживающее сияние, исходящее от этого загадочного места. Соорудил и поставил на могиле деревянный крест, отдав последнюю дань скорбной участи искателя звёздного счастья.

Он отлично помнил и Третьего... Верный друг, надёжный спутник, Третий товарищ навсегда врезался в его память за-
травленным беглецом, прижимавшимся к гладкой зеркаль-
ной стене серебристого дома, закрывающим лицо от нена-
вистного яркого света.

Сияющий город несбыточных иллюзий принял его в свои
лживые объятия, отнял мечущуюся, беспокойную душу. А
взамен дал железную волю, никогда не покидающую вы-
держку, самообладание и холодный режущий взгляд. Став
достойным жителем, почётным гражданином и даже депута-
том, бывший искатель счастья Третий создал огромную им-
перию, пронизывающую всю инфраструктуру злополучного
города.

Лучшим рестораном в том городе считалась таверна «Пу-
теводная звезда», самый большой капитал принадлежал бан-
ку «Звездопад». Отпуска, поездки и перевозки обслужи-
вала транспортно-туристическая фирма «Звёздный стран-
ник». Строительство домов повышенной комфортности, от-
деланных по фасадам суперсовременными, отражающими
практически сто процентов света зеркалами, вела корпора-
ция «Звёздное небо». И конечно, лучшим офисным цен-
тром в городе стал шикарный комплекс «Третья звезда». Он
был оснащён по последнему слову техники, имел лучшую
охрану, современнейшую систему видеонаблюдения, содер-
жал в штате самых красивых, неизменно улыбчивых сек-
ретарш. Фешенебельный гигантский комплекс был увенчан

огромным, поражающим воображение куполом, имитирующим живое звёздное небо. На нём всходили, разгорались и гасли крошечные галогеновые звёздочки, не имеющие права упасть на грешную, пропитанную кровью и потом землю.

Злые насмешки судьбы безвременно состарили одного, убили другого, сделали циником третьего... А у последнего отняли веру в справедливость и самоценность всего сущего, что происходит на крошечном островке мироздания по имени Земля.

Четвёртый вспоминал их на мгновения озаряющиеся, вспыхивающие неопишуемой радостью глаза, а потом безжалостная память воскрешала их разочарование, их тяжёлые раны, и слёзы текли по его морщинистым, давно не знавшим бритвы щекам. Он не хотел больше видеть свою ослепляющую звезду, он больше не верил в неё.

Он лежал посреди начинающего зеленеть весеннего поля, рыдал и думал: зачем зловердная судьба снова манит его призывной мечтой? Чтобы тотчас отнять её? Последняя призрачная надежда бесследно исчезнет, а останутся бесконечные, не дающие уснуть ночные терзания, гнетущая душевная боль и горечь, и так будет до следующей, очередной насмешки свирепой судьбы. Он не хотел быть жестоко обманутым, как были обмануты его несчастные друзья. Он упорно закрывался от льющегося с небес звёздного света, чтобы тот не тронул его своим колким остриём.

А наверху, в тёмно-синей аквамариновой вышине, мед-

ленно плыли лёгкие пуховые облака, гулял озорной ветер, тёплым дыханием нашёптывая, уговаривая поверить. В последний раз. Поверить в подлинность счастливой звезды! Ведь без веры нельзя, невозможно прожить на этом несовершенном свете. Сочная трава тихо вторила шаловливому ветру нежным шелестом. «Это твоя истинная звезда, твоя неповторимая путеводная звезда, неподдельная звезда твоего счастья. Ты обязательно будешь счастлив, только доверься ей, поднимись, пойдти за нею», – шуршали стройные стебли.

А он, разбросав в стороны жилистые руки, беззащитным крестом распластавшись посреди бескрайнего поля, что есть сил обнимал пахнущую наступившей весной землю. И над ним в высоченном, бездонном небе сияла его долгожданная звезда, единственная настоящая звезда его выстраданного счастья.

Новогодняя сказка

Был канун Нового года, самое его преддверье. Но новогоднего настроения не наблюдалось. Ибо ничего неожиданного очередное празднование не предвещало. Так, проходной эпизод, который гарантирует лишь головную боль в последующие двое суток, апатию, слабость, нежелание что-либо делать, ворох различных путаных мыслей и беспричинных сомнений.

Почему опять один календарный период жизни нелепо заканчивается, а другой начинается совсем не так, как хотелось бы?

А может, всё оттого, что не расщедрилась зима на настоящий крепкий мороз с его характерным хрустом и поскрипыванием под ногами, густыми клубами пара изо рта. Не опускался на землю особенный, медленно кружащийся снег, как будто приглушающий все звуки, заставляющий молча стоять у окна и бесконечно долго смотреть на завораживающее скольжение снежинок. Поистине волшебная картина: вот за заиндевелым стеклом появляются отдельные крупные хлопья, неторопливо вращаются, танцуя свой торжественный предновогодний вальс, и вновь загадочно исчезают...

Но нынче новогоднего настроения не было.

Зато накопились какие-то мелкие, незначительные дела. Их бывает легко и приятно выполнять всем скопом, потому

что они не занимают много времени и не требуют особых усилий. Да и не хочется тащить долги в новый год.

Будучи студентом, наш молодой герой жил с родителями и в институтском общежитии бывал не так уж часто. Однако именно туда завела его одна из отложенных на потом мелочей.

Общага была сделана на совесть: здание строилось в самый расцвет эпохи тотального гигантизма и представляло собой внушительное монструозное сооружение, всем своим видом прославляющее развитой социализм. Внутри посетителя встречали узкие длиннющие коридоры, напичканные щелями дверей, сжатые по бокам крашеными стенами, придавленные массивным потолком. Человека непривычного уже через полчаса визита ждали головная боль и приступ клаустрофобии.

Однако постоянные обитатели элитной трущобы на особенности пролетарской архитектуры внимания почти не обращали. То ли обладали своеобразным иммунитетом, то ли, скорее, всё объяснялось просто молодостью и студенческой закалкой. Ведь, как известно из курса общей биологии, самые живучие и легко адаптирующиеся к обстоятельствам существа – это тараканы и студенты.

Такова была и наша героиня.

Она уже давно проснулась, прибралась в комнатке стандартного образца, смотрящей в мир сквозь небольшое окно-амбразуру. Окинула ещё раз взглядом скудное простран-

ство, рассчитанное на проживание двух обитательниц. По замыслу архитекторов, должны они быть худосочными и мало-подвижными, проводящими время либо за письменным столом, либо в постели: ведь даже в самом широком месте комнаты разойтись, не зацепив чего-нибудь на столе и на полках, можно было лишь боком друг к другу.

Хотела было навести праздничный марафет, но обнаружила досадную нехватку некоторых необходимых для этого вещей. Все знают, что в студенческом общежитии средства производства и средства потребления обобществлены, вот и пришлось отправиться искать по подружкам свою плёнку: накануне её торжественно обещали вернуть и, естественно, не вернули.

Единая студенческая потребительская сеть была обширна и запутанна; предметы путешествовали в ней не только по горизонталям коридоров, но и по вертикалям этажей. За ночь нужная вещь успела перекочевать этажом выше. Найдя её и обменявшись с сокурсницами пустяковыми новостями, девушка направилась обратно к себе.

Спуститься вниз можно было двумя равнозначными путями: повернув направо или налево. Что ж, какая-то невидимая сила подтолкнула её именно налево. Судьбоносный выбор состоялся.

Тем временем герой нашего рассказа завершил почти все намеченные на сегодня дела и собирался уже с лёгким сердцем возвращаться к родным пенатам. Никакой необходимо-

сти не было поворачивать в боковой коридор. Однако что-то заставило его повернуть. И там он встретил её, идущую ему навстречу в полутьме одиннадцатого этажа.

Можно сказать, две точки нашли друга друга вопреки всем законам теории вероятностей. Им не помешало хитросплетение петляющих коридоров и громоздящихся этажей, и временное измерение соединило их в одной реальности. Подчиняясь какой-то наивысшей силе, они двинулись в одно мгновение, совершили необходимое количество поворотов, подъёмов, спусков, чтобы встретиться в нужном месте лицом к лицу.

Подумать только, всего два-три деления на круглом циферблате часов могли навсегда развести их в пространстве и времени. Две ничтожные минуты вылились бы в длинную череду лет, наполненных безнадёжными поисками. А единственный не так пройденный коридор изрисовал бы линию жизни бесконечными нервными изгибами.

Но невидимая сила не дала им ошибиться. В нужный момент она чуть ли не столкнула их лбами. Имеющий воображение человек легко представит, как она, довольная произведённым эффектом, радостно потирает руки и весело хихикает: не зря, мол, старалась. Ну а наши герои быстро оправились от первоначального смущения и теперь шли рядышком, о чём-то болтая.

Они проговорили за чаем невесть сколько времени. Обоим давно пора было возвращаться к намеченным планам, но

расставаться уже не хотелось. Решили сделать все оставшиеся дела вместе, а что не получится – отложить до лучших времён.

Быстро закончили остатки его недоделанных мелочей и собрались ехать в центральный «Детский мир», где в назначенный час её ждали приехавшие в город за покупками родственники.

Но высшей силе, направляющей теперь их совместные действия, не понравилось такое развитие событий. Встретившись с родными, девушка неминуемо попала бы в бурлящий водоворот предпраздничных забот. С героем наверняка пришлось бы на время расстаться. Кто знает, к каким последствиям это приведёт?

То высшее, что принято считать судьбой, сделало всё возможное, чтобы они опоздали на встречу.

Сначала пропали все автобусы, идущие до станции метро. Потом сами поезда подземки принялись задерживаться по невыясненным причинам. У эскалатора неожиданно-негаданно образовалась огромная недвижимая толпа, очередь на выход в город теснилась пугающим монолитом. Они изрядно нервничали, преодолевая одну преграду за другой, а небесное создание с грустью наблюдало за ними и вздыхало: «До чего же люди бестолковы. Пока не заставишь их стать счастливыми, они так и останутся ни с чем. Более того, их подталкиваешь – а они всё равно будут совершать самые нелепые поступки, чтобы всё испортить».

Сначала они суматошно бегали по огромному «Детскому миру» вокруг назначенного места встречи. Пытались прорваться сквозь обременённую сумками и коробками толпу народа. Но покупатели вокруг активно работали локтями, людской поток водоворотами вращался на этажах, водопадом падал вниз по лестнице к заветному выходу и вновь гигантским фонтаном возносился на верхние этажи. Бессмысленная круговерть предпраздничных покупок не имела ни конца, ни начала. Вскоре наши герои растворились в ней, людская масса несла их с лестницы на лестницу, с этажа на этаж.

Поиски родных, как можно было ожидать, не дали никаких результатов, но вместо расстройства на их лицах угадывались лишь лёгкие следы усталости. Высшая сила, неустанно следя за ними посредством огромного центрального монитора, отметила перемену в настроении подопечных и порадовалась своему первому успеху.

Вот они стоят за высоким столиком в маленьком кафе-террии и пьют некий светло-коричневый напиток, отдалённо напоминающий кофе. Не отрывая глаз, смотрят друг на друга. Тихо беседуют, смакуя неожиданно доставшиеся дополнительные минуты общения.

Конечно же, для такого случая следовало бы подыскать более подходящее место: чтобы можно было посидеть в удобных креслах под звуки приглушённой музыки, заказать что-нибудь услужливой официантке. Увы, такого объекта поблизости не нашла даже высшая сила, благосклонно рас-

положенная к героям.

Небесная направляющая посчитала, что это, пожалуй, не столь важно, этим можно пренебречь. Тем более что даже с использованием установленной не так давно расширенной версии поисково-навигационной системы четвёртого поколения проблему было не решить: такой уж «несервисный» город.

Потом они шли кривыми переулками старой Москвы, путаящимися и теряющимся в собственных многочисленных переплетениях. Высшая покровительница умиленно улыбалась, наблюдая за этими созданиями, сумевшими найти друг друга с её помощью. Но радовалась она недолго и вскоре с особым вниманием, расширив диапазон, усилив звук и убрав помехи в следящей аппаратуре, стала прислушиваться к диалогу. Да-да, она не ослышалась: в нём действительно появились нотки прощания.

«Всё-таки люди категорически неисправимы! Подбрасываешь им под нос добрую пригоршню счастья, делаешь всё возможное и невозможное, чтобы ничто не помешало первым росткам чувств, а они через какие-то несколько часов прощаются, даже не договорившись о новой встрече. Полная бестолковость! Детская инфантильность! Катастрофическое непонимание жизни! Чему их только учат столько лет подряд в средних и высших учебных заведениях! – небесная направляющая в сердцах схватила за голову. – Мало того, ведь это в канун Нового года! Ты преподносишь им нечто

особенное, долгожданное, возможно, даже вечное. Но они не верят ни во что чудесное и ведут себя, словно слепые котята: их тычут в блюдце с молоком, а они отворачиваются – и снова просят есть». Очень расстроилась высшая сила и с горечью отвернулась от молодой пары.

Тем временем студенты действительно расстались, не договорившись конкретно о будущем свидании. Решили, что либо он на днях зайдёт в общежитие, либо увидятся на одной из предэкзаменационных консультаций. Ну или ещё как-нибудь пересекутся во время наступающей зимней сессии.

Он поехал к себе домой, где его давно уже ждали родители. Она отправилась к подруге (их общей знакомой) на вечеринку, куда его не пригласили. Появиться там вдвоём было бы неудобно, ведь правда же?

Где и с кем будут встречать надвигающийся Новый год, они пока не знали. Но семейный этот праздник оба подсознательно недолюбливали.

Через час он лежал дома на диване и с тупым упорством пытался читать книгу. Бесполезно – сосредоточиться никак не мог. Глаза бегали по строчкам, однако смысл повествования ускользал, словно тонкая змейка в густой траве. В конце абзаца ловил себя на мысли, что не помнит его содержания. Начинал читать заново, потом ещё и ещё раз.

Она стремилась настроиться на волну весёлой и шумной разношёрстной компании: улыбалась, беседовала, хохотала – но всё выходило как-то натянуто и неестественно. Слушала

собеседников рассеянно, порой отвечала невпопад; иногда, начав какую-нибудь фразу, неожиданно её обрывала. Взгляд был устремлён куда-то в пространство, мысли двигались по замкнутому кругу: неужели он не приедет? Неужели так и не решится сделать этот шаг?

А время сначала текло, потом бежало; суматошный день завершился предпраздничным вечером; вечер уже клонился к чернильной, сияющей иллюминацией ночи.

В сгустившихся сумерках в огромном наблюдательном зале появилось небесное создание. С огорчением взглянуло на молодого человека: сидя за семейным столом, он ужинал с хмурым видом и, кажется, не осознавал, что именно кладёт в рот. Потом перевело взгляд на соседний дисплей: юная привлекательная особа на нём явно выбивалась из общего веселья. Камера показала крупным планом её печальные зелёные глаза, как будто чего-то ожидающие. Картина вырисовывалась впечатляюще невесёлая – и слишком, слишком знакомая.

Небесная сила снова переключилась на юношу. Теперь он то ходил по комнате из угла в угол, то останавливался у окна, всматривался в начавшийся снегопад. На диване, безвольным веером разбросав страницы, лежала недочитанная объёмистая книга. А он всё беспокойно мерил шагами комнату. В голову лезли самые разнообразные сомнения. Удобно ли приехать на чужую вечеринку без приглашения? Что об этом подумают остальные? Да и нужен ли он там? Точнее, нужен

ли он там ей? Может, у неё есть кто-то другой, и они вместе на этой вечеринке? А утренняя случайная встреча, дружеское чаепитие и прогулка по городу вовсе ничего не значат?

Было около восьми вечера, в декабре это уже практически ночь. Смелости совершить сумасбродный поступок (сейчас ему казалось, самый сумасбродный в жизни) парню не хватало. Но как же хотелось увидеть её именно сегодня и именно сейчас!

Тут перст небесной направляющей, которой поднадоело наблюдать за юношеской нерешительностью, появился в проёме стены и легонько, но вместе с тем и весомо подтолкнул нашего героя в спину. И тот с неизвестно откуда взявшейся уверенностью, к удивлению сбитых с толку родителей, моментально собрался и уже не просто бежал, а буквально мчался по пустынной улице наперегонки с порывами колючего ветра.

Уже через час с небольшим он был на месте. По дороге где-то обронил перчатку, но не расстроился: разве это важно. Небесная направляющая, усердно работая рычагами дистанционного управления, что есть мочи гнала его по лестнице к звонку квартиры на четвёртом этаже.

Втолкнула с разбегу в распахнутую дверь и предоставила возможность самому объяснять своё неожиданное появление удивлённой хмельной компании. А пока он лепетал что-то сбивчивым голосом, уставшая от напряжённых трудов высшая сила удалилась на краткосрочный заслуженный

перерыв: пора бы уже выпить крепкий чёрный кофе и ознакомиться с выпуском вечерних газет.

Эх, если бы кто мог наблюдать, как она развалилась на любимом ортопедическом диване, с наслаждением потянулась, раскинув натруженные за день руки и вытянув затёкшие ноги, и томно зевнула. Потом взяла с небольшого, составленного из вращающихся плоскостей журнального столика только что доставленную вечернюю прессу, ещё пахнущую свежей типографской краской. Быстро пробежала глазами несколько заинтересовавших полос.

Но надолго оставлять подопечных без присмотра, как уже показала практика, было недальновидно. Поэтому, пробыв в блаженном состоянии нирваны некоторое время, небесная направляющая встряхнулась, допила в несколько глотков остывший кофе и вернулась к пульту управления.

Они гуляли по дремотной столице. Общественный транспорт уже давно не ходил, а личного, конечно, ни у кого из них не было (да и не предвиделось даже в мечтах третьего уровня удалённости от текущей действительности). В общежитие возвращаться было поздно и совсем не хотелось, и они медленно брели по спящему городу. Направлялись к нему домой – чтобы в этом году уже не расставаться. Как же неожиданно удачно завершается год!

Улицы были девственно чисты и белы после недавнего снегопада, непривычно молчаливы и пустынные. Начинался последний день уходящего года – тридцать первое декабря.

Сияющий, поблескивающий огнями город наконец отошёл ко сну в ожидании предстоящей бурной ночи. Но эти двое никуда не торопились. Они растягивали удовольствие совместной прогулки по как будто вымершему городу, и жёлтые глаза недремлющих светофоров понимающе подмигивали им.

Безлюдные площади загадочно сияли в ореоле праздничной иллюминации, длинные проспекты походили на мерцающие реки тёплых огней, текущих в загадочную даль. Улицы переливались всевозможными цветами яркого неона. И им казалось, что всё это великолепие сотворено только ради них двоих, что именно в их честь устроен грандиозный праздник огня и света в огромном пустом городе.

Небесное создание долго задумчиво вглядывалось в большой монитор, провожая молодую пару. «И всё-таки странные создания эти люди», – вновь отметило оно про себя. Но теперь его поддержка больше не требовалась: до Нового года они уже не расстанутся, не расстанутся и потом.

Прощаться с ними было жаль. Высшая сила рассеянно крутила в руке карандаш, наблюдая, как её подопечные удаляются в жидкокристаллическую глубь монитора. Она была им больше не нужна! Щемящее чувство собственной бесполезности больно задело её тонкую небесную душу, вдруг накатило осознание одиночества. Увы, они не знают, кому обязаны своей чудесной предновогодней встречей. И не узнают никогда, кто же однажды вмешался в их разрозненные блуж-

дающие судьбы, чтобы переплести их в единую жизненную нить.

Когда их фигуры на дисплее превратились в едва различимые точки, небесное создание не стало больше приближать фокус камеры слежения и закончило видеонаблюдение. На этом пока всё. Но оно знало, что увидит их ещё раз.

Оно вновь появится в их жизни спустя множество лет. В промозглый осенний вечер постучится в окно вместе с косями спицами дождя и влетит в открытую форточку охапкой опавшей пёстрой листвы. Но наши герои и тогда ничего не заметят. Он, отложив в сторону газету, плохо видящим даже сквозь толстые стёкла очков взглядом медленно обведёт комнату и лишь ухмыльнётся почудившемуся в углу шороху. Она оторвётся от вязанья и покачает головой, сетуя на озорной осенний ветер, забросивший в комнату разноцветные октябрьские листья. А потом снова примется перебирать спицами, стараясь быстрее завершить неоконченный свитер.

Небесное же создание тихо постоит в углу, по привычке вертя в руках простой карандаш. В идеальной памяти до мельчайших подробностей предстанет тот далёкий зимний день, когда оно столкнуло их в коридоре одиннадцатого этажа студенческого общежития. Вспомнится и предновогодний сияющий праздничными огнями вечер. Тогда, заканчивая свою благородную миссию, оно оставило их наедине. Чтобы ещё раз полюбоваться счастливыми лицами, уже

на пороге просторного зала бросило прощальный взгляд в их судьбу – и страшно смутилось, увидев их первый робкий, морозный поцелуй.

Теперь оно пришло за ними, чтобы подобрать с пола её упавшее вязанье, забрать со стола его разложенную газету. И, бережно свернув, положить к себе в саквояж, где с давних пор хранятся одинокая чёрная перчатка и так и не сданный в архив документ за номером 3542 – отчёт об успешно проделанной работе.

Сегодняшнее задание было не столь обременительным: предстояло, не дожидаясь наступленья блёклого рассвета, забрать с собой их души, сплетённые некогда воедино в коридоре одиннадцатого этажа.

Как я стал модным

Я не посещаю шумные, многолюдные кварталы первого округа Парижа, где расположены разрекламированные во всех путеводителях «La samaritaine» и «Le printemps», меня не привлекает переливающееся иллюминацией здание «Harrods» в Лондоне. Я предпочитаю неторопливой, вальяжной походкой сибаритствующего господина прогуливаться по лабиринту узких улиц центральной части любой из европейских столиц, будь то Рим, Мадрид или Берлин. Там я выискиваю скромный, свободный от покупателей небольшой магазин, где и за кассой, и за прилавком, и в зале работает одна-единственная продавщица. Останавливаюсь на противоположной стороне улицы и какое-то время наблюдаю за ней сквозь витрину. В моём представлении, она либо владелица, может быть, партнёрша маленькой семейной фирмы, либо ближайшая родственница хозяина заведения.

Распахнув стеклянную дверь, которая оповещает о моём вторжении мелодичным звоном крошечного колокольчика, я приветливо улыбаюсь, здороваюсь и вхожу внутрь помещения. Вежливо киваю в ответ на любезное предложение хозяйки помочь мне с выбором, а затем начинаю перебирать представленные на полках товары. За этим неспешным занятием завожу разговор о состоянии бизнеса, теперешних вкусах и – как же без этого – царящих нравах. Обязатель-

но, насколько хватает моих скромных лингвистических способностей, стараюсь общаться на языке страны, в которой нахожусь. В случае затруднений перехожу на английский, а в тупиковых ситуациях прибегаю к помощи универсального языка мимики и жестов. Обычно это особенно импонирует скучающей одинокой продавщице.

Я обхожу стороной те торговые залы, в которых толпятся настырные зеваки; не стремлюсь за низкими ценами, не выискиваю дешёвый товар на сезонных распродажах. Кроме того, игнорирую места, где за прилавком с томным выражением лица позируют несостоявшиеся фото- и топ-модели. Обыкновенно я выбираю бутики с сотрудницами среднего возраста – с ними у меня сразу же устанавливается отличный контакт. Переходя от стойки к стойке, от витрины к витрине, я осматриваю и ощупываю представленные вещи, а очередная услужливая дама сопровождает меня по пятам. От неё я узнаю всяческие мелочи, любопытные подробности об особенностях местной жизни, о характерных привычках городских обитателей.

Обойдя раза два помещение и завершив почти уже дружескую беседу, я покидаю гостеприимную хозяйку. Всенепременно покупаю какую-нибудь безделицу – очередной яркий галстук или симпатичный шейный платок, – чтобы не показаться неблагодарным. Иногда выбираю покупку посolidнее: какую-нибудь приталенную сорочку или молодёжный плотно обтягивающий пуловер.

Конечно, не всю жизнь я был столь оригинальным шоппо-голиком, готовым поддерживать беседу в маленькой лавочке ради приобретения одного-единственного ремня или футболки и при этом избегающим больших универмагов. Раньше я просто не ходил по магазинам.

* * *

Очень долго я искренне считал – да, собственно говоря, и до сих пор считаю – самым дорогим и совершенно невозполнимым ресурсом время. Упущенную прибыль можно наверстать и в будущем заработать ещё больше денег; постыдный проступок – загладить, исправить, в крайнем случае, принести искренние извинения; пошатнувшееся здоровье – восстановить с помощью процедур и физиотерапии, подлечить пилюлями последнего поколения. А вот ушедшие часы и минуты вернуть немислимо.

Эта банальная истина, осознанная ещё в ранней юности, напрочь отватила меня от магазинов. Я объявил хождение по торговым точкам бестолковой тратой времени, которая не даёт человеку ничего путного, а только отупение в голове и усталость в ногах. Любой поход за покупками я с огромным удовольствием заменял на чтение книг, просмотр кинофильмов – да на всё что угодно, даже на простое созерцание бегущих по бледно-голубому небу белых кучевых облаков. Лишь бы только не толкаться по очередям, не обходить бес-

конечные ряды вешалок с одеждой.

В годы учёбы я относился к своему внешнему виду наплевательски. Обязанность снабжать меня брюками, свитерами и остальным прикидом полностью лежала на маме. Надо отдать должное милой мамочке, она тоже не сильно заморачивалась по этому поводу. В результате довольно долгое время, будучи уже студентом первого-второго курса, я носил сорочки китайской торговой марки «Дружба» ярко-розового и насыщенно-изумрудного цветов. Не знаю уж, почему дорогая родительница осчастливила меня рубашками таких экзотических расцветок. Впрочем, если учитывать особенности обеспечения населения товарами широкого потребления, характерные для позднесоветского периода... Скорее всего, просто на завод, где она работала, привезли именно такую партию ширпотреба. А может, конкретно маминому отделу повезло больше других с экстравагантным товаром.

Так как я продолжал обходить магазины стороной, то не мог брезговать вещами, которые каким-то волшебным образом появлялись в доме. Носил всё, что мне перепало, со смирением странствующего монаха. Изделия китайской лёгкой промышленности ярко цвели на мне два года – во все сезоны и при любой погоде. С чёрными брюками? Хорошо! С серыми? Тёмно-синими? Прекрасно! И со всевозможными свитерами не менее оригинальных фасонов и оттенков – тоже пойдёт. Довершал эту затейливую колористическую буффонаду тёмно-рыжий с чёрными прожилками длинный

пиджак из какого-то жёсткого, словно конский волос, материала (лапсердак достался по случаю моему деду).

Сочетания цветов моего одеяния были столь вопиющими, что приличные девушки шарахались от меня в разные стороны. Думали, наверное, что если молодой человек добровольно так одевается, то что же должно твориться у него в голове.

Однажды, ближе к концу второго года обучения, одна из моих сокурсниц всё-таки не выдержала и отважилась подойти ко мне с расспросами. Не знаю уж, что двигало ею в тот момент. Возможно, искреннее стремление помочь мне не походить на клоуна, отбившегося от бродячей труппы. А может, моя манера одеваться казалась ей загадочной и девушка мучилась от любопытства.

Так вот, улучив момент, когда я в одиночестве шёл по факультетскому коридору, однокурсница опасно приблизилась ко мне. Беседу начала вежливо, с отвлечённой темы. Но вскоре не выдержала и перешла к главному, спросив, из каких таких соображений я ношу столь экстравагантную одежду. Кажется, своим искренним ответом я её просто обескуражил. Чистосердечно признался, что надеваю только те вещи, которые приносит мне мама (хочу заметить, что к тому моменту я уже оканчивал второй курс математического факультета и достиг роста в один метр восемьдесят два сантиметра). Заморочек про сочетание цветов я откровенно не понял. На всякий случай осмотрел себя с ног до головы.

Не найдя явных изъянов – дыр, прорех и кусков прилипшей грязи, – попросил сокурсницу конкретизировать вопрос. Но ошарашенная девушка не смогла проронить больше ни слова. Она даже слегка побледнела, а её лицо стало напоминать подобие минорной театральной маски. Словом, мы явно не нашли общего языка.

Примерно в том же ключе я продолжал чудить и в дальнейшем. Поменялась только географическая составляющая. В какой-то момент вместо китайских товаров в страну начали массово поставлять изделия лёгкой промышленности из Восточной Европы. В частности, из дружественной Болгарии. Всё бы ничего, расцветки и фасоны у наших товарищей по социалистическому лагерю были вполне сносными. Мне, например, досталась сорочка в бело-бежевую мелкую клеточку, очень даже приличная со всех сторон. Но дело в том, что болгары решили быть не просто модными, а супермодными.

Если говорить конкретно, то они стали копировать не только образцы известных торговых марок, но и расположение всех этикеток и нашивок на них. Например, на моей рубашке сбоку от нагрудного кармана был вшит лейбачок с названием фирмы-изготовителя. Ну, что-то типа популярных тогда «Levi's» или «Montana». Но только с одним существенным отличием: болгарское название было достаточно длинное и выполнено на родной им и нам кириллице.

Фирменное наименование, написанное по-русски (или

почти по-русски), полностью лишало изделие должного западного шика. А из-за большого количества букв в названии размер этикетки пришлось существенно увеличить. В результате вместо престижных «Gucci» или «Prada» рядом с моим карманом красовалась крупная надпись «Каблешков». Многие не знакомые со мной люди думали, что это моя фамилия, а этикетка пришита специально, как это делают заботливые родители своим малолетним чадам, когда отправляют их в пионерский лагерь.

Надо ли говорить, что фамилия болгарского революционера, в честь которого, собственно, и была названа фабрика, пристала ко мне надолго. На гораздо больший срок, нежели прослужила сама сорочка! Друзья не переставали хихикать и подтрунивать надо мной при любом удобном случае, я на пару-тройку лет стал Каблешковым.

Одно время были очень популярны гороскопы и разные психологические тесты. Их печатали в газетах и журналах, даже издавали отдельными тиражами в мягкой обложке. Как-то мы сидели на лекции в большой поточной аудитории. Это была весна последнего, преддипломного, семестра, на улице призывно светило ласковое солнце, щебетали воробьи, и учиться совершенно не хотелось. Моя соседка по парте, достав газету, заполняла очередной коротенький тест на психологическую совместимость. Не помню, какие там точно были вопросы, но один мне хорошо запомнился. Звучал он примерно так: «Могли бы вы надеть одновременно

синее и коричневое?» Правильный ответ подразумевался самой формой постановки вопроса: конечно, нет. Я оглядел себя как будто бы со стороны и пришёл к печальному выводу, что я бы мог. То есть именно так я и был одет: в коричневые брюки, голубую в синих разводах рубашку и коричневый свитер с глубоким треугольным вырезом. Ну, что сказать... Тестами подобного рода я впредь не интересовался.

Терпеливой жене со мной было очень тяжело все совместно прожитые годы. При той крайне радикальной позиции, которую я однажды занял и твёрдо отстаивал, затащить меня в любой универмаг становилось трудновыполнимой задачей. Я упирался изо всех сил, словно самый тупой и спесивый из ослов, тратя на пререкания больше сил и энергии, нежели мог занять сам несчастный шопинг.

Мало того, что я не ходил по магазинам, чтобы помогать любимой супруге в приобретении сезонных обновок, восхищаться её вкусом и одобрять новые облачения, так я ещё наотрез отказывался покупать вещи самому себе. Обычно после того, как мы получали приглашение на какое-нибудь торжественное мероприятие, оказывалось, что у меня нет ничего подходящего для этого случая, начиная от ботинок и шнурков, заканчивая шарфом и береткой.

Преппирательства начинались задолго до даты объявленной встречи и перманентно продолжались вплоть до самого дня торжества, словно затяжная окопная война.

– Тебе совершенно не в чем идти на этот банкет (празд-

ник, премьеру, вечер и т. п.), – так обычно звучал первый лёгкий выпад в мой адрес.

– Ну и что такого, пойду в чём есть, – я пытался отмахнуться от настойчивого требования приобрести себе что-нибудь новое и подходящее. Наивный! Отказы не принимались.

– А что у тебя вообще имеется приличного? Что ты собираешься надеть, чтобы не опозориться перед посторонними людьми? – наступление жены разворачивалось по всему фронту. – Покажи-ка мне, пожалуйста, – просьба высказывалась тоном, который напоминал приказ подозрительного чиновника подготовить к таможенному досмотру весь имеющийся в наличии багаж.

Я обречённо плёлся к платяному двустворчатому шкафу, бережно доставал из него какой-нибудь давно (или очень давно) полюбившейся мне шедевр портновского искусства. Ей, моей дорогой обожаемой вещичке, к тому времени, как правило, было уже достаточно много лет. Люди обыкновенно столько не живут, а одежда не носится.

– И вот в этом ты собираешься появиться на званом официальном ужине, – начиналась массажированная артподготовка. – Да в этом даже на даче стыдно ходить нормальному человеку, – следовал выстрел прямой наводкой, призванный поразить моё дремлющее самосознание.

Кстати, надо отметить, что дача оставалась для меня в то время последним островком свободы от засилья престиж-

ных шмоток. В деревне не требовалось, чтобы я был прилично одет. Там меня по этому поводу не третировали. На шести сотках я имел право носить те вещи, которые почему-либо были близки моему извращённому в смысле вкуса сознанию. Мода и стиль не входили в круг моих интересов. Причина всё та же: время дороже. Говоря современным слоганом, я упорно придерживался чёткого правила: «Имидж – ничто, время – всё».

– Давай, надень-ка ещё что-нибудь и попробуй объективно посмотреть на себя со стороны, – предпринимая одну штыковую атаку за другой, моя настойчивая супруга предоставляла мне последний шанс реабилитироваться.

– Готово, – спустя короткое время следовал мой насупленный ответ. Угнетённый глухой обороной и самой процедурой бессмысленного переодевания, я с неохотой повиновался и выставлял для обозрения очередной потёртый раритет.

– Ну скажи на милость, на что это похоже? – безгливый взгляд и соответствующий тембр голоса жены, словно огненный напалм, безжалостно сжигали мои наивные надежды. Нет, и это не тот антураж, в котором бы меня можно было экспонировать в ближайшие выходные на званом ужине. Дальше следовало от двадцати до тридцати уничтожающих, словно залпы реактивных миномётов «Катюша», пояснений, почему в таком кошмарном виде можно ходить только в гордом одиночестве на местную помойку, да и то лишь в кро-

мешной темноте. Если резюмировать, то в выбранном мной костюме предстоящему торжественному случаю не соответствовали цвет, фасон, размер и всё остальное прочее.

Я придирчиво осматривал себя в зеркале. Да, мой вид был далёк от облика заправского денди, но я всё равно оставался им, в общем-то, вполне доволен. Он был привычен для меня. Я продолжал настырничать, хотя мои оборонительные линии были уже до основания разрушены шквальным огнём упрёков и замечаний. Пытался острить: мол, я и мой чудненький гардеробчик вне моды и времени. Взывал к разуму: «Хорошие вещи, между прочим, можно носить долго. Прочное и добротное изделие прослужит ещё лет пять-шесть как минимум...» Увы, все усилия пропадали зря, близилась неумолимая развязка.

Результатом что боевых действий, что мирных переговоров всегда был полный разгром моей плохо одетой армии, безоговорочная капитуляция, а в качестве контрибуции – унылый поход в магазин под бдительным контролем победоносной супруги. Сопровождаемый удивлёнными взглядами продавщиц, я, подобно военнопленному, первое время сопротивлялся любому предложению. Словно гордый борец и политический заключённый, ото всего отрекся, отказывался, держался стойко, как мог, чуть ли не объявлял голодовку прямо посреди торгового зала... но в итоге, конечно, уступал.

Многолетняя позиционная борьба за то, чтобы сделать

меня стильным, в семье так ничем и не завершилась. Изредка я сдавался: серьёзно настраивался, подолгу медитировал, после чего мы вместе ездили за покупками. Но чаще всё-таки вещи мне приобретались без моего личного участия. Что-то жена доставала через подруг, часть ей попадалась на глаза просто по случаю, по дороге от секции женского белья к секции парфюмерии. Кое-какой одеждой фарцевали наши дальние знакомые, а что-то банально не подходило по размеру друзьям и передавалось за скромное вознаграждение в мой толерантный гардероб, который, как и я, это покорно сносил.

Всё, что приносили в дом, я принимал с благодарностью. Искренне радовался каждому новому предмету, а главное, тому, что мне не пришлось за ним никуда тащиться самому. Это был основной аргумент «за».

Естественно, в результате такого оригинального способа покупок мой «пижонский» гардеробчик выглядел, мягко говоря, довольно эклектично. В нём соседствовали вельветовые джинсы фиолетового цвета, коричневая кожаная куртка пятьдесят второго размера (при моём сорок восьмом), демисезонные ботинки «на манке» и многие другие удивительные продукты мировой лёгкой промышленности. Причём часть вещей была мне явно коротковата, часть – откровенно велика.

Кардинальный перелом в моём заскорузлом сознании состоялся совершенно случайно – во время туристической поездки в Финляндию. Шёл 1995 год. В нашей перевернувшей-

ся стране почти ещё не было фешенебельных бутиков, торговых центров, моллов, мегамоллов и прочих достижений развитого общества потребления. А к нему, потреблению то есть, вчерашние советские люди самозабвенно и безоглядно стремились своими широкими славянскими душами и плохо одетыми телами.

– Ладно, – сказала перед поездкой оптимистично настроенная долготерпеливая жена, – в Хельсинки тебя приоденем. Знающие люди говорили мне, что там в самом центре города расположен огромный «Стокманн». Как раз очень удобно, свободного времени у нас будет предостаточно. Приедешь на родину огурцом, твёрдо обещаю.

Со всей очевидностью мне стало ясно, что первая заграничная поездка обречена на провал, как и малоизвестная в нашей отечественной истории финская военная кампания.

Мы прилетели в столицу Финляндии ранним утром, разместились в отеле и, как и было намечено по плану, отправились знакомиться с городом. Скромный Хельсинки предстал передо мной совсем не таким шикарным городом, каким я себе его рисовал изначально. Он оказался маленьким и провинциальным, лишённым изюминки. В нём отсутствовала изысканная европейская архитектура, которую я ожидал здесь лицезреть на каждом шагу. Больше всего меня поразило и восхитило двенадцатипалубный белоснежный красавец-паром, который стоял в порту и, видимо, ожидал отбытия в соседнее скандинавское государство. Когда мы проплывали

мимо него на крошечном прогулочном катерке, он возвышался над нами, словно исполин, похожий на межпланетную космическую базу из фильмов Джорджа Лукаса о звёздных войнах.

Первый день пролетел очень насыщенно и быстро. Мы побывали в порту, поплавали по заливу между мелкими живописными островками, посетили православный храм (по нашему общему мнению, самое красивое здание в городе). На открытых террасах кафе мы пили местное пиво «Кофф» и наблюдали множество раритетных американских машин выпуска шестидесятых годов, которые заполнили улицы. Как будто в городе намедни опорожнился грузовой корабль с заморскими бьюиками, кадиллаками и мустангами. Все они, словно огромные крокодилы, покинув порт, ползали по улицам и искали дорогу назад, в далёкие тёплые страны.

Вечером за общим обильным ужином (а в поездке, кроме нас, участвовали ещё две дружественные семейные пары) было принято решение посвятить тотальному шопингу весь завтрашний день. То есть угробить его на корню, а заодно напрочь загубить всю так хорошо начавшуюся хмельную заграничную поездку! Оглушённый этими кошмарными планами, я попытался было искать поддержки у моих товарищей, соратников по сильному полу. Теплилась надежда вместе соскочить с этого мерзкого мероприятия и провести второй приятный день в созерцании городских пейзажей, переходя от одного пивного бара к другому. К моему великому удивле-

нию и, конечно, сожалению, я нашёл в их сосредоточенных лицах полную решимость и солидарность с женской частью нашей группы. Непостижимо, но они были согласны добровольно посетить местный торговый центр, чьё здание, виденное сегодня из окна экскурсионного автобуса, всерьёз пугало меня своими впечатляющими размерами. В итоге я остался не просто в меньшинстве, а в полном одиночестве. Мнимые союзники по половому признаку вероломно перешли на сторону условного противника. Мне пришлось капитулировать, даже не вступив в этот раз в решительный бой.

Что ж, предстоящий день был испорчен ещё с вечера. Осознание того, что завтра с утра придётся тащиться на полдня в магазин вместо краеведческого музея и картинной галереи, засело противной занозой в моей охваченной внезапной мигренью голове. По этой причине сразу же после затянувшегося ужина я удалился и, глядя в окно на окрестный пейзаж, прилично набрался в одиночку в номере.

Короткий путь от отеля до «Стокманна» я прошёл на автопилоте. Со стороны было похоже, будто ранним серым утром изнурённого долгим заточением, измученного пытками узника ведут на окончательную зверскую расправу. Хотя пока мы неспешно поднялись, плотно позавтракали, наконец-то все вместе собрались в просторном холле отеля и вышли в гомонящий город, утро уже миновало, и погода во все не выглядела насупленной и хмурой. Просто вид у меня был говорящий: шёл я, с трудом волоча одеревеневшие но-

ги, наклонив голову и опустив, словно в безмерной тоске, заострившиеся плечи. Вся вековая скорбь угнетённых народов проступила на моём осунувшемся за бессонную ночь лице. Так я угрюмо шествовал на шмоточную голгофу, сопровождаемый бодрым, довольным жизнью эскортом.

Местный универмаг оказался большим кубическим сооружением тёмно-шоколадного цвета. В тот день в моих глазах он скорее походил на крематорий, чем на досуговый центр. Я понял, что в его прожорливом чреве, словно в гигантской топке, в ближайшее время безвозвратно сгорят все мои светлые помыслы. Прощай, экскурсия по галерее чухонских художников; не поминайте лихом, мечты об ознакомлении с окаменелостями мамонта под прозрачным куполом палеонтологического музея.

Как только я вошёл внутрь супермаркета, меня оглушили крики и общий монотонный гам, ошарашили толкотня и пестрота, поглотила хаотичность движения. Вокруг суетились и, как мне казалось, бешено носились толпы алчущих людей в поисках красоты, качества и дешевизны одновременно. Они раздражали меня абсолютно всем, даже просто своим присутствием рядом со мной. Мне претило, что они имели наглость близко подходить ко мне, случайно касаться меня, рассматривать на соседних полках какие-то вещи, тянуть к ним свои жадные руки, а иногда со странным нетерпением подталкивать меня в спину костлявыми локтями.

От каждого нечаянного прикосновения я вздрагивал,

словно от ожога или электрического разряда, брезгливо передёргивал плечами и отвечал на извинения полным злости уничтожающим взглядом. Торопливые покупатели с большими пакетами приводили меня в ярость. Мне не нравились услужливые продавцы, пытавшиеся помочь в выборе одежды. Меня нервировала спокойная классическая музыка, звучащая в зале и призванная, напротив, настраивать посетителей на умиротворённый лад. Мне был противен цвет плитки на полу, не устраивала отделка стен, бесило расположение туалетных комнат. Я был вне себя. Я был подавлен и скорбен.

Улавливая мои внутренние метания, ко мне модельной походкой то и дело подплывали высокорослые белокурые девушки в фирменных одеяниях. Они мило улыбались и лопотали какую-то приветливую галиматью на различных басурманских языках. Я ровным счётом ничего не понимал, поскольку не говорил ни на одном наречии мира, кроме русского. Мы первый раз выбрались за рубеж, и у меня ещё не сформировалась потребность учить иностранные слова. От ощущения своей полной беспомощности я ещё больше раздражался. Даже под страхом смертной казни я не сумел бы дать ответ ни на один обращённый ко мне вопрос. Был момент, когда я стоял в окружении уже трёх стройных девиц: первые две на протяжении получаса не могли справиться со мной и вызвали подмогу. Я глупо улыбался, беспомощно хлопал глазами, молчал и вращал головой, словно попавший в силки совёнок. Моим единственным, всепоглощаю-

щим желанием было быстрее смотаться из этой секции на фиг, да подальше. Что я и сделал, когда девицы на секунду ослабили внимание.

Стоит ли говорить о том, что спустя два с половиной часа мучений, хождений по этажам и толкания в торговых залах я так ничего и не приобрёл. Как только я брал в руки какую-нибудь вещь или мне предлагали что-то примерить, она, эта вещь, сразу же становилась мне противна, я презирал её всем сердцем и душой до последней строчки, пуговицы и петельки.

Надо отметить, что исследовал магазин я не в одиночестве. Мой почётный эскорт состоял из жены и двух её раскрасневшихся подружек. Они были прикреплены ко мне на весь день, словно тюремный конвой. Своим обаянием и улыбками они пытались скрасить мою трагикомическую участь.

Все три женщины неотступно следовали за мной с самого момента пересечения демаркационной линии, разделяющей тюремно-торговый центр и весь остальной свободный мир. У них была чёткая цель: одеть меня с головы до ног во чтобы то ни стало. Смотрелись мы очень комично. Впереди плёлся я, словно угнетённый тяжёлыми думами, согбенный годами восточный шейх, а за мной спешил весёлый, щебечущий, краснощёкий «гарем» из трёх привлекательных молодых особ. В руках они торжественно несли отобранные для меня общими усилиями шикарные наряды. Со стороны по-

смотреть, так это было настоящее шоу, нечто среднее между цирковым выступлением и театральным представлением с перевоплощением.

Мои руки удлиннились и повисли вдоль сутулого туловища, словно плети, ступни-ласты вытянулись и стали непропорционально большими, я задевал ими за всё, что попадалось под ноги. Я спотыкался о вешалки и порожки, скользил на плитке и буксовал на ковровых дорожках. Создавалась иллюзия, будто в джунглях из множества особей отобрали самого приличного на вид орангутанга и в качестве научного эксперимента привели одевать в человеческие туалеты. А дитю природы это чуждо и к тому же противно. Ему не объяснить, зачем нужна бессмысленная процедура облачения. Матёрый самец и без этого вычурного фэшн-шоу прекрасно существовал все прожитые годы в своём уютном, хотя, может быть, и диковатом мире.

С таким вот тупым, упрямым выражением лица я примерял предлагаемые вещи. Надо ли говорить, что мне действительно ничего не шло. Моё угрюмое настроение «фонило» во все стороны отрицательными импульсами, а страдальческое выражение глаз напрочь лишало лоска любую изысканную одежду, каких бы престижных марок она ни была.

Даже самые элегантные модели, вне зависимости от цены и покроя, смотрелись на мне убого, будто были сняты с чужого плеча. Красивая вещь, надетая на меня, тут же приобретала непритязательный, даже как будто истрёпанный вид.

По лицам продавцов отчётливо читалось, что они находятся в полном тупике. Опытные торговцы не понимали, что происходит с проверенным, ходовым товаром. Промаявшись со мной каждый минут по двадцать-тридцать, менеджеры зала сдавались и беспомощно опускали уставшие руки. Они были заинтересованы в проценте с продаж, переживали за установленный ежедневный план, но совести не хватало сказать, что хотя бы что-то на мне смотрится прилично.

За всё время ударного капиталистического труда работники финской торговли такого ещё не встречали. Когда я с кислой миной возвращал им очередной костюм, они осматривали его с подозрением. Золотоволосые продавщицы искренне удивлялись, почему такая классная модель оказалась на поверку кривой и косой. Сам-то я с первого взгляда производил нормальное впечатление – среднестатистический человек с обычными пропорциями. По идее, меня должны были красить хорошие вещи. Но они меня в тот день откровенно портили.

В итоге я постыдно сбежал. Да-да, просто трусливо покинул поле этой битвы за красоту и элегантность. Можно сказать, позорно дезертировал. Я почувствовал, что ещё полчаса изматывающей шопинг-пытки не вынесу: либо окончательно сойду с ума, либо меня вырвет прямо здесь же, посередине торгового зала, у всех на виду. Меня уже и так мучило. Вчера я принял лишнего, а сегодня с утра был не в настроении даже смотреть на пищу, и поэтому перед ожидаемой

изошрённой казнью не соизволил как следует позавтракать.

Мне повезло, я улучил редкий момент, когда остался в одиночестве. Медленно, шаг за шагом я стал отступать к лестнице, которая вела на нижний этаж. Шёл спиной вперёд и при этом пристально следил за примерочными кабинками, где, охваченные торговой лихорадкой, обсуждали приобретаемые наряды мои прелестные конвоирши. Всем, на кого нечаянно наталкивался, я улыбался рассеянно и дебиловато, стараясь не выдать своего преступного замысла. Выглядел со стороны я очень смешно и, скорее всего, напоминал нелепую пародию: аккуратно переступал ногами назад, высоко поднимал бёдра и захлёстывал голени, чтобы, не дай бог, не зацепиться за что-нибудь, не споткнуться и не надеть лишнего шума.

Как только моя рука коснулась за спиной спасительной двери, я в мгновение ока развернулся и слетел на два этажа с феноменальной скоростью. В этот момент я, наверно, мог бы установить мировой рекорд по бегу по лестницам. Настрой был такой, что если бы меня подняли на небоскрёб, где продаётся одежда, и оставили на самом верхнем этаже, то, сбегая опрометью вниз по пожарным, винтовым или каким-нибудь другим лестницам, я бы точно попал в книгу рекордов Гиннеса.

Я вылетел из дверей универмага, словно пробка из изрядно встряхнутой бутылки тёплого шампанского. Во всяком случае, на лбу и губах виднелась пена, и даже что-то вроде

лёгкого хлопка послышалось за моей спиной. Скорее всего, это я так мощно выдохнул, как только освободился от оков потребительского рабства, а потом полной грудью снова набрал воздух, создав вокруг себя разреженное пространство.

Наконец-то я вырвался на свободу.

Оказавшись на улице, я решил было отметить своё счастливое возвращение из шмоточного плена кружкой живительного янтарного пива. Но тут же со страхом осознал, что если сегодня не выполню намеченную программу по внешнему перевоплощению, то буду непременно приговорён к повторному походу в мегамолл. Я оказался на улице с пустыми руками – значит, завтра всё повторится в ещё более жёсткой манере. За мной будут пристальнее следить, тщательнее наряжать, и мне уже не удастся слинять втихомолку, потому что мой изящный конвой совершит собственные покупки сегодня и не будет отвлекаться.

На лбу у меня выступил холодный пот, ладони стали влажными и начали мелко подрагивать. О, как в эту секунду я жалел, что не родился орангутангом. Он может преспокойно прыгать с ветки на ветку в первозданном виде, не боясь быть преданным остракизму, не стесняясь оказаться осмеянным и освистанным. Ему не нужно тратить время на шатание по ярмаркам, обтирание примерочных и пыльных прилавков. А я... В этот момент я истово проклинал всю лёгкую промышленность, индустрию моды и магазины вместе взятые. Я чувствовал себя радикальным модоненавистником.

Надо было срочно найти какой-то выход. Не представляя, что теперь предпринять, я автоматически свернул за угол и потащился по длинной улице в сторону порта, прочь от проклятого места. Через каждые десять шагов я пугливо озирался по сторонам, словно солдат-срочник, который сбежал в самоволку и опасается внезапного появления военного патруля.

Спасение пришло неожиданно. В относительной близости от «Стокманна» я вдруг увидел ещё один торговый центр, гораздо меньшего размера. Он выглядел весьма скромно, что в моих глазах делало его куда более привлекательным. Я зашёл в него без особой надежды, просто так, для очистки совести, скорее машинально, нежели осознанно.

По волшебному стечению обстоятельств, секция мужской одежды располагалась на первом этаже рядом с входом. Удивительно, но в отличие от многолюдного, многоголосого «Стокманна» здесь было очень мало посетителей.

На меня никто не набросился в первое же мгновение, словно кровожадный охотник, который долго подкарауливал в засаде зазевавшуюся жертву и наконец дождался своего звёздного часа. Меня не окружили рослые, фальшиво улыбающиеся продавщицы, лопочущие на чуждом английском наречии льстивые предложения помощи. Кстати, почему они все думали, что я отлично владею английским? Я что, действительно со стороны похожу на лондонского денди? Если бы это было так, то зачем мне вообще ходить по магазинам,

я и без них прекрасно выгляжу!

Чудеса продолжались. На мою радость, в мужской секции было совершенно пустынно, прохладно и тихо. Я опасливо огляделся по сторонам и, не заметив подвоха, посмел робко приблизиться к стойке с костюмами.

Тут за моей спиной послышались едва различимые шаги. Я вздрогнул, поняв, что направляются именно ко мне, чтобы меня, за мои же собственные деньги, охмурить, обобрать, обмануть и всучить что-то бесполезное. Я не мог retirроваться сразу же, не оборачиваясь, так как единственный вход в отдел, он же выход, находился прямо за моей спиной. По моему разумению, ко мне приближалась фаланга плотоядных горгон, которые питаются телами и душами простоватых российских покупателей.

В предвкушении очередной тягостной сцены я начал медленно оборачиваться, готовый в любое удобное мгновение сделать обманное движение, ускориться, броситься на противника и, прорвав плотное кольцо его рядов, проскользнуть к спасительному выходу.

Странно, но, повернувшись, я увидел перед собой лишь маленького роста, хрупкую, уже немолодую женщину, внимательно смотревшую на меня через толстые линзы очков. В её взгляде сквозило сочувствие. При этом она молчала. Наверно, опытная продавщица угадала моё смятение, оценила потерянный вид и поняла, что я и есть тот самый Маугли, который случайно затерялся в каменных людских джунглях.

При помощи какого-то шестого чувства она, видимо, осознала, что мне нужны её забота и участие. Она стояла чуть поодаль, не пытаясь приблизиться ко мне и вступить в навязчивый контакт. Создавалось впечатление, что она пытается по моему страдальческому выражению лица, залегшим со вчерашнего дня морщинам и складкам прочитать, что мне потребовалось в этом чуждом, холодном мире.

Её карие глаза, увеличенные толстыми стёклами, смотрели на меня как-то по-домашнему успокаивающе. словно под действием гипноза, я обмяк, расслабился и проникся к милой молчаливой продавщице симпатией и полным доверием.

Не знаю, на каком языке, с помощью какого эсперанто я с ней объяснялся. Это осталось для меня совершенной загадкой. Возможно, изучив гримасы на моём раскрасневшемся лице, она непостижимым образом считала информацию прямо с подкорки моего перевозбуждённого мозга. Затем окинула опытным взглядом мою фигуру (которая за считанные секунды успела подтянуться и приосаниться) и безукоризненно точно определила все мои размеры.

Кажется, за время нашего общения спокойная финка не проронила ни единого слова. Я безропотно примерял в кабинке то, что она приносила. Если ей нравился мой всё более молодеющий вид, то она одобряла выбор лёгким кивком головы и улыбкой. Если же её что-то не устраивало, она подходила мелкими, слегка шуршащими шажками, забирала неподходящую одежду, вешала на плечики и уносила в зал.

Она оказалась суперпрофессионалом. Итогом этой великолепной безмолвной работы явились три огромных пакета, наполненных модными и стильными вещами. Там были аккуратно сложены два костюма: чёрный строгий с золотыми пуговицами на каждый день и белый парадно-выходной с оригинальной фиолетовой подкладкой. Кроме них, вместе с вешалками были упакованы светлые льняные брюки свободного покроя, пара сорочек, а также три галстука со смешным названием «Дон Педро».

Моё расставание с милой продавщицей напоминало финальную сцену из мелодраматического фильма. Я стоял и, что есть силы прижимая к груди пакеты с драгоценными покупками, нависал с высоты своего роста над её крошечной фигуркой. Всем своим светящимся видом я пытался выразить несказанную благодарность за мою спасённую душу и приукрашенное тело. Я смотрел на финку так благоговейно, словно эта миниатюрная женщина подарила мне вторую жизнь. Для пущего эффекта мне надо бы всплакнуть, но я был далёк от слёз, меня переполняла бурная радость, эйфория всепоглощающего успеха. А маленькая женщина так же внимательно разглядывала меня своими огромными тёмными глазами, и еле заметная понимающая улыбка играла на её губах. Она прощалась со мной с лёгким налётом грусти. Как будто бы я – её блудный сын, который спустя долгие годы странствий по белу свету буквально на минутку зашёл навещать престарелую мать, а теперь снова по зову неугомонно-

го сердца пускается в далёкий путь. Я с ней едва не породнился прямо здесь, на пороге секции мужской одежды.

Минут через сорок вся честная компания, обсуждая моё внезапное исчезновение, дружно вывалилась из дверей «Стокманна». Они гомонили, озирались и тащили друг друга в разные стороны. Когда же наконец соратники по шопингу обнаружили меня безмятежно потягивающим второй бокал пива на веранде соседней забегаловки, да ещё в окружении многочисленных пакетов со скарбом, их удивлению не было предела. Хорошо зная меня многие годы, они не верили, что я смог всё это приобрести самостоятельно. Они просто не понимали, как у меня получилось найти, выбрать, примерить и купить всю ту кипу нарядов, которая покоилась в объёмных белых пакетах рядом со столиком.

На сей счёт высказывались самые разные суждения. Прозвучала, например, версия, что весь этот багаж я у кого-то занял на время, чтобы продемонстрировать, и должен вернуть законному владельцу. Или даже предполагалось, что от отчаяния я вполне мог впасть в крайность и утащить где-то эти сумки, улучив удачный момент, пока их рассеянные хозяева зазевались. Предъявив товарищам гору шмоток, я якобы назавтра собирался сдать весь скарб в камеру потерянных вещей. Но когда я прямо в кафе накинул на себя по очереди оба пиджака и приложил к груди уже завязанные галстуки, все вопросы отпали сами собой.

Не передать, как были мне лестны шок и восхищение в

глазах друзей. С тех пор я полюбил посещать тихие магазины, где работают опытные, понимающие продавщицы средних лет.

Кстати, поверите вы или нет, но прошло много лет, а я всё ещё храню и даже изредка позволяю себе надевать эти впервые самостоятельно купленные вещи. Они стали для меня своеобразным золотыми ключиками, эдакими сим-симами, открывшими дверь в мир стиля и красоты. Вот так я стал модным.

Наши на выставке

В середине 90-х годов обойный бизнес, впрочем, как и все другие, развивался в нашей стране довольно успешно. Кредиты были доступны, налоги, по сравнению с баснословными доходами, мизерны и эфемерны, наценка на продаваемый товар столь велика, что беспокоиться о возможных убытках, а уж тем более о позорном разорении, было излишне. О финансовых кризисах, биржевых крахах и потрясениях мировой экономики никто ещё и не думал, поэтому Виктор, в народе Витёк, и Максим, он же Макс, могли ни в чём себе не отказывать. Заработав солидный, по их представлению, первоначальный капитал, они просто наслаждались счастливым, безоблачным существованием.

Улучшающееся качество жизни российских граждан, о котором регулярно писали в жёлтой прессе и твердили по всем каналам, можно было легко проследить по стремительно растущему весу обоих удачливых компаньонов. Каждый следующий год перманентного процветания добавлял не только внушительные суммы в иностранной валюте к их финансовым состояниям, но и по паре складочек в области всегда выбритых подбородков. Процесс набирания массы шёл полным ходом, словно разогнавшийся под гору железнодорожный состав: на девять-десять полновесных килограммов за двенадцать месяцев. Столь стремительный про-

гресс вовсе не смущал молодых бизнесменов. Совсем даже наоборот, они считали, что непрерывный рост размера одежды свидетельствует об успехе и сопутствующем ему достатке.

Очень быстро Витёк и Макс дружно перешагнули отметку в сто килограммов каждый. Не скрывая, а подчёркивая своё динамичное расширение, они даже придумали специальное выражение. «Люди нашей комплекции», – с самодовольной улыбкой говорили партнёры, намекая на свою принадлежность к когорте избранных господ, которые весили далеко за центнер, имели объёмистые пивные животы и ездили на громоздких автомобилях с мощными двигателями и наглухо тонированными стёклами.

Для поддержания столь впечатляющей физической формы Виктору с Максимом пришлось даже существенно изменить стиль работы. Большинство встреч с поставщиками и почти все переговоры с клиентами они перенесли из скучного, слишком аскетичного офиса в маленький полюбившийся им ресторанчик, расположенный по соседству. Скромные конторские возможности, сводящиеся к завариванию чая и приготовлению растворимого кофе с бутербродами, уже не устраивали друзей-гурманов: они почувствовали пряный вкус настоящей жизни и хорошего здорового питания. Широкая русская душа настырно требовала ежедневного захватского веселья. В сумраке же полуподвальных залов, в уютной, почти домашней обстановке молодые бизнесмены

могли и поговорить с заинтересованными покупателями, и порадовать себя свежими деликатесами.

С самых истоков свободной торговли бизнес у партнёров шёл вполне прилично. Хотя в последнее время начали потихоньку поддавливать мелкие провинциальные конкуренты. Три-четыре торговые точки периодически лихорадило из-за проблем с персоналом. Две палатки на рынках вообще пришлось закрыть по причине хронических убытков – точнее, вследствие дальнего расположения от офиса: друзья спокойно почивали на лаврах периода первоначального накопления капитала и дальше пивного ресторана не выезжали с инспекцией уже более пары сытых лет.

Но жизнелюбивые партнёры по пустякам старались не расстраиваться. Денег что на ежедневные прихоти, что на разовые экзотические фантазии у них хватало в полной мере. Досадные неурядицы молодые люди просто-напросто игнорировали, дабы не вносить какофонию в беззаботный ритм движения крутобёдрой лодки жизни. Так она и скользила – плавно и гармонично – по лёгким волнам удачи и соблазнительного изобилия.

Честно сказать, особой нужды ехать на выставку во Франкфурт у них не было. И без этой поездки их фирма продолжила бы покупать обои у германских партнёров. Но немцы весьма настойчиво приглашали посмотреть специально разработанные к открытию экспозиции новинки.

Ясно, что новые дизайны бизнесмены увидели бы в лю-

бом случае. Обязательные бюргеры непременно прислали бы красочные каталоги по почте или передали со следующей партией товара. Но представитель германской стороны уверял, что очень важно заключить долгосрочный контракт именно во время работы выставки. Оформленная сделка положительно скажется на имидже производителя, и если господам всё равно, где и когда подписывать документы, то, может, они любезно согласятся сделать это во Франкфурте, прямо на «Хаймтекстиле».

Добродушным русским господам было абсолютно всё равно, лишь бы цены на товар оказались пониже, а условия поставки – выгоднее. Кроме того, всем участникам выставки обещали специальные бонусы, да и сам повод прокатиться в январе в ещё празднично украшенную Германию, отведать местного пива не вызывал у любящих янтарный напиток друзей никаких возражений.

Облачённые в строгие тёмные костюмы, очень серьёзные и сосредоточенные, партнёры встретились с радостными немцами, как и договорились, прямо возле их шикарно оборудованного стенда. Первым делом друзья осмотрели экспозицию, вежливо справились о текущих делах фабрики и для проформы ознакомились с представленными новинками. Но вскоре, чтобы не терять драгоценного времени, российские бизнесмены перешли к главному, ради чего, собственно говоря (не считая отменного холодного пива), и выбрались в далёкий Франкфурт: к покупке уценённых коллекций, това-

ров второго сорта и брака по бросовым ценам.

После внимательного изучения накопленного на складах неликвида степенные партнёры с важным и озабоченным видом короткое время совещались, хмурились и надували чисто выбритые щёки. Они даже поторговались с зарубежными производителями. Несмотря на и так чисто символические цены, радушные немцы всё равно пошли навстречу и дали дополнительные скидки: по несколько пфеннигов с рулона (введение евро было ещё только в планах объединившейся Европы).

Получив внеплановые бонусы на дармовой товар, удовлетворённые компаньоны тут же согласились забрать весь остаток равными партиями в течение полугода. Однако практичные немцы хотели сократить сроки поставок, чтобы поскорее очистить склады от залежалой продукции и освободить место для размещения новых перспективных дизайнов. В этом вопросе они уступать не собирались. В итоге стороны пришли к компромиссу, растянув график вывоза всего на два месяца. Но контракт должен быть подписан сегодня же, прямо на выставке. Было видно, что для фабрики это условие играет очень важную роль, быть может, даже более значительную, чем сброс одним махом всего скопившегосяхлама.

Выставочный день был в полном разгаре, в павильоне, кроме наших ангажированных друзей, толпилось немалое число заинтересованных продукцией бизнесменов, сторон-

них посетителей и просто случайных зевак. Оценив ситуацию, немцы решили не торопиться с подписанием бумаг, а отложить эту важную процедуру на вечер. Подготовка спецификаций, перечисление артикулов и описание выбранного товара отняли бы много времени, и можно было упустить других потенциальных покупателей. Нет, деловитые германские производители, скрупулёзно считающие каждую монету, не собирались позволять себе такой неоправданной расточительности.

К великому удовольствию уставших компаньонов, директор по продажам любезно предложил встретиться после закрытия экспозиции в одном из ресторанов комплекса. Поставить подписи под окончательным текстом соглашения предстояло вечером, в более спокойной обстановке. Это заманчивое предложение у российской стороны нареканий не вызвало. Исполинская гомонящая выставка работала до шестнадцати часов, поэтому условились увидеться после половины пятого.

Предусмотрительные немцы дали русским господам визитку с названием заведения и заранее подготовленную схему прохода к обусловленной точке питания. Расстались с российскими партнёрами до вечера, сияя ослепительными, обнадёженными улыбками.

Друзья ещё полчаса пошатались по лабиринтам гигантского Экспоцентра. Они и от утренних переговоров и мелькающих, словно в калейдоскопе, разноцветных образцов из-

рядно устали, а тут ещё добавили впечатлений. Грандиозные масштабы ярмарки европейского тщеславия совсем выбили партнёров из сил.

Первым назревшую мысль озвучил более активный и нетерпеливый Витёк. Он остановился в конце очередного длинного коридора, около лифтового холла, чтобы перевести дух и подождать товарища, который затерялся в пёстром потоке посетителей.

– Макс, – произнёс Виктор загадочным многообещающим тоном, когда отставший партнёр, с трудом передвигая ноги, догнал его, – а выставка-то, оказывается, охрененная!

Он провёл широкой пухлой ладонью по коротко стриженным волосам и испытующе посмотрел снизу вверх на более высокого компаньона.

– Точно, – шумно выдохнув полной грудью и пытаясь побороть одолевающую одышку, с готовностью подтвердил партнёр по бизнесу.

– Может, хватит на сегодня? – заговорщически глядя на приятеля, настырничал Витёк. За время осмотра экспозиции у него в подмышках расплылись два изрядных мокрых пятна, а ноги стали нервно гудеть и подрагивать. К тому же специально одетый по случаю, уже три раза ослабленный галстук перекрутился во всех возможных направлениях и в итоге приобрёл столь непотребный вид, что больше напоминал огрызок верёвки висельника, чем атрибут успешного бизнеса.

– Поработали мы сегодня на славу, – проникновенно уговаривал компаньона Виктор, – добились всего чего хотели. В глазах уже рябит от многообразия форм и оттенков. Пойдём лучше поищем это пресловутое кафе да остограммимся. Пора ведь уже, Макс?!

Краснощёкий Максим последние десять минут усиленно вытирал со лба пот. Дышал он не очень-то ровно, шёл с переброшенным через плечо пиджаком медленно, с каждым шагом всё более и более теряя интерес к достижениям мировой лёгкой промышленности.

– Слушай, а что если мы к шестнадцати тридцати не успеем, – продолжал нагнетать обстановку Витёк, дико выкатив серые глаза. – Не дай бог, заплутаем по ошибке в этих картонных бутафориях. Хрен разберёшься с первого раза, куда идти-то надо... Может, двинем прямо сейчас по-тихому, а? – уже просительным тоном добавил теряющий терпение Виктор.

Под ложечкой у Макса давно уже нудно сосало – предложенный в отеле скудный континентальный завтрак плохо удовлетворил пищевые потребности друзей. Словом, его не пришлось долго уговаривать покинуть демонстрационные залы. Схватившись за предложение Виктора, словно за спасительную соломинку, Максим с готовностью закивал головой.

– Пойдём, пойдём, правильно, – затараторил он, снова доставая из кармана только что спрятанный смятый носовой

платок, – а то, правда, чего доброго, сгинем в этих лабиринтах. Действительно, вдруг опоздаем. А ведь бургеры пунктуальные, у них всё строго по минутам. Плохо может получиться. Ещё подумают, что мы их кинули с договором. Да, кстати говоря, – оживился от открывшейся перспективы поскорее перейти к желанной трапезе Макс, – как мы с тобой будем искать нужную столовку-то? Толково объясниться в случае затруднений у нас с тобой вряд ли получится. Ведь ни на ихнем, ни на каком другом мы не бельмеса не понимаем.

– Да, – возбуждённо отозвался, радостно воспрянув от быстрого согласия друга, Витёк, – скверно может получиться. Очень даже конфузно. Нельзя подводить иностранных партнёров и Родину позорить, – при этих словах Виктор попробовал приосаниться и даже выпятил вперёд грудь, то есть живот. – Пойдём быстрее искать этот затерянный очаг культуры, – решительно закончил он и, взяв товарища под руку, потащил к выходу.

Следуя подробным схемам, которые заботливо предоставили немцы, проявляя по пути топографическую смекалку и полную индифферентность к новинкам западного мира, решительно настроенные компаньоны ринулись искать нужный ресторан.

Один пониже, другой повыше, оба коротко стриженные, полнотелые, со стороны друзья смотрелись весьма живописно. Чем-то они напоминали двух взбудораженных кладоискателей, которые, чётко следуя указаниям старой пиратской

карты, сосредоточенно и целенаправленно, подпирая друг друга плечом, двигаются к зарытым сокровищам. Причём за эту самую «карту» они держались совместно: коренастый Виктор – правой, а долговязый Максим – левой рукой. Настроенные добраться до желанной цели партнёры боялись потерять драгоценную бумагу, словно это была не визитная карточка с названием ресторана, а спасательный круг посреди бушующего океана.

Чувство голода, одно из самых сильных для человека, не подвело двух друзей и на этот раз. Они почти безошибочно совершили все переходы, подъёмы и спуски, лишь раз допустив оплошность. В результате Макс с Витьком оказались в нужном месте без пятнадцати двенадцать, то есть за четыре часа и сорок пять минут до назначенной немецкими партнёрами встречи. Несуразно огромный запас времени их нисколько не смущал. В животах предвкушающе урчало, голодные друзья мечтали о свежем пенящемся пиве и большом куске хорошо прожаренного мяса. А призывно-чарующий аромат свежемолотого кофе, который то и дело доносился откуда-то из-за фанерных перегородок экспозиции, давно вызывал у них приливы тошноты и злости.

Лишь одно обстоятельство неожиданно огорчило партнёров. Над входом найденного предприятия общественного питания красовалась скромная надпись «кафе», а не «ресторан», что, по их мнению, понижало статус встречи, а главное, качество предлагаемой пищи. Они ещё раз с удивлени-

ем оставились в визитку, но названия в ней и в надписи на стене полностью совпадали. Делать было нечего, о передислокации не могло идти речи. Смирившись с перспективой трапезничать в фастфуде, слегка расстроенные друзья наконец переступили порог заведения.

Однако с первого взгляда – от голода, что ли – обстановка выставочного кафе притомившимся компаньонам приглянулась. Поскольку до обеденного перерыва времени ещё хватало, посетителей в заведении почти не оказалось. Внутри было тихо, прохладно, и пустынно. Еле слышно играла музыка, приятно шуршали кондиционеры.

В общем, толерантные к всевозможным заграничным несуразицам Виктор с Максимом примирились с доставшейся им участью. Выбрав самый дальний угол во втором зале и бросив в глубокие удобные кресла измождённые изнурительной работой телеса, голодные партнёры сразу же заказали по два пива.

Оформленное в современном стиле кафе могло похвастаться демократичностью, а главное, широким ассортиментом блюд. Здесь подавали всё – от круассанов и сэндвичей до супа-пюре и венских шницелей.

В первую очередь, едва справившись с одышкой, друзья жадно заглотили по литру золотого пенящегося напитка. Затем сосредоточенно углубились в изучение пухлого меню. Одолев объёмистый текст (продублированный, что было очень кстати, в том числе и на русском языке), компаньо-

ны явственно приободрились и повеселели. Они умылись в местном ухоженном туалете, сверились с часами и, решив, что уже достаточно натерпелись с раннего утра, перешли к дегустации изделий хвалёной немецкой кухни.

До двенадцати дня в кафе предлагались горячие завтраки. Пышнотелые любители вкусно поесть не преминули воспользоваться этим обстоятельством. Под очередные два пива они заказали по яичнице с ветчиной и сыром, а также по аппетитной фирменной мясной нарезке. Такова была первая часть гастрономической реабилитации, заслуженное дополнение к скудному отельному брекфасту.

Когда стрелки на часах перевалили за полдень и щемящее чувство голода слегка отступило, партнёры вновь обратились к увесистому меню (его они, несмотря на неоднократные просьбы официанта, так и не выпускали из рук).

Без промедления был сделан второй заказ – более основательный. Это у них, заметил Макс Витёк, будет второй завтрак, как модно сейчас у французов. К данному моменту Виктор уже не только расстался с надоевшим пиджаком и противным галстуком, но и успел расстегнуть две верхние пуговицы на сорочке. Не расстающийся с литровой кружкой Макс внимал ему не перебивая. Виктор увлечённо вещал, что точно слышал от кого-то из приятелей: мол, у жителей Парижа каждый день по два полноценных завтрака. И пусть друзья находились сейчас в Германии, да и французских корней у них отродясь не водилось, это отнюдь не по-

мешало им откусывать салат, карпаччо и гусиную печёнку, а затем добавить к ним мюнхенские колбаски с кислой капустой, которые пошли уже под мутноватый нефильтрованный вайсбир.

Слегка заморив червячка, компаньоны продолжили ожидание немецких партнёров коньяком (для начала по соточке ХО на каждого). Так подготовка к встрече проходила гораздо приятнее. Благородный напиток быстро разнёс ощущение тепла и благополучия по венам и сосудам двух измождённых трудовыми буднями полуторастилограммовых тел. Спустя короткое время решено было наконец-таки перейти к долгожданному обеду. Внутренний хронометр настаивал: пора.

Взяли, как и положено на немецкой земле, по смешанному зелёному салату, супчику с рёбрами и копчёностями, ну и, конечно, по знаменитой свиной рульке с уже полюбившейся тушёной капустой и картофелем фри на гарнир. Отличное баварское пиво органично перемежалось с добротным грушевым шнапсом. Выпитый ещё раз после основного блюда коньяк привёл партнёров в особенно благостное состояние. Довольные друзья откинулись на спинки кресел и начали переваривать события сегодняшнего напряжённого дня. Времени до назначенной встречи по-прежнему оставалось много. Поэтому было принято единогласное решение повторить ещё по паре коньячков и затем перейти к десертам. Изобилие кондитерских изделий, разложенных по прозрачным витринам кафе, поражало не меньше разнообразия товаров, вы-

ставленных на многочисленных стендах «Хаймтекстиля».

Четыре с половиной часа пролетели быстро, словно увлекательный короткометражный фильм. Усердные партнёры самозабвенно трудились не покладая вилок и ложек, не щадя живота своего.

Когда пунктуальные немцы с подготовленными текстами договоров явились для подписания контракта, друзья пребывали в эйфоричном состоянии духа. Несмотря на то, что все места в двух залах кафе уже были заняты или зарезервированы, русские компаньоны имели эксклюзивную привилегию вальяжно развалиться вдвоём за огромным столом. В данный момент они скромно попивали чёрный кофе из маленьких белых чашечек, которые казались в их могучих руках особенно миниатюрными и хрупкими.

Немецкие партнёры сразу почувствовали, с каким небывалым благоговением обычно индифферентный персонал кафе относится к солидным русским посетителям. Рассевшись вокруг большого овального стола, хозяева встречи зашелестели принесёнными бумагами. Быстро перешли к делу и предложили прочитать договоры, ознакомиться с приложениями и проверить правильность прописанных цен.

Умиrotворённые досугом россияне взяли по пухлому экземпляру. При погружении в юридические тонкости они демонстрировали чудеса скоротчения. Не отрывая осмысленных, хотя и с лёгкой поволокой, взоров от составленного на двух языках текста, компаньоны быстро пролистывали од-

ну страницу за другой. Уже через полторы минуты российские бизнесмены отрапортовали изумлённым немцам, что всё ими прочитано в трезвом уме и твёрдой памяти и, по сути, верно.

Не откладывая в долгий ящик, контракт подписали сразу же. По мнению принимающей стороны, это событие было достойно не одного только чёрного кофе. Не отметить ли, мол, удачную сделку маленьким, совсем скромным банкетом-фуршетом? Против отчисления и банкета расчувствовавшиеся русские господа не протестовали. Аскетичные немцы заказали по бокалу шампанского, канапе с ветчиной и рюмке шнапса «на посошок». Чокаясь с пышущими жаром и здоровьем русскими партнёрами, хозяева все как один довольно блестяли стёклами очков в тонких изящных оправках.

Непривычные к подобному регламенту стойкие компаньоны выпили залпом предложенное спиртное и, заглотив еле видимые на их монументальных ладонях канапушки, стали ждать продолжения. Однако быстро поняли, что феерия на этом окончена. Максим с Виктором откровенно загрустили. По-сиротски заказали ещё по одной чашечке кофе. Решили про себя, что после столь скаредной встречи обязательно догонятся где-нибудь в городе. Время-то было ещё детское. Где-нибудь в тёмно-синих франкфуртских сумерках непременно найдётся приличное место, где их будет ожидать полноценный, достойный ужин.

Через переводчика друзья из вежливости ещё десять ми-

нут побеседовали с немецкими партнёрами о погоде, футболе и бизнесе. Когда эти три темы полностью себя исчерпали, а фантом сытного ужина стал представляться всё явственнее, компаньоны переглянулись и спешно засобирались. Объяснили свой внезапный уход из кафе накатившей смертельной усталостью. Ещё бы, такое количество ярчайших впечатлений, такая величественная выставка. А ведь предстоит ещё сегодня и другие важные, прямо-таки безотлагательные дела.

Макс привычным жестом высоко взметнул правую руку, звонко щёлкнул пальцами, чтобы позвать официанта и рассчитаться. Но предупредительные немцы опередили его, заявив, что они в качестве принимающей стороны все расходы берут на себя. Ну как же, ведь именно они пригласили русских коллег в кафе после окончания рабочего дня и задержали до позднего вечера (невозмутимый в любых жизненных ситуациях Витёк потом часто повторял: никто же их за язык не тянул). Элегантный директор по продажам, ведающий представительскими расходами, попросил у подошедшего кельнера счёт.

Когда добропорядочному бюргеру, отцу троих несовершеннолетних детей, полгода назад назначенному на должность директора, принесли итог вечера, у него не то чтобы очки на лоб полезли, они у него от удивления натурально запотели. Извивающийся, словно белая змея, чек не помещался в предназначенную миниатюрную кожаную папочку. По

длине он вряд ли уступал некоторым известным музейным свиткам.

Зрелище предстало драматическое. Очки, правда, всё-таки уцелели, остались в своей новомодной оправе. Зато побелели и вытянулись в тонкую нитку бескровные губы, которыми немец безрезультатно пытался произнести итоговую сумму, у него мелко дрожали руки, волосы стояли дыбом, а уши асинхронно дёргались вверх-вниз, словно у испорченной механической игрушки. Дышал директор крайне неровно, глупо улыбался и, зачем-то сняв с себя полосатый галстук, свернул его трубочкой и убрал во внутренний карман пиджака.

«Вешаться решил», – с ехидцей подумал Максим, с неподдельным интересом наблюдая за происходящим.

Наконец директор сумел справиться с первоначальным шоком. Он тяжело поднялся из-за стола, отошёл в сторону и о чём-то долго беседовал с кельнером. Вышколенный официант вежливо и тихо отвечал на вопросы, пожимал покатыми плечами и невозмутимо водил пальцем по чеку. Периодически взглядом и подбородком он указывал на двух молчаливых русских господ, которые безмятежно допивали чёрный кофе, аккуратно держа в толстых, как сардельки, пальцах легковесные чашки из мейсенского фарфора.

Срочно позвали метрдотеля. Директор фабрики нервничал и обильно потел. Он эмоционально объяснял внезапно возникшие затруднения, неожиданную шепетильную си-

туаацию – и в итоге на что-то уговорил. В присутствии управляющего прокатал кредитную карточку, подписал какие-то бумаги и, вернувшись к столу, обречённо рухнул в кресло. Его карьера на фабрике, по-видимому, закончилась, почти не начавшись.

Расставание вышло трогательным, можно сказать, душевным. Российские бизнесмены выглядели весьма довольными, немецкая сторона – несколько растерянной. Однако члены германской делегации провожали дорогих (в прямом и переносном смыслах) русских партнёров с нескрываемым восхищением, даже почтением.

Как потом рассказывал, хихикая, переводчик, больше до конца выставки на представительские расходы фабрика не выделила ни единого пфеннига. Обескураженный немецкий коллектив в полном составе всю оставшуюся неделю питался за стендом в маленькой пыльной комнатухе, предназначенной для хранения каталогов. Рацион состоял из бутербродов, галет, минеральной воды и кофе, принесённых из дома. А Витёк с Максом после сердечного прощания с гостеприимными германскими коллегами отлично посидели на сэкономленные средства в ресторане «12 апостолов», где, по их авторитетному мнению, имели очень приличный и вкусный ужин. Хотя и всего из четырёх блюд.

Поезд-жизнь

Суета, возбуждённые крики, резкие, лязгающие звуки, заливи́стый смех, тихий плач, предвосхищение интересных, захватывающих событий, ожидающих впереди...

Сверкающий свежескрашенный состав медленно и лениво, с особенной тяжеловесной натугой, прогремывав и проскрипев соединениями всех вагонов, двинулся от заполненного толпой перрона в дальнюю дорогу. Он предчувствовал трудный путь, серьёзное нервное напряжение, внутреннюю борьбу и сопротивление внешним обстоятельствам. Жаль, что он не мог больше задерживаться на милой, уютной станции, где ты стал его пассажиром...

Это поезд твоей будущей жизни. Тук-тук, тук-тук, тук-тук – бесперебойно стучат настырные колёса, отсчитывая эфемерные секунды, мимолётные минуты, быстротечные месяцы твоего пути.

...Первые сознательные годы проходят в беспокойном общем вагоне. Там ругается, гомонит и толкается огромное количество народа. Весёлая, шумная детвора плотным кольцом окружает тебя сразу же после появления в поезде. Ликующая ватага захватывает пёстрой каруселью и несёт бурным, полным радости потоком, который ручейками разделяется по группам детского сада и дальше, по классам начальной школы.

Короткая, колкая на ощупь стрижка под ёжик, дурацкие девчачьи колготки, которые постоянно сползают и не желают нормально подтягиваться, сандалии со стоптанными задниками, следы зелёнки на содранных локтях и коленях, чернила на руках – твои бессменные атрибуты. Свободное время проходит в озорных проделках, увлекательных забавах и обязательных ежедневных прогулках на свежем воздухе. Ты играешь с ровесниками в салки, колдунчики, «море волнуется раз» и, конечно, делаешь «секретики». Для изготовления тайны извлекаешь из под фантика шоколадной конфеты кусок блестящей алюминиевой фольги и долго, тщательно разглаживаешь его ногтем. После чего аккуратно, чтобы не обрезать об острые края, помещаешь серебристый прямоугольник под осколок найденного стекла, желательно от бутылки зелёного цвета. Затаив дыхание, закапываешь получившуюся драгоценность неглубоко в землю в каком-нибудь укромном месте. Но так, чтобы можно было в любой момент крадучись, опасливо оглядываясь по сторонам, подобраться к своему тайнику, тихонечко разгрести пальцами верхний слой почвы и с замиранием сердца наблюдать, как в солнечных лучах блестит и переливается бесценное изумрудное сокровище.

Начало жизненного пути сопровождается разорванными о соседские заборы брюками и насквозь промокшими ботинками. Плохо начищенная обувь "просит каши" из-за беспрестанного пинания всех встреченных предметов. Округлые

камни непременно становятся футбольными мячами, высокие загородки берутся штурмом с диким криком и оглушительным гиканьем, пусть даже не сразу...

Первые детские переживания связаны с противной манной кашей. По странным, поистине изуверским педагогическим соображениям, взрослые заставляли есть её почти каждое утро. Интересно, подозревали ли они, сколько сырых, плохо проваренных комков в ней встречалось? Комковатая каша, вопреки всем ласковым уговорам и нешуточным угрозам, не желала лезть в горло и настырно просилась обратно. Приходилось зажмуриваться, натужно глотать ложку за ложкой целиком, не разжёвывая и не чувствуя вкуса, боясь при этом, что тебя может стошнить у всех на глазах прямо за столом.

Ну и, конечно, девчонки. Во время тихого часа спишь рядом с ними в общей спальном комнате. Но что обидно, эти хныкалки и ябеды иногда оказываются сообразительнее тебя. Перед сном строгая воспитательница настоятельно рекомендует лечь на бок и положить обе ладони под щеку. Почему-то у всех это получается легко и быстро, а ты, привыкший засыпать на спине и с раскинутыми в стороны руками, никак не можешь понять, как засунуть сразу две ладони под одну щеку. Девчонки, лежащие рядом, начинают гадко хихикать над твоей бестолковостью. Раздосадованная воспитательница нервно хватается за твои руки и укладывает их, как требует её педагогическая прихоть. От этого публичного уни-

жения ты расстраиваешься и долго не можешь заснуть.

После тихого часа у тебя новое откровение, и оно опять связано с девчонками. Ты случайно замечаешь, что они ходят в туалет совсем не как мальчики. Для этих целей у них предусмотрена совершенно другая выпускная система. Ты вдруг подсознательно ощущаешь, что за этим скрывается какая-то великая тайна, которую предстоит постичь самостоятельно, без помощи взрослых. Обычно ты круглосуточно, словно из рога изобилия, засыпаешь родителей разнообразными вопросами – неожиданными, дурацкими, заковырыстыми и самыми простыми. В этом же случае впервые почему-то не требуешь у них подробных разъяснений. Промолчав, удивлённый и озадаченный, ты остаёшься один на один с этой загадочной проблемой.

...В переполненном общем вагоне не очень-то удобно. Тут слишком много пассажиров: они разместились во всех углах, приходят и уходят, едут до незначительных станций – каждый со своей объёмистой поклажей.

Среди них ворчливые соседи по коммунальной квартире, чей монотонный бубнёж не даёт тебе подолгу находиться в ванной комнате. Недовольство соседей торопит, мешает пускать самодельные бумажные кораблики и нырять под воду, представляя себя героическим исследователем морских глубин.

Здесь же и улыбчивые жильцы с верхней лестничной площадки, которые каждый раз при встрече интересуются со-

стоянием твоих маленьких дел и всё время норовят потрепать по жёсткому, медленно отрастающему ёжику.

В вагоне тебя окружает множество знакомых и почти незнакомых людей, они наведываются к твоим родителям и бабушке. Ты вынужден делить с ними узкую жёсткую полку и есть за одним миниатюрным откидным столиком. Тебе славно среди этого разношёрстного люда, хотя ты и не отдаёшь себе отчёта, почему тебе так комфортно с ними. Просто тебе приятно встречать множество людей. Ты с удовольствием общаешься с родителями ровесников и доверительно рассказываешь им о своих крошечных проблемах. На прошлой неделе, например, делали Пирке, было больно, а главное, страшновато из-за раздувшейся «пуговки». А молоко в саду на полдник всегда дают с пенкой, именно по этой причине ты его не пьёшь, хотя тебе и нравится вкус.

Ты живёшь в тесноте, но не в обиде. Ты не имеешь претензий к посторонним людям, которые круглые сутки толкутся вокруг тебя, переставляют с места на место твои скромные пожитки, мешают удобно развалиться на полке. Целыми днями ты играешь и хохочешь. Очень быстро привыкаешь к пёстрому, беспокойному образу жизни. Влюбляешься в балаганный вагон настолько, что даже не представляешь другой, размеренной и тихой жизни.

Ты не ставишь перед собой определённой цели, а поступаешь так, как делают все вокруг. Например, обожаешь меняться разноцветными фантиками от конфет и календари-

ками с переливающимися изображениями, собирать значки и спичечные этикетки, хотя до конца не понимаешь, какой в этом глубинный смысл. Вместе с ребятами по многу часов проводишь в местной филателистической лавке, рассматривая выставленные под витринным стеклом почтовые марки. Вы спорите, какие из них красивее и ценнее. В десятый раз пересчитываете зажатую в кулачке мелочь, прекрасно понимая, что на все наборы денег точно не хватит, и значит, предстоит сложный выбор между спортивной серией, выпущенной Монгол шуудан, и военными кораблями от Почты СССР.

Конечно, вы играете в «войнушку». Ты с удовольствием раздаёшь свои пластмассовые пистолеты и автоматы каждому, кто только об этом попросит, чтобы предстоящая игра была похожа на взаправдашний бой. В нём все малолетние участники должны быть вооружены «до зубов», иначе «чужие» обязательно прорвутся, а «наши» проиграют. Естественно, ты представляешь себя в роли легендарного разведчика, выполняющего самое главное, особо секретное задание. Злобные враги окружают со всех сторон, но тебе каждый раз удаётся вырваться из плотного неприятельского кольца, перебить огромное число преследователей и захватить в плен хитрого вражеского шпиона.

Сутки представляются тебе такими длинными, что способны вместить целую жизнь. Время в твоём измерении тянется, словно резиновое. Тебе кажется, что скорый поезд

еле-еле тащится: слишком часто тормозит и беспричинно простаивает на семафорах. Ты готов лично подталкивать его сзади или тянуть спереди, лишь бы он помчался быстрее. Ведь там, в будущем, ждёт столько новых знаний, чувств и открытий, что тебе просто не терпится скорее повзрослеть.

За запylёнными окнами поезда пролетают большие и малые станции, а иногда состав на несколько минут останавливается на них. Тебе интересно наблюдать сквозь вагонное стекло, как мельтешат на станционной платформе незнакомые люди, как они что-то кричат друг другу, призывно машут руками и суетятся. Вон у полной старушки в белом платке рассыпались яблоки. Словно гигантские жёлто-красные бусы, они раскатились во все стороны по бетонной плите. Бабуля в панике, охая и причитая, комично подобрав подол длинной юбки, собирает их во внушительных размеров плетёную корзину, при этом ежесекундно поднимает голову и с тревогой оглядывается на готовый отправиться состав.

А у усатого мужчины в тёмном костюме и клетчатой рубашке без галстука другая неприятность: от почтенных лет кожаного чемодана, наполненного чем-то тяжёлым сверх всякой меры, внезапно оторвалась ручка. Солидного вида гражданин, покраснев, чертыхаясь и матерясь, то толкает неподъёмный баул впереди себя, то волоком тянет его по заваленному окурками и другим мусором перрону.

Эти мимолётные события очень тебя смешат, и хотя из-за закрытого окна не разобрать всех сказанных слов, ты сам

легко додумываешь нехитрые реплики пострадавших. Между тем тебе страшно хочется на минутку выскочить из душного вагона, чтобы купить у разносчиков слегка подтаявшее мороженое: почему-то оно всегда кажется гораздо вкуснее магазинного.

И вот ты улучаешь момент, когда все взрослые заняты своими делами. Лёгкой тенью проскальзываешь в тамбур, ловко спрыгиваешь на низкую платформу. Прежде всего, конечно, подбегаешь к продавцу крем-брюле, у которого в картонной коробке рядом с мороженым лежат и «дымят» холоднющие куски белого льда. Потом, смачно облизывая верх хрустящего вафельного стаканчика, слоняешься туда-сюда по быстро пустеющему перрону, заглядываешь с улицы в вагонные окна, забыв об осторожности, машешь не замечающим тебя родителям и беспричинно широко улыбаешься окружающим. Как опытный, бывалый путешественник ты охотно подсказываешь разгорячённой пышнотелой гражданке, в какой стороне находится её вагон, и радостно указываешь на него пальцем.

Иногда – если, конечно, повезёт – ты обмениваешься парой фраз со случайным прохожим. При этом ты доволен и горд собой: ну как же, с тобой заговорили, тебя посчитали большим и достойным внимания. Послав жизнерадостному незнакомцу прощальный привет, подгоняемый недовольной проводницей, ты запрыгиваешь на подножку вагона и отправляешься в будущее вместе с поездом.

И так целый день. Ты бегаешь по заставленным вещами проходам, смотришь в мутные вагонные окна и стараешься разобраться в том, что происходит вокруг тебя на белом свете. Ты жадно поглощаешь всё, что только можно воспринять.

Долго находиться на одном месте ты не способен. Только что увлекавшее занятие быстро надоедает тебе, и ты переключаешься на что-нибудь новое, захватывающее и интересное. Оббегаешь в очередной раз вагон, заглядываешь в полутёмный холодный тамбур, пугающий оглушительным металлическим лязгом. Потом посещаешь непривлекательный местный туалет и, опасливо нажав ногой на педаль слива, снова возвращаешься на прежнее место.

...Но это уже не безумный, шепутной общий вагон, только что покинутый тобой. Это – плацкарт, более обустроенный, гораздо менее беспардонный и не такой многолюдный. Едущий в нём народ уже не меняется на каждой маломальской остановке, реже толкается и толпится в тамбурах, не заполняет разногабаритными пожитками узкие проходы. Здесь у всех свои личные места, а на ночь выдают постельное бельё.

Сначала ты не понимаешь, куда подевались те, с кем ты долго жил рядом, к кому бесхитростно привык и даже чистосердечно привязался за долгое время тесного общения. Но постепенно осознаёшь, что все твои приятели и знакомые разошлись по похожим плацкартам, получили новые билеты на отдельные места и теперь едут в других, возможно, соседних вагонах. Тебе трудно сразу оценить глубину произошед-

ших перемен. Ты только ощущаешь, что жизнь приобрела принципиально другой ритм. Вместе со сменой условий проживания изменилось и твоё окружение. Что же значили для тебя эти люди, находившиеся рядом с тобой в поезде-жизни? Сыграли ли они какую-то роль в формировании твоей личности, пока были ещё рядом, пока не вышли из поезда на нужной им остановке? Оставили ли след в твоей судьбе?

Вначале ты пытаешься найти своих прежних соседей. Быть может, они где-то близко. Пробегаешь по вагону, разыскивая знакомых. Смеркается. В поезде гасят яркий свет, остаётся только тусклое аварийное освещение. Ты заглядываешь в сонные лица пассажиров, поднимаешься на цыпочки и пытаешься получше рассмотреть тех, кто спит на верхней полке. Тебе всё ещё верится, что стоит обследовать ещё один вагон, и наверняка повстречаются «свои». Но погашенный свет рушит планы, и ты, разочарованный и удручённый, отправляешься спать. Завтра, думаешь ты, с раннего утра снова начну искать. Однако и завтрашние поиски не приносят результата.

...Странно и непривычно потекла новая, более размеренная жизнь. Теперь у тебя собственная полка, и есть даже личный ночной светильник над головой у окна, его можно включать и выключать, когда захочется. Пожелаешь почитать в сумерках книгу или разложить на постели оловянных солдатиков – пожалуйста, только щёлкни тумблером.

Теперь вошедшие пассажиры не усядутся рядом с тобой

на одну полку. А ещё у тебя появился свой скромного размера металлический отсек, куда помещаются все детские пожитки. В нём ты прячешь от старших запрещённые рогатки и самострел, который стреляет при помощи натянутой резинки-«венгерки» пульками-уголками, нарезанными из тонкой алюминиевой проволоки. Только стрелять теперь из него не с кем. Где они, приятели босоногого детства? Разошлись по другим вагонам. Двор, прежде заполненный шумной детворой, опустел. Прилежные отличники и хорошисты зубрят уроки в отдельных квартирах, усердно стучат по чёрно-белым клавишам пианино в районных Домах пионеров... Но ты всё равно ещё долго веришь, что обязательно найдёшь их в ближайшем будущем.

...Поезд постепенно ускоряется. Заметно быстрее стали бежать назад кособокие деревья и стройные столбы. Ты уже не успеваешь реализовать все намеченные на день планы. Приходится что-то откладывать на завтра, оставлять на потом. Ещё недавно было по-другому: сутки, словно безграничная вселенная, вмещали все твои дела, помыслы и желания.

Да и различных забот прибавилось, они даже имеют наглость накапливаться. Раньше можно было в любой момент, не задумываясь, схватить с вешалки пальто, надеть шапку, валенки и броситься во двор кататься на картонке с ледяной горки. Теперь надо готовиться к контрольным и лабораторкам, помогать по хозяйству родителям, да ещё в свободное

от учёбы время сидеть с младшей сестрёнкой, играя в дурацкие куклы.

Однажды на платформе ты замечаешь группу молодых людей и девушек, одетых в куртки защитного цвета с непонятными нашивками. Они садятся в поезд, передают друг другу по цепочке пухлые рюкзаки с привязанными снизу котелками, огромные, размером в человеческий рост, брезентовые баулы и ещё какие-то чёрные чехлы. Сортируя поклажу, ребята вовсю балагурят и дружно, словно по команде, заходятся громким смехом. «Наверное, куда-то переезжают», – решаешь ты и на время забываешь о весёлой компании.

Но вечером тебя вдруг вырывает из привычной действительности, завораживает и парализует доносящееся из-за перегородки пение. Ты отбрасываешь в сторону одеяло, вскакиваешь с полки и внимательно прислушиваешься к звучащим голосам. Незатейливые аккорды расстроенной, выдавшей вида гитары отдаются в твоей душе болезненным, надрывным, тебе самому не понятным резонансом. Тебя словно бьёт электрическим током, по телу пробегают волны мелкой дрожи, а на глаза неожиданно и вроде абсолютно беспричинно наворачиваются слёзы. Ты впервые слышишь о флибустьерских синих морях, о бригантине и алых парусах.

Многострадальная гитара переходит из рук в руки. Сменяются певцы и аккомпаниаторы. Меняется репертуар, но ты всей душой ощущаешь, что вот оно – твоё, именно то, чего

ты подсознательно ждал. Ветер странствий хмелит пряными запахами авантюр, сердце громко колотится от чувства безграничной свободы, глаза вдохновенно горят, а поздний лазоревый вечер, переходящий в звёздную ночь, манит загадочностью и открывающимися перспективами.

Ты безоговорочно присоединяешься к вольному туристическому братству. Целыми днями, не снимая, носишь штурмовку, пытаешься брэнчать на подаренной на день рождения гитаре. С каждым годом на твоей куртке прибавляется разноцветных нашивок. Словно заслуженные военные регалии, они рассказывают о дальних походах и песенных слётах. Водоворот разнообразных, насыщенных событий увлекает и кружит тебя. Теперь уже ты сам основательно пакуешь брезентовые тюки с «Салютами» и «Тайменями», умело закрепляешь стрингера и шпангоуты перед выходом на озёра и разбираешься в байдарочном оборудовании, словно заправский боцман в корабельной оснастке.

Не чувствуя тяжести, ты легко таскаешь на спине неподъёмный рюкзак и заполняешь громоздким скарбом тамбуры родного поезда. Засыпая в привычной плацкарте, ты видишь романтические сны о дальних странствиях, новых землях и захватывающих дух приключениях. Ты предвкушаешь, как с утра начнёшь собираться в очередной поход.

...Наутро, проснувшись, ты обнаруживаешь, что произошло что-то странное. Внимательно посмотрев по сторонам, понимаешь, что ты уже не в плацкарте, а в мягком и уют-

ном купе, изолированном от вагонного мира и людского гамма зеркальной, плотно закрывающейся дверью. На окнах висят чистенькие бело-голубые занавески, а при желании можно полностью отгородиться от дневного света, опустив плотные тёмно-синие жалюзи. Аккуратно одетая проводница не пытается сорвать на тебе плохое настроение. Она не ворчит и не гоняет тебя, как раньше: «Не стой где попало, не бегай, освободи от вещей проход!» Вежливо поприветствовав, она предлагает тебе свежесваренный чай и, что уж совсем непривычно, сама приносит прямо в купе дзинькающий о металлический подстаканник стакан с маленькой ложечкой и долькой лимона.

Пропал назойливый запах общежития, сопровождавший тебя все годы пребывания в общем вагоне и плацкарте. Теперь вошедший пассажир не споткнётся о твою случайно забытую в проходе сумку, не потребует убрать в сторону громоздкий рюкзак. Для нового кожаного, с выдвигающейся ручкой, закрытого на хромированный замочек чемодана здесь же, в купе, предусмотрено специальное багажное отделение.

В устланном ковровой дорожкой коридоре, прямо напротив твоего чистенького купе, появилась маленькая откидная скамеечка, обтянутая мягким красным плюшем. На ней можно временно расположить багаж, а то и самому расположиться, если появится такое желание. Как недоставало такой банкетки в далёком детстве! В ту пору, помнится, не хватало

роста, чтобы пристроиться посерединке окна. Встал бы тогда на неё на коленки и смотрел бы, смотрел, как вдаль убегают скошенные поля, мелькают деревья, огромными ватными комками висят в небе пушистые облака...

Постельное бельё в купе тщательно отутюжено и не такое сырое, как давали в плацкарте. Простыни и пододеяльники выглядят гораздо белее и свежее своих сероватых, заштопанных предшественников. Конечно, весёлой туристической юности не было до них особого дела. Но похоже, что теперешняя жизнь стала значительно качественнее. Более приятной и благоустроенной.

А стала ли?

Лишь очень скромная горстка людей сопровождает ныне тебя в летящем поезде-жизни и скрашивает – да уже не крашит! – одинокие и однообразные дни.

Иногда ты выходишь из уютного, обжитого купе покурить в специально оборудованное пепельницами и держателями сигарет помещение. Изредка прохаживаешься от одного тамбура до другого, чтобы размять в коридоре затёкшие от долгого сидения ноги. Надо же дать возможность отдохнуть красным от бесконечного чтения толстых газет глазам. И вдруг ты встречаешь своего старого приятеля. Сталкиваешься нечаянно с тем, с кем много лет назад ехал в общем вагоне, делил одну полку. Твой прежний товарищ тоже вышел прогуляться из похожего новенького, добротного обустроенного уголка, на ходу расправляя на груди тугой струной

натянутые подтяжки.

Ваши слегка одутловатые лица расплываются в приветливых, радостных улыбках. Вы звонко хлопаете друг друга по округлым плечам, бегло оцениваете литраж объёмистых пивных животов и примерное количество жиденьких волос, которые чудом сохранились на почти лысых головах. «Сколько лет, сколько зим! Привет, старик! Не ожидал тебя тут увидеть. Да вот, который год мотаюсь по стране, важные и серьёзные дела в провинции, постоянные командировки по предприятиям», – вы пытаетесь завязать беседу. Но отрывистый, словно высушенный разговор больше напоминает речь на отчётно-перевыборном собрании или короткие выдержки из передовой статьи партийной газеты. Дальше вопросов о состоянии начинающего пошалить здоровья, составе семьи, последнем месте работы и занимаемой ответственной должности дело не идёт. Напряжённый, с затяжными паузами, причмокиванием и вздохами диалог плохо клеится, общие темы для обсуждения отсутствуют.

Докурив лёгкие, с пониженным содержанием смол и никотина сигареты, вы с явным облегчением расстаётесь. Естественно, вы приглашаете друг друга в гости на ближайшей неделе, или, быть может, даже раньше, как позволят прилипчивые дела, под диктовку которых вы живёте уже много лет, безоговорочно подчиняясь бешеному ритму. Отстроенные вами обоими хоромы позволяют свободно разместиться двум обширным семействам и приятно провести тёплый

дружеский вечер. Но, зазывая к себе бывшего товарища, вы оба прекрасно понимаете, что ни завтра, ни через неделю, ни через месяц не увидите, если только повторно не столкнётесь случайно нос к носу.

Сейчас каждый из вас будет употреблять припасённые в дальнюю дорогу продукты в своём хорошо отапливаемом и кондиционируемом купе, чтобы не стеснять другого. Хотя раньше ели из одной тарелки за общим откидным столиком в грязноватом вагоне, набитом под завязку сидящими с поклажей на коленях пассажирами. И из одного походного котелка хлебать приходилось...

Очень далеки друг от друга вы стали после не такой уж долгой разлуки. А ведь считались закадычными, верными друзьями, прошли вместе уйму различных дорог, спели массу хороших песен, не раз делили одну сырую, пропахшую дымом палатку.

Время, как и поезд, неумолимо стремится вперёд, по ходу дела расставляя всё по своим местам. Вы и ваш попутчик, случайно встреченный старый знакомый, неуклонно расходитесь. Остались в прошлом былые походы, почти стёрлись из памяти годы, проведённые в совсем другом вагоне, куда вы вместе вошли когда-то на одном из пустынных, тихих полустанков.

Теперь он именно попутчик, хоть и был когда-то лучшим другом, с которым вы коротали бессонные ночи за доверительными разговорами и крепко заваренным чаем. Так

обыкновенно и происходит в спешащем поезде-жизни. Не прекращая напористого движения, он разграничивает всех окружающих на «своих» и «чужих», как было в наивной, полузабытой военной игре далёкого детства. Время делит людей на тех немногих, кто останется с тобой до конца, доедет до конечной остановки, и на попутчиков, которые присутствуют рядом лишь до следующей станции. Как только поезд остановится на ней, они легко и беспроблемно спрыгнут на перрон, навсегда покидая твою жизнь. Быть может, ты мельком увидишь их потом, встретишь случайно – жизнь регулярно преподносит подобные сюрпризы. Но ты уже не подойдёшь к ним. Зачем? Ведь ваша прошлая дружба и задушевное пение у костра оказались на поверку лишь мигмом краткого знакомства, непрочной связью, которая продлилась всего несколько коротких перегонов от одного полустанка к другому.

Перебирая в памяти прожитые годы, медленно вращая потёртый калейдоскоп путаных, сплетённых в один плотный клубок событий, вдруг обнаруживаешь, что тебе вовсе не было с ним так хорошо, как тогда казалось. Тебе этого только хотелось. Вот ты и стремишься сделать всё возможное, чтобы стать ближе к другу. Он же просто спокойно принимал твою наивную дружбу, а сам считал в уме количество станций, оставшихся до той, где он собирался выскочить.

Конечно, всегда надеешься, что рядом с тобой истинный товарищ. Но куда чаще в твоём пустеющем вагоне находят-

ся всего лишь временные попутчики. И оттого, что сначала принимаешь их за прямодушных друзей, становится особенно больно и обидно. Ты оказываешься не готов к тому, что, достигнув своей цели, вчерашний верный товарищ хватается с полки поношенный чемодан и выбегает на следующей остановке. Выпрыгивает из вагона на перрон, чтобы навсегда исчезнуть из твоей жизни, смешавшись с многоликой толпой. А ты смотришь на этих чужих людей безразличным взглядом через исцарапанные вагонные стёкла. Глядишь на всех сразу и не видишь никого в отдельности.

Был человек в твоей судьбе – и нет его. Осталось пустое место, мутный кадр на фотоплёнке. Так иногда разматываешь негатив, вспоминаешь, где происходили запечатлённые на нём события, и вдруг видишь несколько засвеченных кадров. Всматриваешься в кефирное марево, пробуешь хоть что-нибудь разглядеть, но так и не получается. Уж очень быстро пронёсся рьяный поезд-жизнь мимо той узловой станции, где сошёл попутчик, которого ты искренне считал настоящим другом.

...А целеустремлённый поезд меж тем рвётся и рвётся вперёд. Почти не меняются примелькавшиеся лица. Утомлённые путешествием пассажиры редко покидают вагон. Они основательно нагрели свои места, удобно обустроили окружающий быт. Им нет смысла суетиться, искать что-то новое и лучшее. Зачем? Сбалансированная жизнь вошла в намеченное, желанное русло, комфортабельный поезд идёт

прямым курсом по вздымающейся в аквамаринное небо ровной лестнице-колее.

Всё правильно. Всё оправданно. Всё заслуженно. Маеты и шума меньше, вальяжных соседей и предусмотренных услуг – гораздо больше. Да ты и сам стал двигаться лениво, представляться безлико, здороваться механически, прощаться небрежно. В твоей жизни уже нет тех желанных встреч и горьких расставаний, которые случались раньше. Теперешние быстры и сухи, не обременены даже тенью сентиментальности, лишены прежних добрых и тёплых чувств.

Короткие остановки становятся всё реже и реже. Усталые, заспанные лица слегка покачиваются в такт плавным движениям поезда, не меняя безжизненных выражений. Ты тоже сидишь, уставившись ословелым взглядом на какую-то безделицу в глубине купе. Ты давно уже не смотришь в окно, как в далёком детстве, широко раскрытыми удивлёнными глазами, не улыбаешься просто так, от избытка бурлящих чувств, увиденным за вагонным стеклом прохожим.

А что, собственно, там высматривать? Что там интересного? Унылый пейзаж однообразен, давно намозолил глаза. Убранные поля сменяют хвойные леса, берёзовые рощи чередуются со скошенными лугами. Торчащие худосочные столбы один за другим торопливо бегут в обратную сторону, как будто участвуют в нескончаемой эстафете без призёров и победителей. Только раздражают своим монотонным мельканием. Обстановка привычна и обыденна. Ничего нового.

Кстати, почему это поезд несётся как угорелый? Куда он так торопится, словно с цепи сорвался? Чего ради, скажите, лететь на всех парах? Аккуратней, осторожней следует вести состав, не дрова ведь везут, а уважаемых людей. Спокойней надо бы двигаться на поворотах, не пренебрегать техникой безопасности. С такой лихостью и до беды недалеко. Ради чего развивать сумасшедшую скорость? Всё равно приедем куда положено. Раньше или позже – какая, собственно говоря, разница? Размереннее, без суеты надо перемещаться, а то всё мелькает перед глазами, словно на безумной карусели. Даже голова закружилась от такого бешеного темпа! Да к тому же пассажир на верхней полке раздражающе похрапывает и не реагирует на возмущённые удары кулаком по перегородке... Надоело всё, наскучило, опостылело!

...Усталый и раздосадованный, ты перебираешься в спальный вагон. В СВ тебя не побеспокоит топот ног расшалившегося ребёнка, не помешают соседи с верхних полок. Здесь на полах расстелены дорогие ворсистые ковры, которые заглушают звуки даже твоих собственных шагов. На стенах прибиты специальные мягкие подушки, чтобы тебе было удобно сидеть, прислонясь к ним ноющей спиной. Приличного размера плазменная панель эргономично расположена в углу над дверью. Она закреплена на вращающемся кронштейне и оснащена дистанционным пультом управления, от тебя требуется минимум усилий и минимум движений.

Тебя прельщают тишина и спокойствие, тёплый плед и

шерстяные носки. Тебя полностью устраивает насиженное рабочее место, в которое ты пустил глубокие корни. Ты пророс в это чёрное кожаное кресло, намертво слился с ним, образовал единый, монолитный организм и разделяться в ближайшем будущем не собираешься. «Ничего, ничего, ещё поработаем, покоптим небо, покажем прыщавым соплякам и наглым завистникам, на что способна старая, проверенная гвардия», – принимая удобную полулежачую позу и привычно разговаривая сам с собой, самодовольно кряхтишь ты.

Отныне тебя окружают одни лишь попутчики. Попутчики-сослуживцы, попутчики-соседи, попутчики-знакомые, попутчики-родня. Среди них давно уже нет тех, с кем бы ты мог хоть изредка поговорить по душам, переброситься парочкой равнодушных фраз, выпить кружку янтарного пива за дружеской беседой, вспомнить любимые песни. Нет никого, кто мог бы обратиться к тебе на «ты»!

...Иногда, выйдя в просторный коридор, увидев смутно-знакомые, наверное, что-то значившие когда-то для вас лица, вы на мгновенье приостанавливаетесь, натужно морщитесь, пытаетесь выдавить из смятого тюбика засохшей памяти нужное имя. Этот мучительный процесс наглядно отражается на морщинистом лбу. Но нет, всё тщетно, отклик отсутствует.

Вы раздражённо, нервно отворачиваетесь к окну. С брезгливым выражением лица и плохо скрываемым презрением наблюдаете, как входят и выходят из соседних вагонов пас-

сажиры, суетятся на замусоренной платформе опаздывающие путешественники, забирают у проводников свои проездные документы командированные. Куда они все едут? Зачем столько громоздких чемоданов? Что за неразбериха вокруг! Настоящий табор, бестолковые, несобранные, галдёж-то какой развели, словно на птичьем базаре!

Сердитый и недовольный, вы возвращаетесь к себе. Услужливая, улыбчивая официантка из вагона-ресторана уже подготовила к назначенному вами сроку бокал коньяка и крепкий турецкий кофе. Вы пьёте мелкими глотками обжигающие напитки и в привычной тишине и одиночестве смотрите вечерний выпуск «Новостей». А поезд пущенной стрелой неумолимо мчится вперёд, отсчитывая последние переезды, остановки и станции.

Одиночество

Моя семья жила в самом центре Москвы, в небольшом кирпичном доме, половина окон которого выходила в тихий кривой переулок, а половина – в маленький уютный двор. Это был настоящий старинный московский дворик с плодовыми деревьями, кустарниками и цветами. В нём росли и даже умудрялись загадочным образом плодоносить пять яблонь, две груши и одна слива. Все цветы, среди которых выделялись гигантские «золотые шары», были высажены прямо под окнами и заботливо обнесены низеньким деревянным заборчиком. Самодельный штакетник ежегодно по весне блестел свежим слоем зелёной масляной краски и служил предметом несказанной гордости местного сильно пьющего плотника. Здесь все знали друг друга и знали всё друг о друге.

У каждого из трёх подъездов располагались лавочки – обязательные детали городского быта тех лет. По утрам девочки устраивали на них «игротеки»: кормили, пеленали и укладывали спать кукол, организовывали для плюшевых и резиновых игрушек детские сады и школьные занятия. Мальчишки, словно по автодрому, гоняли по скамейкам машинки и расставляли ровными рядами армии оловянных и пластмассовых солдатиков. Иногда, если рядом не было старших, на деревянных сидениях появлялись запрещённые

песочные «куличики».

Школьники после уроков использовали лавочки для временного хранения портфелей и сумок со сменной обувью, чтобы ещё десяток-другой минут поболтать в любимом дворе. Так они оттягивали наступление неприятного момента, когда придётся приступать к мучительным домашним заданиям, объясняться с родителями по поводу выведенных в дневнике красной ручкой суровых замечаний классного руководителя.

Поздним вечером скамейки плотно занимала длинноволосая молодежь. С её появлением в открытые форточки квартир начинало затягивать едкий табачный дымок и однообразные, неумелые гитарные аккорды.

Но основным контингентом обитателей дворовых скамеек, конечно, были старушки.

Ни за что не перечислить всё то, чем они здесь занимались: обсуждали свежие новости, почерпнутые из телепередач, сообща читали газеты, обменивались ценным опытом по ведению домашнего хозяйства и советами в деле засолки огурцов и помидоров; тут бесперебойно «работала» справочная служба по всем жизненно важным вопросам, проводились бесплатные квалифицированные медицинские консультации, оказывалась первая помощь начиная с точнейшего измерения артериального давления посредством раскачивания золотого кольца на ниточке над рукой пациента.

Господи, да разве всё упомнишь... Скамейки были одно-

временно и библиотеками, и читальными залами, и дискуссионными клубами. Здесь обсуждались животрепещущие мировые проблемы и успехи наших спортсменов на чемпионатах. Можно было доподлинно узнать текущий ассортимент местных магазинов с пояснениями: где какой товар залежался, в каком отделе что хорошего припрятано под прилавков, а где только что выбросили дефицит. Ремонт квартиры, воспитание отпрысков, поиски работы – не существовало такой темы, по которой завсегдатаи скамеек не могли бы дать исчерпывающий перечень советов. И главное, безусловно, самое главное: кто, где и с кем был замечен за истекший период на вверенной территории! Перемыывание костей – вот неизменная центральная тема бабушкиных посиделок.

Первые места в лавочных чатах занимали местные модницы. «Да разве можно такое носить? Да ты посмотри, в чём она пошла? Позор-то какой! Ведь всё, всё видно! Срамота!!!» – осуждения перемежались с проклятиями и сыпались словно из рога изобилия.

Кокеткам по популярности слегка уступали незамужние и разведённые соседки. Личная жизнь каждой мало-мальски привлекательной особы находилась под пристальным наблюдением пытливых, всевидящих глаз, которые просвечивали эту самую личную жизнь лучше любого рентгеновского аппарата. Не мешали ни миопия, ни старческая дальность зрения, ни астигматизм с катарактой! Словно мобильные томографы, дежурящие у подъездов бабульки безошибочно

сканировали состояние души представительниц женской половины населения. И все наблюдения заносились в дворовую базу данных в строгом хронологическом порядке.

Каждая молодая женщина, прежде чем войти во двор, сначала боязливо озиралась по сторонам, а затем хоть и бегло, но дотошно осматривала себя. Надо было ещё раз проверить, все ли пуговицы, заклёпки и молнии наглухо задраены, подобно люкам подводной лодки перед глубоководным погружением. Красавице следовало собраться с духом, набрать в лёгкие побольше воздуха и отчаянно вступить в зону перекрестного зрительного обстрела. Оценив количество хищных глаз, взявших тебя на прицел, лучше всего было пробормотать кроткое приветствие и попытаться как можно быстрее оказаться дома. Лишь бы не слышать любезные («Здравствуйте, Ниночка!») реплики вслед: «Во намазюкалась, лахудра! А разрез-то прямо до пупка! Тьфу, что ты будешь делать!»

Теперь мне кажется, что большинство соседок помнили о своей прошлой и знали о текущей жизни гораздо меньше, чем дежурившие у подъездов бабули. Право же, в случае необходимости вполне можно было уточнить у них стёршиеся из памяти подробности: «Извините, пожалуйста! Помните, ко мне ходил Вадим? Да, да, точно, такой долговязый, в зелёных брюках. Да, именно, он носил чёрный кожаный портфель. Верно, курил исключительно «Беломор». Не подскажите мне, в каком году это было?»

Я абсолютно уверен, что ответ бы последовал точный и со всеми деталями.

А голубятня! Голубятня! Неофициальный рейтинг нашего двора в глазах окрестной детворы был весьма высок благодаря голубятне дяди Кости. Вследствие его постоянной заботы она единственная сохранилась к тому времени на территории всего района. Десяток подобных, но заброшенных и разломанных, стоял по соседним закоулкам и пустырям – с прогнившими досками и порванной сектой-рабицей.

К глухой боковой стороне нашего дома была прилеплена небольшая, буквально два на два метра, деревянная пристройка. Входить, а точнее, залазить в неё, изрядно согнувшись, следовало через скрипучую дверь-калитку, которая запиралась на длиннющий самодельный ключ.

Внутреннее помещение, постоянно погружённое во тьму, было разбито на ячейки, в каждой из которой сидел голубь, а то и два, если, конечно, они не клевали что-то на полу. Иногда, в минуты особенной дяди-Костиной благосклонности, нам, мальчишкам (девчонок в святая святых не пускали), разрешалось забираться внутрь и в благоговейном трепете пребывать там несколько минут под неустанным прищуром его страшноватого, сильно косящего глаза. В голубятне было тепло, влажно, темно, пахло голубиным пометом и ещё чем-то совершенно неизвестным. После долгих и бурных споров постановили, что это и есть запах мифического птичьего молока.

Голуби топтались по ячейкам, ворковали и, наклонив голову вбок, опасливо вращали круглыми глазками. Дядя Костя бережно вынимал их по одному, тщательно оглядывал со всех сторон, будто проводил быстротечный медицинский осмотр, нежно гладил, целовал в клюв и выпускал в небо.

Потом брал длинный, примерно шестиметровый алюминиевый шест с привязанной на конце белой тряпкой, махал им и призывно свистел кружащей в небесах стае. Свистел он, заложив в рот два мизинца, громко и оглушительно резко, на зависть окрестной детворе.

Мы все до головной боли и чёртиков в глазах пробовали копировать этот его уникальный свист, но ни у кого по малости лет ничего не получалось. Из рта вырывалось лишь подобие змеиного шипения вперемешку с брызжущей слюной, да и только. Поэтому мы кричали, прыгали, улюлюкали, по-детски смешно насвистывали, сложив губы трубочкой, – в общем, производили соответствующий всеобщему возбуждению шум и гам. Дружно задирали головы, вставляли на носочки, прикрывали ладонями-козырьками прищуренные глаза, пытаясь неотрывно следить за плавным круговым полётом белоснежных голубей в завораживающей слепящей синеве.

Так жизнь и шла – медленно, размеренно, неторопливо. Я знал всех ровесников из окрестных дворов, был уверен, что осенью вместе с ними пойду в один класс жёлтой трёхэтажной школы, расположенной в соседнем переулке. Но в са-

мом конце весны родители – «наконец-то», с глубоким вздохом подчёркивала мама – получили долгожданную квартиру. Мы переехали в новый район как раз под занавес последнего предшкольного лета. Обещанного деревенского отдыха, конечно же, не получилось. Все три месяца мы таскали и возили туда-сюда какие-то громоздкие вещи, картонные коробки и объёмные тюки, что-то постоянно доскребали, докрашивали, доделывали в новой просторной, пустующей пока квартире. Родители суетились, нервничали, переругивались, торопясь закончить все работы к сентябрю и переоформить мои документы в ближайшее учебное заведение.

Новая школа была пятиэтажным белым зданием с просторными коридорами, с отдельно пристроенным спортзалом и настоящим, огромным футбольным полем. Вообще, в этом районе всё оказалось гигантским и очень впечатляющим.

Вместо привычных узких, изгибающихся и переплетающихся переулков, которые можно было перепрыгнуть в три прыжка, здесь были проложены величественные, широченные проспекты. Их наполнял бесконечный поток гудящих, спешащих куда-то машин. Прямо за нашим новым домом начиналось ведущее за город шоссе, по которому днём и ночью сновали небольшие машинки и солидные грузовики. От шоссе круглосуточно шёл гул, словно от растревоженного пчелиного улья. После полусонных, утопающих в тополином пуху, пустынных улиц дремотного центра я никак не мог

привыкнуть к шуму и гомону распластавшегося во все стороны необъятного пространства. К тому же я здесь совсем никого не знал, и, как я вскоре заметил, местные жители тоже не знали друг друга. Это было так непривычно после нашего живущего единой общественно-семейной жизнью двора с его архаичным, почти домостроевским укладом...

В конце августа мы окончательно перебрались в новый, абсолютно лысый жилой массив. Деревьев здесь просто не было, как не было тенистых дворов, парков и аккуратных, ухоженных скверов, огороженных по периметру затейливой чугунной оградой. Всё окружающее пространство, похожее на неухоженное поле, сплошь занимали свежестроенные блочные шестнадцатиэтажные дома и низкорослые трансформаторные подстанции.

Здесь соседи не знали с соседями, а люди были совсем не такие общительные и приветливые, как у нас во дворе. Никто не здоровался с тобой на улице, не интересовался твоими делами, как бы между прочим обещая зайти вечером к бабушке или маме поболтать о том о сём.

В прежнем доме у нас казалось очень странным, если кто-нибудь не знал поимённо всех жителей соседних подъездов. В этом же диком месте было нормально не знать даже соседей по лестничной площадке. И все строго придерживались такой загадочной для меня нормы.

Я чувствовал себя всем и всему чужим, потерянным, никому не нужным и не интересным. Родители занимались за-

тянувшимся переездом, обустройством на новом месте. Им было не до меня: столько важных забот – от оформления документов до расстановки мебели. Я часами слонялся по пыльным окрестностям, тупо, без какой-либо особой цели обходя многоэтажные гигантские соты. Заканчивалась одна железобетонная коробка – начиналась следующая. Как только заканчивалась она – шла другая. И так повсюду внутри новоиспечённого периферийного района. Грандиозный размах и масштаб почему-то не раскрепостили меня, а наоборот, подавили своим гигантизмом и полной обезличенностью.

За последние две летние недели я так ни с кем и не познакомился, поэтому поступление в школу стало для меня чем-то вроде вступления в другую, совершенно незнакомую жизнь. На новом месте у меня не было друзей, я не знал никого из своих будущих одноклассников, хотя очень стремился к этому. В преддверье первого сентября я жутко переживал. Не один раз проверил с вечера, всё ли положил в портфель, хотя туда, собственно, и класть-то особенно было нечего. Но я всё равно боялся забыть что-то важное. Всю ночь проворочался в полудрёме, опасаясь проспать, хотя прекрасно понимал, что родители обязательно разбудят меня загодя.

Проснулся я, конечно же, совершенно разбитый, почти ничего не поел, надел второпях новенькую серую форму, ещё раз зачем-то проверил содержимое тощего ранца, вооружился букетом бледно-розовых гладиолусов чуть ли не в

мой собственный рост и отправился в школу.

На непродолжительной шумной линейке я не разобрал ни слова, поскольку непрестанно вертел головой, пытаюсь не пропустить мимо ушей ни одной из произнесённых кем-либо поблизости фраз. В итоге впитал в себя всю предпраздничную какофонию звуков, суету, волнение – и к концу торжественной части полностью потерялся.

Когда всех нас, таких нарядных, с большущими букетами и округлившимися от перевозбуждения и страха глазами, повели в класс, оказалось, что я умудрился где-то позабыть портфель. Он, конечно же, вскоре обнаружился в углу раздевалки. Но за то время, пока я, покрасневшийся и вспотевший, метался в поисках по коридорам, все ученики, как и положено, прилежно расселись за парты. Число первоклашек оказалось нечётным, и мне, опоздавшему, досталась последняя парта у окна, где я остался в гордом одиночестве.

Так я и просидел все свои школьные годы один за последней партой у окна.

Моими первыми собеседниками и поверенными грустных мыслей стали две хиленькие берёзы и рябина, растущие прямо под окнами школы. Эти чахлые представители небогатой местной флоры были, видимо, посажены учениками на субботнике, призванном облагородить и оживить пришкольную территорию. Несмотря на скудость почвы и отсутствие ухода, деревья как-то прижились и теперь приветливо махали мне ветвями, сгибаясь под порывами налетающего ветра.

Они были мои самые лучшие, самые близкие друзья. Учителя, разумеется, этого не знали и задавали мне один и тот же надоевший вопрос: «Ну что, что ты там увидел такого?» Они-то сами ничего особенного за окном не видели. Несколько тощих, облысевших деревьев, три-четыре пёстрые кучки облетевшей листвы, разваленная помойка и безлюдный из-за непогоды участок соседнего детского сада не представляли ни для кого интереса. Строгим педагогам было не понять, что я беседую со своими товарищами, делюсь с ними маленькими радостями, огорчениями, планами на будущее, советуясь, иногда даже спорю...

Не то чтобы я вдруг стал очень нелюдимым и замкнутым ребенком, нет. Я, как и большинство моих сверстников, гонял мяч на школьном поле, играл зимой в хоккей, рвал о заборы штаны, сдавал нормативы ГТО, собирал макулатуру, изредка дрался – в общем, с виду был как все. Но мои мысли, желания и стремления, мои переживания и терзания оставались только со мной, никому не ведомые, никому не высказанные.

О них знали лишь две берёзы и рябина, да ещё, быть может, старая ворона, часто прилетавшая под окна школы подремать. А возможно, и подслушать наши бессловесные беседы? Внешне она ничем не выдавала своих целей, смиренно сидела нахохлившись на самой верхушке низкорослой берёзы и периодически вращала черным блестящим глазом.

Пролетели школьные годы, отзвенел наш последний зво-

нок. Мы разлетелись в разные стороны, забыв друг друга и здание, где прошли первые десять лет сознательной жизни.

Все мы на что-то надеялись, строили далекоидущие планы. У кого-то что-то сбылось, кто-то вообще достиг всего, о чём мечтал, и даже большего. А я – я оставался таким же одиноким неудачником, упустившим, а может, просто не нашедшим в жизни чего-то главного.

Все эти годы меня преследовало странное, но очень реальное ощущение, что я до сих пор живу в своем родном стареньком доме, хожу узкими путаными переулками, запорошёнными скатавшимся тополиным пухом. В душе я был тем дошкольником, каким внезапно покинул родные, любимые места.

Я вспоминал себя ребёнком, беззаботно бегающим по красивому зелёному скверу. Сюда, на две однажды выбранные лавочки, в любую погоду приходили любители домино, великодушно разрешавшие нам, детям, стоять рядом и следить за ходом их бесконечной игры. Доминошники собирались на этом месте годами, если не десятилетиями; они азартно и самозабвенно долбили чёрными костяшками по самодельным игорным столам. Громко спорили, живо переживали победы и поражения, обсуждали недавние баталии и, безусловно, совместно выпивали. В общем, жили в своём небольшом, очень устойчивом мирке.

Иногда мне виделось, как я иду за молоком в местный полуподвальный продуктовый магазин. Главное, надо было вы-

брать хорошие, не рваные и не подмоченные, бело-голубые пирамиды пакетиков. Молоко тогда продавалось не в литровых параллелепипедах, как сейчас, а в небольших пирамидках, и они имели устойчивое свойство начинать течь сразу же, как только были куплены.

Периодически я представлял себя летящим со всех ног на площадь, к единственной на весь район палатке мороженого. В кулаке крепко-накрепко зажаты заветные девятнадцать копеек, их предстоит обменять на вафельный стаканчик и тотчас с наслаждением слизать с него жёлтую кремовую розочку.

Моя жизнь не то чтобы раздвоилась, вовсе нет. Умом я прекрасно понимал, где нахожусь и что делаю. Но меня не покидало навязчивое ощущение, что всё вокруг – не моё. Не моя обстановка, не моя жизнь. Я не должен был здесь оказаться! Душой я чувствовал: моё место там, откуда меня увезли много лет назад. Несомненно, наши жилищные условия с переездом улучшились. Но при этом порвались и перепутались невидимые струны, связывающие с прошлым, тянущиеся через настоящее и призванные проложить верный путь в будущее.

Образно говоря, многочисленные семейные, человеческие, дружеские, пространственные и прочие отношения образуют в душе человека запутанный клубок ощущений и переживаний. Клубок, который, как в сказке, надо бросить на землю – и он приведёт тебя к твоей мечте, твоему счастью.

В моём клубке были переплетены такие разные вещи... Детские игры в классики и двадцать одну палочку; неожиданный переезд в огромный дом; тщательно скрываемое от взрослых поджигание тополиного пуха на бульваре; невозможность уснуть первые недели от круглосуточного гула транспорта за окном новой квартиры; вкус шипучки, призванной становиться газировкой в стакане с водой, но так и не донесённой до дома, а растворявшейся прямо на языке по пути от бакалейной палатки; потерянный первого сентября портфель; реакция Пирке; кирпич, хранящийся рядом лифтом, – его каждый раз приходилось брать с собой, ибо собственного веса, даже вместе с набитым ранцем, для подъёма первые годы мне не хватало; разодранные о гвоздь и собственноручно починенные казеиновым клеем брюки от новой школьной формы; первая двойка за упрямо не дающееся правило «жи-ши» и дяди-Костина голубятня...

Мой жизненный клубок не мог вести меня в одном определённом направлении. Он оказался чрезвычайно неправильной формы, да к тому же со смещённым пространственно-временным центром тяжести. Я находился в одном месте – а хотел быть в другом, общался с одними людьми – а мечтал о других, всем сердцем желая вернуть старые привязанности. И так день за днём, год за годом.

Когда после окончания уроков нужно было возвращаться в новый, давно уже обжитой дом, какая-то мощная неведомая сила тянула меня в другом направлении. И видел я

совсем другую улицу, другие здания, другой пейзаж. Когда весь класс участвовал в обязательном общешкольном массовом мероприятии, я старался тихо улизнуть, чтобы смотаться в центр, к дорогим и родным моим переулкам.

В старших классах чувство одиночества не уменьшилось. Нет, я не был каким-то изгоем, но внутренне по-прежнему ощущал себя здесь чужим. Я частенько покидал шумную компанию веселящихся одноклассников и вместо этого бродил по опустевшим улицам засыпающего города. Народу на вечеринках всегда было предостаточно, а я особо ничем не выделялся, потому моего отсутствия почти никто не замечал. Шум, гам, громкие разговоры и лёгкий хмель быстро увлекали моих товарищей, и им было уже не до меня.

На следующий день кто-нибудь дружелюбно спрашивал, куда это я пропал среди праздника, да так тихо, что никто не заметил. Они не осознавали, что и замечать-то, собственно, было некому и нечего. А я привычно ссылался то на головную боль, то на неожиданно возникшие дела, продолжая всё так же чувствовать себя чужим среди этих знакомых, приветливых – и таких безучастно-равнодушных людей.

Меня ниоткуда не гнали и никуда особо не звали; со мной не ссорились, не ругались, но и близко не сходились. И это, наверное, было хуже всего.

Мой кособокий клубок не знал, куда ему катиться. Он то начинал двигаться вправо, то вдруг заворачивал влево, то устремлялся вперёд, то вновь откатывался назад. Я не пони-

мал, что мне делать, а мой бедный клубок не представлял, как мне помочь. Но стоило мне закрыть на мгновение глаза, как я явственно видел высоченное, бесконечно манящее аквамаминоное небо, где нарезают круги едва различимые белокрылые голуби...

Продажные впечатления

Макс, наверное, целые три недели готовился к этому трудному разговору.

Он с детства был очень стеснителен и проводил большую часть времени на диване за любимыми книгами, а не в шумных дворовых играх. У крупного Макса был такой смешной и одновременно трогательный вид, будто он давно у всех вместе и у каждого в отдельности взял займы что-то важное, много раз обещал вернуть, но отдать никак не получается, и потому он очень сильно переживает. При общении с людьми эти эмоции отчётливо читались на его краснощёком приветливом лице.

Максу всегда стоило больших трудов кого-то о чём-то просить. Ему было легче самому вынести мусорную корзину и протереть от накопившейся пыли рабочий стол, если это забывала сделать уборщица, чем напомнить неприветливой, молчаливой женщине о её обязанностях. Он готов был подолгу копаться в картах и навигаторах, оказавшись в незнакомом районе города, но только не спросить случайного прохожего, как найти нужное место. И всё из-за того, что не хотел обременять незнакомца своими проблемами. Макс был патологически застенчив. Особенно остро это проявлялось в кульминационный момент важной беседы: его массивное тело как будто обмякало, словно где-то в теле Макса под

настойчивым давлением аргументов оппонента открывался невидимый клапан, и через это отверстие неотвратимо вытекали воля и сопротивляемость. Макс сдувался проколотым воздушным шариком и покорно соглашался с доводами противоположной стороны. Нет, вовсе не из робости: он просто не хотел доставлять людям неудобств и тратить впустую их драгоценное время.

Однако неприятная встреча с домовладельцем прошла для него обескураживающе легко.

На этом разговоре уже очень давно настаивала всё для себя решившая Анна. Как опытный играющий наставник, она каждый вечер проводила с вяло сопротивляющимся Максом тренировочные беседы.

Начало встречи было ознаменовано обычным Максовым пятиминутным сбивчивым мямлением. С большим трудом из него угадывалась суть. Состояла она в том, что Макс с женой Анной уже семь лет живут в этих апартаментах. Они всегда вовремя вносят арендную плату, а также исправно оплачивают дополнительные надобности. Если потребуется, у них есть необходимые подтверждающие бумаги. Макс с женой никогда не нарушали законов и вообще, крайне благопристойные граждане. Оба уже много лет имеют постоянную работу, а следовательно – и это главное, – они весьма надёжные и кредитоспособные постояльцы.

Дойдя до этого места, Макс громко выдохнул. Он полез было в карман за носовым платком, чтобы вытереть высту-

пивший на лбу пот, но решил, что прямо посреди разговора это будет неуместно, и с трудом продолжил отрепетированную речь.

– Ввиду всего изложенного, – выговорив очередной канцеляризм, Макс опять на секунду остановился, чтобы перевести дыхание. От волнения ему не хватало кислорода, – не согласится ли уважаемый господин Рант, – Макс снова взял паузу и откашлялся, – продать им это скромное жильё в расрочку?

В просторном кабинете повисла тишина, прерываемая лишь сбивчивым дыханием грузного посетителя.

– Если, конечно, это вообще возможно, допустимо, ну и... – тут Макс окончательно замялся. Заученное почти наизусть продолжение беседы некстати выскочило из головы. Он смущённо погрузил взгляд в тяжелые тёмно-коричневые портьеры, обрамляющие окна кабинета.

Домовитая Анна уже давно донимала Макса настойчивыми разговорами: дескать, пора бы наконец обзавестись собственным жильём, хватит арендовать чужие обшарпанные квартиры. С возрастом ей всё больше хотелось своей личной крыши над головой.

– Мы снимаем жалкие углы, переезжаем с места на места уже больше четверти века, – обращалась Анна к притихшему мужу. – Вдумайся только, двадцать с лишним лет мы, как дикие кочевники или безродные цыгане, не можем достойно устроиться, – в очередной раз укоряла она его.

Бесконфликтный Макс обыкновенно отмалчивался. Он прятал глаза в книгу, иногда робко сопротивлялся, но против мощного Аннинного натиска ему устоять было трудно.

– Мы тратим сумасшедшие деньги на всё повышающуюся аренду, хотя могли бы пустить эти средства на обустройство нашего собственного мирка. Ведь за своим ухаживать куда приятнее, – Анна продолжала наступление, делая особое ударение на слове «своим». Она так любила домашний уют! Подтверждением тому была скопившаяся в шкафах обширная коллекция всевозможных занавесочек, аляповатых скатертей, причудливых ваз и статуэток. На подоконниках стояли многочисленные растения в горшках разнообразной формы и размеров. Занавески и тюль, сменяемые Анной каждый понедельник, непременно сочетались по цветовой гамме со скатертью на обеденном столе и кухонным фартуком.

Домашним делам она стала уделять гораздо больше времени и внимания после того, как их единственный сын вырос и, окончив престижный университет, покинул родительский кров. Хорошо подготовленный специалист, он нашёл перспективную работу в другой части света, на далёких вечнозелёных островах. Там он прекрасно обосновался и лишь изредка писал, явно не собираясь возвращаться к родимым северным пейзажам. Полунищенского быта он очень стеснялся всё детство и юность.

А Анна страдала. Ей не хватало её маленького мальчика. Всю нарастающую энергию она пыталась перенести на

облагораживание домашнего очага, но разве могла она полностью реализоваться в чужом углу?! Анне нужны были её – и только её – двери, чтобы она смогла их украсить, её стены, чтобы их можно было по своему вкусу расписать, её окна, чтобы сделать на них модное напыление, – и так далее, не исключая пола и потолка. Декор стал её страстью, заменил ей ослабшую с годами связь с сыном, да и, что уж скрывать, с мужем.

Мысль о собственном гнезде не давала Анне покоя уже давно, а в последнее время превратилась в навязчивую идею. О чём бы ни шла речь – в компании знакомых ли или в новостях по телевизору, – женщина всё сводила к жилищному вопросу. Даже негативные известия она как-то умудрялась комментировать исключительно с этой точки зрения. Передали, что в Азии мощное землетрясение превратило в руины массу строений? Слава богу, у них хоть было что рушить. В Америке ураган нанёс жителям южных штатов серьёзный урон? Им повезло, у них было что ломать. В Японии отметились чудовищными последствиями разрушительное цунами? Что ж, у людей было что смывать.

Анна не упускала любого маломальского случая напомнить мягкотелому Максиму, что у них до сих пор нет собственной крыши над головой, в отличие от всех её подружек и знакомых. Макс пытался оправдываться, приводил доводы в пользу того, что иметь своё жильё нередко бывает обременительно. Многие его друзья и сослуживцы, замечал он,

пользуются арендованными квартирами, и это не мешает им быть вполне счастливыми людьми.

Анна, как опытный фехтовальщик, тут же парировала, что половина его так называемых «друганов» – самовлюблённые эгоисты. Они привыкли тратить деньги только на собственные пузатые от пива персоны и не хотят брать на себя семейные заботы. Они – отпетые холостяки и специально не покупают квартиры, чтобы не обнадёживать своих подружек, которым годами морочат головы.

– А вторая половина моих товарищей, должно быть, хорошая? – наивно вопрошал Макс, глядя поверх книги на раздражённую Анну.

– А вторая половина – разведённые негодяи, которые скрывают свои реальные доходы от бывших жён и потому квартируют по таким же жалким лачугам, как и наша, – злобно завершала обвинительную речь Анна.

Так изо дня в день она осаждала Макса аргументами в пользу собственного жилья. И наконец ей удалось подвигнуть его на разговор с домовладельцем. Сам Макс, скромняга и тихоня, конечно, никогда бы на это не пошёл.

Странно, но жадный до денег домовладелец согласился на неожиданное предложение Макса почти мгновенно. От такого поворота событий Макс сильно растерялся. Он-то ожидал от старого скупердя отказа, а то и в резкой форме – старик не особенно стеснялся в выражениях. На случай согласия плана действий у Макса заготовлено не было. Склонный

к пораженческим настроениям, он заранее нарисовал у себя в голове совсем другой финал их разговора: «Ничем не могу помочь... Обсудим в следующий раз... В дальнейшем всё может быть... Всего наилучшего...» Ну, что-то в этом роде, когда обе стороны прекрасно знают, что дело ничем не закончится, но всё равно играют предписанные роли, натянуто улыбаясь друг другу.

А главное, если говорить откровенно, ленивому Максиму всё не хотелось резко менять привычный образ жизни, влезать в долги, беспокоиться о банковских процентах, заполнять тонны и тонны официальных бумаг...

Осознав, что его предложение встречено положительно, Макс попытался пойти ва-банк. Он решил выдвинуть хозяйину условия явно неприемлемые, на которые старый сквалыга никак не смог бы согласиться ввиду его всем известной патологической жадности. Анне же преподнести отрицательный ответ как результат неравного проигранного, но героического боя, в котором он самоотверженно сражался за семейное благополучие и бюджет.

К ещё пушшему изумлению оторопевшего Макса, хозяин легко согласился на пятипроцентную скидку от озвученной цены, на трёхмесячную отсрочку первого платежа, на уменьшенный первоначальный взнос и пятилетнюю рассрочку выплат при условии гарантий надёжного банка.

Совершенно ошарашенный происходящим, Макс молчал. Сухопарый владелец недвижимости истолковал это молча-

ние как успешное окончание переговоров – он ведь принял все условия, которые выдвинул грузный краснощёкий квартирант. Тут же позвонив по нескольким адресам, бодрый домовладелец сообщил о предстоящей сделке и вызвал прямо сейчас нотариуса и банковского клерка. Тяжело дышащий Макс не верил глазам и ушам. Происходило что-то экстраординарное. На какой-то миг он засомневался, уж не сон ли это, и легонько пощипал себя за запястья. Впервые в жизни он даже не успел по-настоящему застесняться, залиться пунцовой краской во время разговора!

Так всего лишь за два с половиной часа Макс и Анна стали обладателями собственного жилья на невероятно дерзких и выгодных условиях.

...Наслаждаться приобретением им пришлось недолго. Примерно через полгода после подписания договора грянул жесточайший кризис. К этому моменту Макс только что выплатил первоначальный взнос – половину стоимости квартиры. Естественно, были закрыты все накопительные и пенсионные счета и потрачены остатки наличных денег. На оставшуюся половину они взяли кредит в банке, заложив приобретаемую недвижимость.

Анна довольно быстро лишилась работы. Максимум существенно сократили жалованье и часть социального пакета. Платить проценты по кредиту месяц за месяцем становилось всё тяжелее. О продаже квартиры не могло быть и речи: цены на недвижимость, особенно малогабаритную и малопре-

стижную, упали более чем в два раза. Ушлый хозяин, видимо, заранее знавший что-то о финансовом катаклизме, успел распродать большую часть своих владений и теперь планомерно выкупал их обратно с большим дисконтом у наиболее нуждающихся граждан.

С большим трудом, пойдя даже на подлог, новоиспечённые собственники взяли ещё один кредит – естественно, уже в другом банке и на грабительских условиях. Надо ведь было каким-то образом выплачивать проценты и гасить потихоньку основной долг! Решение далось нелегко, но иначе банк грозился забрать квартиру за долги и попросту выставить их на улицу. Они робко надеялись на то, что ситуация на финансовых рынках в ближайшем будущем улучшится, Макс снова повысят жалование, а Анна сможет найти работу. А во что ещё им оставалось верить? На письмо с просьбой о денежном вспоможении, посланное в отчаянье сыну, пришёл неутешительный ответ. Сын писал, что сам сейчас находится в затруднительном положении, выплачивая кредит за новую квартиру и машину, кризис же разразился не только в их стране, а идёт уверенной поступью по всему миру, и поэтому свободных средств у него нет и не предвидится. Больше помощи просить было не у кого.

...Нацепив очки в старомодной оправе и перелистывая по очереди фотоальбомы из обширного семейного архива, Анна подолгу задерживалась над каждым разворотом. В молодости Макс увлекался фотографией и документировал очень

подробно всю их семейную жизнь. Целый шкаф был заставлен пронумерованными, аккуратно подписанными фолиантами.

... – Хотите продать ваши воспоминания? – невозмутимый услужливый клерк, словно заправский психолог, повторил в вопросительной форме последние слова её тихо произнесённой фразы и посмотрел на сжавшуюся Анну маленькими бесцветными глазками.

Смущённая Анна, комкая в руках перчатки, молча кивнула головой: повторять позорное, как ей казалось, предложение вслух ей совершенно не хотелось.

– Что ж, это вполне возможно, – продолжил служащий и стал перебирать на столе какие-то бумаги. – В последние годы в связи с быстрым развитием технологий качество передачи стало почти совершенным, без помех и искажений. Появилась даже некая мода на чужие воспоминания. Те, кто может себе это позволить, – клерк несколько замялся, подбирая выражение, – создают под конец жизни целые галереи, включая в них события, каких им не хватило за время быстротечного земного существования. Так сказать, для полноты картины, – служащий лёгким движением расстегнул пиджак, оторвался от бумаг и ещё раз внимательно посмотрел на Анну. Потупившись, женщина убрала в карман пальто надоевшие перчатки и, сцепив руки, по-прежнему молчала.

– Прочитайте, пожалуйста, наш контракт. Он составлен грамотными юристами и учитывает все тонкости возмож-

ной сделки, – работник услужливо предложил ей присесть и протянул несколько листов машинописного текста. Анна послушно села в глубокое мягкое кресло и, поставив на журнальный столик сумку, пробежала по мельтешащим строкам глазами. Вчитываться в смысл не получалось. В знак того, что она ознакомилась с содержанием текста, Анна вновь подняла взор на человека, сидящего за столом напротив. Какой же у него неприятный, самодовольный вид!

– Хочу вас сразу предупредить, что воспоминания типа «Мой первый секс», «Невероятный прыжок с тарзанки» и «Полёт на сверхзвуковом истребителе» мы сейчас временно не принимаем, – клерк взял внушительную паузу, видимо, для того, чтобы Анна обдумала его слова, но, не почувствовав ответной реакции, возобновил монолог.

– В этих областях предложение непропорционально опережает спрос. Все хотят поделиться опытом первого секса, чтобы приобрести последний, хи-хи, – неудачно сострил служащий и изобразил на лице подобие натянутой улыбки. Насупленная Анна продолжала стоически молчать.

– Сексуальные переживания идут наравне с военным опытом, словно это одно и то же, – ещё раз попытался разрядить атмосферу клерк, но, видя, что Анна явно не расположена к его тонкому юмору, вернулся к сути.

– Ознакомьтесь, будьте так любезны, с нашими текущими ценами, – елеиным голосом пропел он и передал Анне прейскурант в черной кожаной папке, словно это было меню

дорогого ресторана и ей предстояло выбрать блюдо к обеду.

Анна вынула из сумки очечник, тщательно протёрла салфеткой стёкла, надела очки и стала водить длинным тонким пальцем туда-сюда по прайс-листу, неслышно шевеля губами. Оценив заторможенность клиентки, опытный служащий положил перед ней внушительного размера калькулятор. Анна автоматическим движением взяла его в руки и стала складывать, обнулять и снова складывать заинтересовавшие её цифры. Картина получалась неутешительная. Чтобы закрыть хотя бы один из двух, меньший, кредит, ей придётся пожертвовать как минимум воспоминаниями о романтическом знакомстве, медовом месяце и рождении единственного сына.

Что же останется ей? Что она унесёт с собой, когда станет её неотвратимый час? Воспоминания о серых буднях. Восьмичасовой рабочий день с коротким обеденным перерывом и утомительная дорога в душной, пыльной подземке. Поникший Макс, который день ото дня и так постепенно обесцвечивается, а с продажей самых светлых воспоминаний будет окончательно вытравлен из её жизни. Что останется?

Задумавшись, Анна бросила на стол прејскурант, резким движением сняла очки и откинулась на спинку кресла. Её грудь резко вздымалась и опускалась. Воздуха не хватало. Анна расстегнула пальто и стянула с шеи платок.

– Предупреждаю вас, – продолжил вкрадчивым голосом плосколицый клерк, – если вы решитесь и подпишете с на-

шей уважаемой фирмой контракт, нам ещё нужно будет некоторое время, чтобы привести ваши воспоминания в подобающий вид. Провести, так сказать предпродажную подготовку! И самое главное, предстоит найти на них достойного покупателя. В условиях затянувшегося кризиса это будет совсем не так легко, как может показаться с первого взгляда, – отчеканил заученную, видимо, фразу менеджер и противно причмокнул крупными, лоснящимися губами. Анне стало неприятно, она даже ощутила брезгливость. Захотелось немедленно выйти в туалет и тщательно вымыть руки, словно она в чём-то испачкалась.

...Малюсенькая квартира под самой крышей была заложена. Загородного дома супруги не приобрели. Машины у них не имелось, оба всю жизнь добирались до работы общественным транспортом, объясняя это себе и другим, что так быстрее, проблемнее и безопаснее. У скромной Анны никогда не было бриллиантов, дорогих коле и прочих драгоценностей. Мебель в квартире и вещи не представляли никакой коммерческой ценности, возможно, даже для старьевщика, который всё чаще стал появляться в их районе. Всё, что они смогли нажить за долгую совместную жизнь, – это только их воспоминания. Сентиментальный Макс часто говорил:

– Ничего страшного, что мы не миллионеры и не олигархи, ведь банковский сейф не пойдёт за нами на кладбище. Зато мы богаты нашими воспоминаниями. Их у нас очень много, и никто их у нас не отберёт, как может случиться с

деньгами. Они останутся с нами до самого конца.

...После потери работы Анне стало нечего делать. Она за-сучала. Домашних обязанностей в крошечной квартире бы-ло совсем мало. Уборка занимала буквально несколько ми-нут. Да в помещении никто особенно-то и не мусорил. Ти-хоня Макс приходил поздно вечером с работы, переодевал-ся, ел, смотрел телевизор, спал. Утром, стараясь как можно меньше шуметь, опять уходил на службу. Гости не бывали у них с тех давних пор, как они переехали в этот отдалённый спальный район и поселились на верхнем этаже без лифта. Даже тем, кто решался на длительную поездку и добирал-ся до дальнего квартала за рекой, было трудно подниматься пешком на шестой этаж по довольно крутой лестнице. При-ятели Анны и Макса находились не в лучшей спортивной форме: возраст уже не тот, чтобы штурмовать горные вер-шины и последние этажи.

Сначала практичная Анна в целях экономии воды пере-стала принимать ванну, потом стала реже стирать бельё, а затем бросила поливать цветы в горшках, которые занимали все подоконники. Вскоре она и вовсе отдала своих «зелёных домочадцев», как она их ласково называла, хозяину малень-кого кафе на углу соседней улицы. В магазин она теперь вы-биралась редко. Покупать продукты каждый день было не на что. Настряпню уходило тоже немного времени. На разносо-лы и изыски не хватало средств, да и, положа руку на сердце, откуда взять настроение их готовить? А испечь блины или

пожарить картошку – дело дешёвое, привычное и практически сиюминутное.

Большую часть похожих, словно однойцовые близнецы, дней погрузневшая Анна проводила перед экраном телевизора. К «ящику» она пристрастилась от нечего делать. Теперь женщина знала содержание всех сериалов, которые шли по центральным и второстепенным каналам. Она даже успевала смотреть параллельно два сериала, ловко переключаясь с одного канала на другой во время рекламы.

А если сериал был только один, на время рекламы Анна удалялась, чтобы не раздражали преувеличенно радостные люди с белозубыми улыбками, предлагающие приобрести тот или иной супертовар по супервыгодной цене. Делала звук потише, но не слишком, чтобы не пропустить продолжение серии, и шла на кухню протереть лишний раз пыль или просто переставить с места на место посуду.

В этот злосчастный раз уставшая Анна осталась у телевизора совершенно случайно. Ей просто было лень вставать, а в коридоре и на кухне всё было десять раз вытерто и протёрто, вымыто и перемыто.

Во время рекламного блока на экране появились лазурное небо, аквамариновое прозрачное море, белый песок и высокие, слегка качающиеся пальмы. В общем, привычный штамп, символизирующий атрибуты беззаботной райской жизни на земле.

– Всё, что ты сможешь унести с собой из этой жизни, –

это только впечатления, – проникновенно вещал мягкий голос за кадром. Своим бархатным тембром он был призван пробуждать доверие слушателей. – Если тебе не хватило положительных впечатлений, не переживай, а лучше купи их на sale3000.com.

Этот короткий, совершенно случайно увиденный рекламный ролик стал переломной точкой в жизни потерявшей ориентир Анны. Она поняла, как можно выбраться из сложившейся безвыходной ситуации.

... Чем хуже шли дела на службе, тем раньше Макс возвращался домой и тем больше и дольше предавался воспоминаниям. Он мог целыми вечерами сидеть у Анны за спиной и, пока она просматривала ежевечернюю порцию сериалов, постоянно фонил ностальгией с дивана. Удручённый теперешним состоянием дел, Макс вызывал к жизни милые его сердцу картинки давно минувших дней.

Он помнил всё, до самых крошечных мелочей. Как, где и при каких обстоятельствах они познакомились. Какая тогда стояла погода, какое было время суток, что они пили, ели и о чём болтали в углу кафе в кривом переулке в центре города. Он помнил, во что была одета Анна, когда он её впервые пригласил в театр. Макс был самым совершенным в мире несгораемым сейфом воспоминаний.

Сначала Анна не обращала внимания на его бесконечный бубнёж, старалась игнорировать изливаемый Максом ностальгический поток. Но муж становился всё более слово-

охотливым. Его плаксивая многоречивость раздражала, без надобности напоминала о лучших, безвозвратно ушедших временах, наконец, мешала смотреть нескончаемые фильмы. Анна придвигалась ближе к телевизору, делала звук громче, но на погружённого в воспоминания Макса это не действовало. Иногда Анна выходила из себя и раздражённо «затыкала» его, чтобы не пропустить очередной поворот сюжета. От пронзительного окрика Макс замолкал на несколько минут. Но потом входил в привычный транс, начиная опять с неизменной фразы: – А вот помнишь...

Анна сдерживала себя всё реже и реже. Особенно её выводили из себя изречения типа: «А помнишь, как было хорошо?», «А ведь и правда очень здорово было раньше!», «Вот были золотые деньки», – и так далее и тому подобное. Закипающей Анне всё больше хотелось бросить Максиму в лицо, что да, правда, было время золотое, и она очень даже в курсе, что стало теперь. Но раньше он, Макс, бегал, старался, брался за дело вновь и вновь, если у него что-то не получалось с первого раза. А теперь сидит сиднем за её спиной на диване и пускает пузыри по поводу давно ушедших времён. На язык просились злые фразы, словно хлёсткие пощёчины. Она хотела ему втолковать, что именно он сам во всём виноват. «Вставай, действуй, ведь ты же мужчина, оторви наконец-то свой толстый зад от протёртого дивана», – во внутренних диалогах с ещё больше погруженным в последнее время Максом Анна уже не стеснялась в выражениях.

Она пару раз резко разворачивалась к медитирующему Максу, когда его нытьё становилось совсем нестерпимым, и готова была произнести грубость, лишь бы он замолчал, но видя детское, беззащитное выражение на лице мужа, его пухлые листающие фотоальбом руки, осекалась и произносила скороговоркой: – Да, да, конечно, помню, – и тут же отворачивалась.

В итоге Анна нашла удобную форму сосуществования с мужем. Ведь, собственно говоря, Максу не требовался собеседник. Он чувствовал себя в приятных воспоминаниях как рыба в воде, стал своего рода подобием Ихтиандра. На службе он смотрел на часы, отмеряя, сколько осталось времени до того момента, как он снова погрузится в свой аквариум воспоминаний. Рассеянный и забывчивый в обычной жизни, в потоке прошлого он плавал с необычайной ловкостью, был наблюдателен, хваток и безукоризнен.

...После ожидаемого, но всё же заставшего её врасплох звонка из агентства растерянная Анна полдня просидела за столом, машинально листая семейные фотоальбомы. Она разглядывала изученные до мельчайших подробностей снимки, зачем-то медленно гладила их дрожащими ладонями, проводила по краю давно не крашеным ногтем, словно испытывала матовую поверхность на прочность.

Анна отлично осознавала, что если решится, то всё это фотохозяйство, все эти пёстрые прямоугольнички и специально состаренные под сепию бледно-коричневые снимки не

будут уже для неё ничего значить. Ровным счётом ничего. Всего лишь отвлечённые картинки, портреты, пейзажи. Просто картинки, ничего более. Чаша весов колебалась, по очереди перевешивала то одна, то другая.

– Что толку в этой запылённой коллекции, если ты не можешь позволить себе элементарный маникюр и уже бог знает сколько времени не посещала парикмахера, – вопил внутренний голос Анны, которому она за время бесконечных диалогов с самой собой даже дала имя Ан, сокращённое от собственного.

– Ан, а что останется у меня, если я навсегда расстанусь с памятью, – в сомнениях вопрошала себя мятущаяся Анна.

– У тебя по крайней мере останется эта квартира, которую, не ровён час, отберёт за долги равнодушный к твоим метаниям банк. Ты же сама давала согласие на подписание обоих кредитных договоров. Сейчас вы не в силах платить даже проценты. Понимаешь ты, даже проценты! Где ты будешь жить, когда останешься без этого жалкого угла? Под ближайшим забором? Оттуда несчастных горемык гоняет лишённая сантиментов полиция. На местном вокзале? Охрана давно не пускает бомжей в залы ожидания. Анна, очнись, приди в себя и посмотри реально на сложившуюся ситуацию! – надрывался внутренний голос.

– А о чём же я буду говорить с Максом, что останется у нас общего? – пугалась грядущих перемен потерянная Анна.

– А о чём вы сейчас говорите долгими совместными вече-

рами? Ну, вспомни, признайся хотя бы себе самой, смелее! Что молчишь? Нечего ответить? Правильно, потому что ни о чём вы не беседуете, – ехидничало подсознание, – ни о чём, ни о чём, ни о чём, и ты это прекрасно знаешь, просто боишься посмотреть неприятной правде в глаза. Ты за последнее время, милочка моя, – внутреннего собеседника теперь было не остановить, – привыкла, как страус, прятать голову в песок и уходить от решения проблем, словно они исчезнут сами собой, если ты не станешь их замечать. Ваше так называемое общение – это монотонные монологи Макса за твоей худой, сутулой спиной. Твоё в них участие – редкие междометия в знак согласия. Ты могла бы обойтись и без них, а только регулярно поднимала табличку с надписью «да», и всех бы это устроило. Тебе не пришлось бы лишний раз раскрывать рот и отрываться от очередного сериала. А он бы с упоением продолжал кругосветное путешествие по волнам своей памяти.

– Это не так, – вяло сопротивлялась пришибленная обвинениями Анна.

– Что не так-то? – иронизировал внутренний голос. – Ты вспомни, дорогуша, когда за последние несколько лет ты говорила с распластавшимся на диване Максом о чём-нибудь, кроме прогноза погоды на ближайшие дни, хорошо ли он добрался до службы и что будет есть на ужин, тосты или блины.

Подавленная Анна мрачно молчала.

– Вы «спокойной ночи»-то перестали друг другу желать,

потому что ночи у вас обоих последние годы всегда беспокойные. Раскисший Макс абсолютно ни на что уже не способен. Он не может принять решение в сложной ситуации. И именно поэтому всё глубже и глубже, набрав в лёгкие побольше воздуха, ныряет в глубины своих радужных воспоминаний.

Припёртая с стене Анна не отвечала. Но ответа от неё и не ждали.

– Ты же чувствуешь, что он сейчас практически недееспособен, но всё равно пытаешься его зацепить, подтолкнуть, чтобы он наконец зашевелился. С таким же успехом ты могла бы толкать плечом гору. А Макс чувствует твоё раздражение. Но ему комфортно в его океанах памяти, понимаешь ты, дурёха, очень комфортно! Он слишком глубоко заплыл, над ним тонны и тонны воспоминаний. Он всё реже и всё на меньший срок появляется на суше. Его страшит твоё желание что-то изменить. Ты же прекрасно понимаешь, что он не хочет ничего менять, и от этого раздражаешься ещё больше, – внутренний голос был очень убедителен. Но он ещё не закончил, а, переведя дух, продолжил: – Макс, как загнанное в угол раненое животное, остро чувствует опасность. Он видит твоё недовольство и ускользает от него в воспоминания ещё глубже. Он действительно не знает, чем он может помочь своей семье. Он чувствует себя жертвой, на которую охотятся, и поэтому его задача – спрятаться как можно надёжнее.

Так вы и ворочаетесь с боку на бок до самого утра. А утром невыспавшийся, плохо отдохнувший Макс покидает дом ещё до того, как прозвонит будильник. Он крадётся, словно вор, случайно попавший не в ту квартиру. Он боится разбудить тебя, чтобы ты не задала ему никаких вопросов о планах на будущее, – внутренний голос был наблюдателем, правдив и безапелляционен в своих суждениях.

... – Как, ну как ты могла так поступить? – раскрасневшийся Макс был в бешенстве. Анна видела его таким впервые в жизни. Даже в молодости, во время кратковременных приступов ревности и редких ссор, флегматичный Макс никогда не выходил из себя, был само спокойствие и благоразумие.

– Что ты натворила? Ты хотя бы понимаешь последствия, отдаёшь себе отчёт? – корпулентный Макс метался по комнате, громко шаркая клетчатыми тапками, так что складывалось впечатление, будто он занял своим мягким телом всё свободное пространство.

– Спасла от гибели наше единственное жильё, возможно, всю нашу жизнь, – блеклым голосом ответила потухшая Анна, которой надоело оправдываться. – Это, кажется, ты не отдаёшь себе отчёт, что нас действительно могли выставить на улицу.

– Ты что, действительно продала все воспоминания о нашей свадьбе?! – обезумевший Макс не унимался. Он ходил по кухне из угла в угол и размахивал руками.

– У тебя что, правда не осталось ничего святого в жизни? – возмущённый до предела Макс как-то по-бабьи вскинул руки и задел стоящую на полке большую пивную кружку. Массивная, фигуристая кружка накренилась и, соскочив вниз, разбилась вдребезги. Ошарашенный неожиданным погромом, Макс некоторое время взирал на разлетевшиеся по полу осколки.

– Может, ты и воспоминания о сыне загнала за эти проклятые «бабки», будь они прокляты? – вдруг ужаснулся он и воззрился на Анну выпученными глазами.

Макс попал в самую точку.

На прошлой неделе Анне позвонили из агентства. Девушка-секретарь звонким голосом сообщила, как она выразилась, «очень-очень приятную новость». Она сказала, что нашёлся чудесный клиент, готовый купить все воспоминания оптом, причём по весьма выгодной цене.

Анна угрюмо молчала, медленно мешая ложечкой в чашке давно остывший чай. Макс хотел ещё что-то сказать, но только потряс в воздухе побелевшими, сильно сжатыми, а обычно такими вялыми кулаками. Потом он в сердцах поддал ногой самый большой из осколков, так что тот со звоном ударился в противоположную стену, и, чертыхаясь, вышел.

Анна безмолвно сидела в углу за столом и равнодушно смотрела вслед впервые в жизни разбушевававшемуся тихоне Максиму. Она покидала эту жизнь налегке.

Фрески ресторана

Ресторан мексиканской кухни, хоть и с двухмесячным опозданием, но всё-таки открыли. Успех был просто ошеломительный. Он превзошёл все самые дерзкие ожидания и самые оптимистичные прогнозы.

Жадный до удовольствий народ, чтобы попасть в новоиспечённый ресторан, разве что только не писал номерки на руках и не устраивал ночных переключек, как в былые годы тотального дефицита и бесконечных очередей.

Спустя четыре сумбурных месяца после удачного открытия было принято логичное в данной ситуации решение: срочно расширяться. Зажиточный обыватель предложенную яркую наживку заглотил, валил на латиноамериканскую кухню, как рыба на нерест, поэтому нельзя было терять ни единой драгоценной минуты.

В срочном порядке, подключив юристов и связи в департаменте имущества, оформили арендные отношения на помещения второго этажа и тут же начали ремонт.

Чтобы не упускать льющуюся полноводной рекой прибыль, существенно сократили проектные работы, точнее, свели их к нулю. Тратить время на рисование картинок, когда внизу толпился жаждающий зрелищ и хлеба, разбогатевший в условиях НЭПа 90-х годов народ, по мнению владельцев, было глупо и расточительно.

Бегло осмотрели имеющиеся наверху комнаты, распределили, где какие залы следует разместить, и сразу приступили к чистовой отделке.

Американский совладелец сам лично позвонил Ольге и пригласил её продолжить плодотворную совместную работу.

Кривляться и отказываться не имело смысла. Предложение было заманчивое, а главное, тема уже проработана до мелочей и тончайших подробностей.

Ольга сразу согласилась, по скромной российской привычке не обсудив причитающийся гонорар. Она была уверена, что хозяин не обманет. Оформление первого этажа нравилось учредителям, производило должное впечатление на публику и запоминалось. В ресторан ходили не только за экзотической кухней и вкусной едой – сюда шли как на выставку или в музей, потому что декор был выполнен богато и красиво, с должной помпой и размахом.

Обслуживали гостей шустрые официанты-кубинцы, студенты Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Их наняли специально для того, чтобы они не только разносили тарелки, но при этом ещё и пританцовывали. Так создавался неповторимый колорит, мексиканская атмосфера непрерывного праздника, что весьма импонировало бойкой и жадной до праздников широкой русской душе.

Вертлявые стройные кубинцы улучали свободное мгновение и забегали на второй этаж посмотреть, как продвигается

работа, а заодно перебраться парой фраз с симпатичными русскими девушками-оформителями и принести им что-нибудь вкусненькое с местной кухни.

Успех оправдывал всё. Если при обустройстве первого этажа хозяин-американец вникал в малейшие тонкости, сутками просматривал вместе с Ольгой толстые каталоги, то теперь, видя рвение и действительно высокий профессионализм дизайнеров, перестал интересоваться мелочами. Его волновала только внешняя аутентичность и минимализация затрат времени и средств на её воплощение.

Интерьеры ресторана делали на одном дыхании. Это было творчество и игра одновременно. Какой простор для фантазии, какие возможности! Не о том ли мечтает любой настоящий мастер? Девушки получали истинное удовольствие от процесса.

Надо было добиться, чтобы клиент чувствовал себя словно в настоящей Мексике, причём достичь этого владелец требовал в кратчайшие сроки.

Исходя из планировки, решили сделать наверху два больших зала и одну приватную комнату для VIP-персон.

Ольга с девчонками-дизайнерами, как всегда, засели за альбомы, выискивая репродукции настенной живописи майя и ацтеков.

Решили один зал оформить как земледельческий, второй – как рыболовный, а третий посвятить охоте.

За основу первого помещения взяли Египетский зал Пуш-

кинского музея. Ходили туда постоянно и перерисовывали интерьеры. Результатом стали изящные фрески с соответствующими мексиканской агрокультуре сюжетами и маски со жгучим южным колоритом.

Во втором зале установили колонны в виде идолов со свечами. Получилось красиво, грандиозно, очень впечатляюще. Зал походил на таинственную пещеру, украшенную наскальными рисунками.

Долго изучали источники, чтобы найти удачные изображения, затем нужно было увеличить их и нанести на стены, подобрать подходящие к интерьеру светильники... Всё оказалось не так просто, дело затягивалось.

Кроме того, как обычно, подводили строители.

На начальном этапе работы многое обсуждали с американцем. Он даже приходил и наблюдал за работой дизайнеров, что-то советовал и подсказывал. Кропотливая Ольга увлечённо рылась в альбомах и энциклопедиях. В общем, первому залу досталось больше всего внимания. Однако размеренному темпу скоро пришёл конец.

По поводу особенностей рыболовства у майя и ацтеков ещё кое-что получилось выяснить. Но надо было срочно ускоряться. Половину фресок и рисунков просто копировали, а тексты по теме читала вслух Наталья, пока девчонки работали.

Когда же стало ясно, что все сроки упущены, строителям дали нагоняй, и они принялись работать в три смены – днём

и ночью. Ольге тоже поставили жёсткие условия, о деталь-ных проработках материала пришлось забыть, времени на выяснение, что означает та или иная картина, какому культу или обряду она посвящена, не осталось. Начались привыч-ные для матушки-России аврал и штурмовщина.

Когда «поплыли» и скорректированные сроки открытия заведения, американец начал заметно нервничать. Теперь он не смотрел на строителей и дизайнеров такими добрыми гла-зами, его уже мало интересовал смысл изображений, кото-рый они в самом начале увлечённо обсуждали с Ольгой. Со-держание отошло на второй, а то и даже на третий или чет-вёртый план, все первые места заняли сроки открытия.

Маленькую приватную комнату делали уже в суперав-ральном порядке, не уделяя особого времени искусствовед-ческим исследованиям, и потому к деталям интерьера отнес-лись без должного внимания.

Нашли репродукции с изображением охотников, которые танцевали у костра в украшенной бахромой одежде. Так мы все с детства привыкли представлять индейцев – по филь-мам, снятым немецкой киностудией «ДЕФА» с сербом Гой-ко Митичем в главных ролях.

Комната была небольшая, и чтобы не изобретать велоси-пед, не тратить даром драгоценное время, разрисовали сце-нами с танцами охотников все четыре стены. Тем более что здесь планировался мясной зал.

Окон в этом помещении не было вообще, стены, кроме

росписей, решили ничем не декорировать, тем более что так легче уложиться в смету и сроки. Получилось красиво, всем понравилось. На стенах огонь, костёр, пляшущие вокруг индейцы в одежде с бахромой в предвкушении удачной охоты и скорой добычи; в центре зала и по периметру столы и стулья из натурального дерева. Словом, все остались довольны.

На открытие пригласили атташе по культуре из посольства Мексики. Тогда мексиканских ресторанов в Москве ещё не было, и дипломат любезно согласился посетить заведение, пропагандирующее древнюю культуру и кухню его страны.

Он восхищался всем. Уделил внимание каждому светильнику и вазе. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, атташе попросил, чтобы ему представили тех специалистов, кто занимался декором. Удовлетворённый американец подозвал покрасневшую Ольгу. Гость прекрасно говорил на русском, и, преодолев охватившее её волнение, Ольга поведала ему, сколь кропотливо работали они над этим проектом.

Продвигаясь по второму этажу, делегация осмотрела зал земледелия и зал рыболовства. Темноглазый дипломат громко и восхищённо говорил и уверял, что не в каждом музее Мексики, и уж тем более Европы, где он служил до этого, можно увидеть одновременно столько предметов быта и прикладного искусства народов майя и ацтеков.

Польщённая Ольга рассказывала, как аккуратно они относились к каждому изображению, как скрупулёзно копировали и точно в пропорции переносили на стены фрески, а вазы,

подсвечники и лампы, которые не могли достать, делали сами, стремясь воссоздать оригинальные формы и расцветки.

Даже вешалки и пепельницы на столах были не абы какие-то там, а выполнены в форме чего-то национального.

– А предназначение обрядов, историю и содержание того, что копировали, вы изучали? – поинтересовался атташе, когда перед ними распахнулась дверь в VIP-комнату.

Обрадованная неподдельным интересом иностранного дипломата к своей скромной персоне, Ольга пустилась в рассказы о том, как они с девушками штудировали энциклопедии и каталоги, разбирались, что и для чего создавалось индейцами.

– Ну а про эти картинки что вы читали? – атташе кивнул на роспись стен мясного зала.

– Про эти... – начала было Ольга и остановилась. – Про эти не успели ничего найти, – честно призналась она. – Уже и мебель пришла, и ресторан почти открывали, когда мы этот зал доделывали. Не оставалось времени на изучение. Искали что-то близкое к теме охоты, – пояснила смущённая дотошными расспросами Ольга.

– Понятно, – кивнул атташе, и что-то злое промелькнуло в его чёрных глазах-бусинках. Он мягко улыбнулся, взял Ольгу под руку и пошёл с ней обратно чуть поодаль от сопровождающих его лиц. «Заигрывает, – решила стоящая среди гостей Наталья, когда маленького роста мексиканец отошёл с Ольгой в сторону и стал что-то шептать ей на ухо. –

Ну почему именно Ольге всегда так везёт!»

«Вошёл в контакт, – подумал американский совладелец ресторана и решил не мешать слегка отдалившейся от делегации парочке. – Маленький, щупленький, а вон какой шустрый. Что ж, пусть поворкуют, для дела лучше будет».

Атташе действительно был невысок, поэтому во время разговора статной Ольге приходилось склонять голову влево, чтобы лучше разобрать слова, произносимые мягким, бархатистым голосом.

– Вас ведь зовут Ольга? – уточнил дипломат. – Разрешите, я буду называть вас по имени.

– Конечно, конечно, – с готовностью ответила польщённая вниманием создательница оригинальных интерьеров.

– Вы наверняка читали, Ольга, что у майя и ацтеков большое значение имели религиозные культы. Можно даже сказать, главенствующее. Отсюда и строительство величественных храмов, и легенды о несметных богатствах, золотых городах.

Но, как вы знаете, кроме храмов и золота, индейцы большое внимание уделяли настенной живописи. Изображали исторические события, битвы, обряды жертвоприношения и всё, что с ними было связано.

Приглашаю вас в Мексику, познакомитесь с культурой нашей древней страны, – неожиданно произнёс атташе.

У Ольги от такого поворота даже пурпурный румянец на щеках выступил, чего с ней не бывало со студенческих вре-

мён.

«Покраснела, – констатировала Наталья, внимательно наблюдая со стороны за подругой и мексиканцем. – Значит, он ей сделал сладкое непристойное предложение, от которого наверняка трудно будет отказаться. Да она и не откажется», – с завистью подумала Наталья, следя за интимным диалогом.

– Хотите узнать историю этих фресок? – вернулся к теме чернявый мексиканец. Его внимательные глаза-пуговицы опять заблестели маслянистым блеском.

– Конечно, хочу, – искренне ответила Ольга. Она действительно в последнее время глубоко погрузилась в историю индейских цивилизаций.

– У индейцев было поверье, что в день равноденствия из преступника можно сделать святого.

– О, как... романтично! – вдохновенно откликнулась Ольга. Она вдруг ощутила, что постепенно подпадает под власть чар смазливой, набриолиненной потомка древних народов.

– Так вот, – невозмутимо продолжал атташе по культуре, пропустив мимо ушей Ольгину восторженную реплику, – в этот день на площадь приводили осуждённых, разделяли их на две команды, и они играли в подобие современного футбола или, скорее, регби. Но не каучуковым мячом, а каменным, и правила позволяли наносить любые повреждения как соперникам, так и партнёрам по команде. Игра продолжалась до тех пор, пока в живых не оставался только один человек.

– Начало довольно жестокое, – хоть и много узнавшая в последнее время о бесчеловечных обрядах индейцев, Ольга всё равно произвольно поморщилась. – Я читала, что ацтеки и майя были кровожадными, но об этом обычае не слышала.

– То ли ещё будет, – интриговал мексиканец.

– Оставшегося в живых везунчика и возводили в ранг святого, я правильно понимаю? – попыталась перевести тему Ольга.

– Да, вы полностью правы, – с готовностью подтвердил дипломат. – Именно этот человек в день равноденствия и становился святым. Только вот вряд ли его можно назвать везунчиком, как вы изволили выразиться, – мексиканец криво улыбнулся и едва слышно хмыкнул. Ольга не поняла смысла его фразы, но что-то подсказало ей, что вопросов лучше больше не задавать.

Тон разговора между тем изменился, речь дипломата стала высокомерной и нравоучительной.

– Процесс возведения в ранг святого и изображён на картинах, которыми вы так живописно украсили мясной зал этого прелестного ресторана, – вновь зловещие огоньки сверкнули в бездонных глазах атташе. Ольга напряглась, чувствуя подвох, внутри у неё что-то дрогнуло.

– Единственного человека, оставшегося в живых после кровавой бойни, считали, естественно, самым сильным, выносливым, а потому наиболее достойным для принесения в

жертву богам.

Во рту у Ольги стало сухо, она с трудом сглотнула подкативший к горлу комок.

– Победителя в «каменном регби» опаивали настоями дурманящих трав и... – дипломат сделал внушительную театральную паузу, – сдирали с него живьём кожу. Результат запечатлён на фресках. То, что вы приняли за бахрому индейских одеяний, есть не что иное, как лохмотья собственной кожи «везунчика». Ведь так, Ольга, вы его назвали?

Мексиканец закончил экскурс в историю и посмотрел на побелевшую Ольгу орлиным взором.

– Приезжайте в Мексику, познакомитесь поближе с нашей древней культурой, – уже громко, чтобы слышали все присутствующие, произнёс атташе. Потом вновь приблизился к застывшей Ольге и, удовлетворённо улыбнувшись, добавил: – А всем посетителям мясного зала пожелайте от меня лично приятного аппетита.

Дипломат огляделся по сторонам. Рослый, пузатый американский совладелец заведения вполоборота наблюдал за ними и восхищался прытким латиносом, способным за пять минут околдовать девушку и ввести её в состояние, как ему думалось, любовного транса. Ольгины коллеги откровенно завидовали удачливой подруге. По их мнению, она получила от иностранного дипломата заманчивое предложение, да вдобавок ещё и официальное приглашение посетить его заокеанскую родину.

– Ну что, ну как? – наперебой интересовались подруги у подошедшей Ольги приватными подробностями беседы.

– Приятного аппетита, – только и ответила впавшая в про-
страцию Ольга, заморожённо глядя в спину атташе по куль-
туре, который, раскланявшись с принимающей стороной, ва-
ляжной походкой удалялся из ресторана.

Старые связи

Городок был маленький, провинциальный, скорее уездный, чем губернский. Его тщедушная начинка производила жалкое впечатление: покосившиеся деревянные дома, кривые, ухабистые улицы, рябые фонарные столбы, заросли пыльных лопухов и жгучей крапивы вдоль обшарпанных дощатых заборов. Центром местной вселенной служила привокзальная площадь. Именно вокруг неё концентрировалась жиденькая, слабо пульсирующая жизнь. Рядом с массивным красно-жёлтым станционным зданием, словно белые поганки около большого пня, приютились ряды коммерческих палаток. Отсюда же по деревням и сёлам отправлялись рейсовые автобусы – старые, проржавевшие, выдавшие виды пазики.

Нормальной работы в городе последние годы не было. По этой веской причине почти всё мужское население, трудоспособное и не очень, безбожно хлестало любую доступную спиртосодержащую гадость. Выбор профессий в городке и всегда-то был невелик. А после скоропалительного перехода страны на рыночные отношения, когда исчезли привычные государственные заказы и впало в коматозное состояние большинство заводов и фабрик, стало совсем плохо.

Правда, с началом эпохи коммерциализации у тружеников появились два новых пути приложения оставшихся фи-

зических сил и творческих возможностей, чтобы не помешать с голодухи.

Первый, наиболее доступный, состоял в организации розничной торговли. Можно было официально снять небольшую палатку у вокзала, лоток или прилавок на колхозном рынке, а то и просто поставить на перекрёстке столик или два фанерных ящика и пытаться продавать с них всякую всячину. В былые годы это называлось спекуляцией, считалось уголовным деянием и довольно строго каралось законом. Но теперь пришли другие – свободные и демократические – времена, и умение продать второсортную лабуду дороже, чем она стоит на самом деле, получило красивое и многозначительное иностранное название – бизнес.

Второй, более тернистый путь уводил от закона ещё дальше. Никто не понял, откуда и каким образом появились в городке бандиты, однако бритоголовые пацаны очень быстро стали повседневной обыденностью. Раньше, ввиду отсутствия на окрестных просторах достойных объектов для наживы, наглых и накачанных ребят на улицах не встречалось. Худосочная шпана водилась всегда, это правда: по подворотням шарилась, на пустырях собиралась, в тёмных закоулках подвыпивших простофиль поджидала. Но чтобы что-то серьёзное? Ни-ни! Теперь же с первого взгляда узнаваемых субъектов, отличающихся специфической манерой поведения, появилось столько, что поневоле задумаешься: а какова, собственно, область применения их «талантов»?

Конечно, коммерческая деятельность местного масштаба зоной криминальных интересов стать не могла по причине её даже не малозначительности, а, прямо надо сказать, утробно-зачаточного состояния. Поэтому новоявленные «романтики с большой дороги» стали использовать удобное – равноудалённое – расположение городка от областного центра и культурной столицы, в коих и промышляли.

В общем, что касается молодых жителей, то почти все они попадали на местный погост двумя основными дорогами: либо травились вонючим пойлом, купленным задёшево у подпольного бутлегера, либо получали пулю в ночной разборке.

Те же уникамы, кому удавалось избежать обоих вышеописанных путей и с огромными усилиями вырваться в большой мир, в родных местах больше не появлялись. Они старались забыть своё провинциальное прошлое как дурной сон, чурались даже упоминания о нём. На малой родине о них мало что слышали, и их бранных останков местное кладбище не достаивалось.

Для женского населения уезда ситуация была схожая. Жизненная альтернатива выглядела так: либо, поверив в красивую сказку сутенёра, на время покинуть город, либо, стиснув зубы и закрыв глаза, остаться в нём и работать в местной столовке или продмаге.

Самые симпатичные и бойкие, как правило, велись на рассказы об умопомрачительных карьерах путан. Они выбира-

ли первый, как им по неопытности казалось, более простой, путь к обеспеченной и счастливой жизни. Ну а других ждали общепит и городская сфера услуг. Хотя, конечно, то, что предоставляла местная сфера, услугами можно было назвать ну с очень большой натяжкой.

Замызганные столовые и затрапезные кафе не отличались широким ассортиментом, высоким качеством блюд и достойным сервисом. По причине головокружительной инфляции, дороговизны продуктов и отсутствия у местного населения средств к существованию готовили здесь по беззатратному варианту, используя самые дешёвые ингредиенты. Экономили на посуде, на чистящих средствах и даже на простых бумажных салфетках. Про заморские слова типа «интерьер» и «дизайн» в помещениях с сероватой пластиковой мебелью и самодельными деревянными столами, покрытыми липкой клеёнкой, и не слышали.

Так и текла размеренная городская жизнь. Пока мужики ругались, дрались и пили либо пытались в соответствии с собственными понятиями о справедливости поделить чужое имущество, терпеливые женщины готовили, обслуживали, работали путевыми обходчиками и, конечно, рожали детей.

К погосту, как и мужчин, местных уроженок тоже вели две основные дороги. Спившихся, опустившихся наркоманок, после того как они переставали приносить доход, словно отработанный материал, продавцы живого товара выбрасывали на улицу за ненадобностью. После позорного возвра-

щения на малую родину наивные искательницы распутного счастья обычно долго не протягивали. Ну а оставшиеся в городе с утра до ночи вертелись словно белки в колесе: работа, дети, готовка, уборка и всё остальное беспокойное хозяйство, включая приусадебные участки и огороды, держалось на их плечах. Дотянуть до пенсии с такой нагрузкой очень мудрено. Старились и уходили быстро.

* * *

Света, как и все её подруги, росла обыкновенным ребёнком. Вместе с конопатыми соседскими девчонками ходила в двухэтажную школу на соседней улице, играла в классики у подъезда, прыгала через резиночку. Как и все, она мечтала, что когда-нибудь, в одно прекрасное утро, из Золушки превратится в прекрасную принцессу, покинет здешние места и будет жить в большом шикарном замке с любящим принцем. Только на фею-крёстную надежды было мало. В отличие от покровительницы сказочной героини, Светина крёстная, тётя Катя, работала в прачечной вблизи комбината. У неё не имелось волшебных возможностей. Из-за отсутствия сменщиц тётя Катя вечно торчала в пропахшем вонючей химией и грязным бельём сыром помещении, а в «свободное», так сказать, время тянула двоих сыновей, так как помощи от непутёвого мужа давно уже не ждала.

Единственное, что отличало большеглазую Свету от её од-

ноклассников, это явные математически способности. Откуда они взялись у худенькой девочки, у которой в родне никто даже десятилетку не смог закончить, оставалось загадкой. Мать всю жизнь провозилась в заводской столовой с чанами и кастрюлями, исправно снабжая продуктами семью, что, кстати говоря, считала большой удачей. Такую же долю она предусмотрела и для дочери, заранее готовила ей тёплое местечко, тем более что в городе было кулинарное училище. «Дай Бог, окончит, станет поваром, а с такой профессией в любом случае не пропадёшь. Может, и богатства не наживёшь большого, зато и голодной никогда не останешься», – рассуждала она.

Светин отец работал в часовой мастерской у вокзала. Чинил он, правда, по большей части всяческий хлам, который ему с поклонами и мольбами приносили старушки: допотопные утюги, старые зонтики, страшные оправы для очков и прочую бытовую рухлядь. До ремонта часов дело доходило редко, в городе их мало кто носил, отдавали за долги или обменивали на водку. Отец по доброте душевной никому не отказывал, понимал, что нового-то всё равно купить не на что. И хотя руки у него действительно были, как говорят, золотые, пил так же беспробудно, как и все вокруг. Но надо отдать должное: в отличие от соседских мужиков, отец никогда не ругался и не буянил, а тихо заваливался спать, сбросив у кровати покрытые привокзальной пылью ботинки. Поутру он незаметно, выпив лишь один стакан чая, отправлялся в

свою палатку-скворечник площадью в два квадратных метра – опохмеляться с соседями и ожидать очередного заказа.

Светины способности к точным наукам проявились довольно рано. Уже в пятом классе во время контрольных работ она на половине урока откладывала в сторону ручку, закрывала тетрадь, складывала аккуратно на парте руки и принималась безмятежно смотреть в окно. Лидия Яковлевна сначала с недоверием относилась к такой поспешности. Опытная учительница просила Свету принести ей на проверку тетрадь, чтобы указать на ошибки и осадить зарвавшуюся ученицу. Но такого случая преподавательнице ни разу не представилось, и после очередной проверки Лидия Яковлевна поняла, что девочка действительно одарена талантом. Опытный педагог, она не стала расхваливать Светлану, спокойно отправила её на место, дав дополнительное задание и отметив отдельной пятёркой за прилежание.

В старшей школе Свете доставляло истинное удовольствие решение сложных тригонометрических, логарифмических и прочих уравнений. Это было похоже на поиск выхода из запутанного лабиринта. Чем дольше решаешь и ближе подходишь к ответу, тем светлее становится в петляющем коридоре, пока один из ходов не выведет тебя на желанный свет. И тут наступают радость, ни с чем не сравнимое чувство победы. Эйфория. Света стеснялась признаться подругам, но она действительно получала наслаждение от интегрального и дифференциального исчисления, теории преде-

лов и прочих математических хитростей.

Светланины способности отметили. Во время учёбы в школе она постоянно участвовала в олимпиадах. И хотя выдающихся успехов не достигла, несколько грамот на городском и районном уровне всё же получила, причём не только по математике, но и по физике тоже.

Благодаря успехам в точных науках, по успеваемости ей не было равных во всей параллели. «Наша звезда», – гордо называли её учителя. Такое расположение со стороны педагогического персонала, плюс отличные отметки, внесли диссонанс в отношения Светы с одноклассниками. Конечно, ей завидовали. И если в младших классах сидевший с ней за одной партой тихий троечник Вася пытался всего лишь исподтишка толкнуть её локтем, то в старшей школе всё стало значительно сложнее.

Когда большинство ребят, а за ними и многие девчонки, начали покуривать и пробовать спиртное, Светлана спокойно, но твёрдо отказывалась от настойчивых «дружеских» предложений приобщиться к запретному удовольствию. Ей довольно долгое время удавалось избегать искушений и при этом не ссориться с одноклассниками. Личные способности и уважение учителей здесь были совершенно ни при чём. Просто на хорошенькую Светку положил глаз Володька из десятого «Б» по прозвищу Седой. Вовка отличался абсолютно белыми волосами, за что, собственно, и получил свою кликуху. Ну а авторитет среди дворовой шпаны был зарабо-

тан им за соответствующие многочисленные «подвиги».

О его равнодушном отношении к Свете знала вся школа. И хотя сама Светлана особой взаимности к Седому не проявляла, она всё равно попала под его покровительство, и никто не смел её даже пальцем тронуть.

После восьмого класса большинство ребят разошлось по ПТУ и техникумам, и из трёх восьмых сделали один девятый класс. В школе остались в основном те, кто так или иначе собирался продолжать учёбу и поступать во втузы и вузы. Теперь Света не выглядела такой уж белой вороной на фоне одноклассников.

В тот же год её покровителя Володьку вместе с пятью подельниками осудили за ограбление ювелирного магазина. Компания была хулиганистая, но до поры до времени ни на чём серьёзном ребята не попадались. А тут во время очередной попойки кому-то пришла в голову дурная мысль показать своё удалство и решимость. В обеденный перерыв они залезли на второй этаж ювелирного магазина, разбили витринное стекло, похватали кто что мог и разбежались. Расплата за идиотский поступок не заставила себя ждать. Всех взяли в ближайшие два дня. На суде никто из них так и не смог толком объяснить, зачем же они среди бела дня на виду у всего города полезли грабить ювелирку.

Так или иначе, Света больше никогда не видела своего первого ухажёра, с которым не обнималась, не целовалась и даже ни разу не гуляла. Такая вот платоническая любовь на-

стоящего хулигана.

Мама очень хотела, чтобы Света, как и её круглолицая подруга Галя, пошла в кулинарное училище. Но учителя настояли, чтобы талантливой девочке дали возможность закончить десятилетку. Педагоги смогли убедить мать, что у Светланы действительно выдающиеся способности и нельзя губить такой дар в холодном цеху заводской столовой. Мама ещё некоторое время ворчала: куда, мол, потом с таким талантом идти-то? Интегралами, что ли, торговать? А тут тебе и еда, и профессия, и возможность обеспечить будущую семью продуктами. Спротивлялась она до тех пор, пока однажды вечно молчавший отец не стукнул кулаком по столу, впервые в жизни повысив в подпитии голос. Он безапелляционно заявил, что его дочь обязательно должна идти учиться, а денег он и сам заработает, не безрукий пока, мол.

Так в итоге Света попала в Ленинградский политехнический институт на математический факультет.

...Жизнь в Ленинграде была совсем не похожа на существование в маленьком провинциальном городке.

За все школьные годы Светлана раза два выезжала на экскурсии, да и то в младших классах, поэтому не совсем представляла себе, каковы студенческие будни в одном из самых больших мегаполисов страны...

Она была, что называется, настоящей русской красавицей: с довольно длинной (хоть и не модной уже) косой, с большими синими глазищами и ярким румянцем. На щеках при

улыбке появлялись симпатичные ямочки.

Денег из дома ей никогда не присылали, да она на это и не рассчитывала. С отцом случилось несчастье. Он, чиня электрическую мясорубку, отрезал себе на руке палец и теперь сидел на жалком пособии по инвалидности...

Первый раз ей предложила пойти в компанию разбитная Ритка, жившая с ней в одной комнате. Рита была маленькая, шустрая, с черными как смоль волосами и озорными, дразнящими глазами. Училась она не бог весть как, точнее сказать, совсем не училась. Но при этом каждую сессию умудрялась сдавать вовремя и получать за зачёты и экзамены только «хорошо» и «отлично». На изредка посещаемых семинарах и лекциях Рита со скучающим видом отбывала повинность. Зато во всём, что касалось дискотек и нарядов, ей не было равных. Вещи она носила, как из модных журналов. Да и сама, несмотря на малый рост и не слишком выразительные черты, выглядела всегда обворожительно, потому что использовала дорогую иностранную косметику и всякие модные побрякушки.

Конечно, Светлане очень хотелось иметь такую же одежду, какую носила Марго, пользоваться такой же косметикой. Ведь она видела, как вьётся вокруг черноглазой студентки почти вся мужская часть потока... А Маргарита недвусмысленно объяснила, что именно требуется от современной девушки, чтобы исполнить свои маленькие желания.

Что ж, манящие соблазны победили в конце концов при-

родную застенчивость и воспитанную скромность.

Но перешагнуть через себя оказалось не так просто, как уверяла Ритка.

Ни в первый, ни во второй раз у Светланы ничего не получилось. Раздосадованная поведением подружки Маргарита, кстати сказать, отработавшая за неё положенное время, жёстко выговорила поздно ночью заплаканной Светлане, что так дело не пойдёт. Да и в самом деле, что уж тут такого страшного? Как у врача в кабинете: раз и готово...

Получилось всё само собой, когда в компании в один из вечеров появился Олег. Он был не такой, как все, и Светлану сразу потянуло к нему.

Она даже удивилась, что по окончании встречи он дал ей денег...

Вернувшись в общежитие, Света ещё долго не могла переварить произошедшее и полночи прорыдала, уткнувшись в подушку. Обида, унижение – горькие чувства охватили её.

Она пропустила несколько следующих встреч: один раз сказала больной, другой – сослалась на женское недомогание. Наконец опытная, всё понимающая в таких вопросах Ритка прямо сказала: болезни болезнями, а дело надо делать, не то забудут, найдут других, чай не одни такие красивые на деревне, и поминай как звали...

Марго бушевала долго, а потом, немного успокоившись и хлебнув подаренного намедни коньяка, поведала, что Олег каждый раз спрашивает о Светлане и никого, кроме неё,

больше не берёт. Это уж совсем невообразимо, но факт остаётся фактом.

Смешно, но Светлана почувствовала некую гордость и следующим вечером заставила себя поехать с подругой.

...Эти отношения продолжались и два последних курса, и всю Светланину аспирантуру...

Конечно, Светлана не могла быть исключительно девушкой Олега. Он это хорошо понимал и, в общем-то, не возражал. Олег даже сам познакомил Свету со своими друзьями – ввёл, так сказать, в элитный клуб, чтобы она, если уж не может оставаться только его, хотя бы была всё время поблизости. Вот такая получилась извращённая форма любовных отношений, такая философия: мне, мне, мне, а если не мне, то только моим друзьям.

В итоге Света стала коллективной девушкой по вызову. Это устраивало всех. Светлане больше не надо было заботиться о поиске клиентов, мотаться по городу и спать с кем попало. У Олега всегда под рукой находилась проверенная и надёжная, ласковая и прелестная женщина. Света производила на всех мужчин без исключения неизгладимое впечатление – своей русой косой, огромными синими глазами и... очевидным умом. Она отличалась от остальных жриц любви тем, что была хороша не только в постели, но и в беседе за столом.

Как раз в этот период фирма Олега начала активно сотрудничать со скандинавами. Вместе с хлынувшими из-за грани-

цы товарами к ним стали часто наведываться финны, датчане и шведы...

– А почему ты тогда, сразу после нашего знакомства, не брал других девушек? – спросила как-то Света.

– У меня всегда были на тебя далекоидущие планы, – ответил Олег, хитро улыбаясь.

Он был настоящим плейбоем эпохи перестройки: неизменно галантен, улыбчив, одет с иголочки, аккуратен, вежлив. Он пах ароматами экзотической тогда мужской парфюмерии и необычно зачёсывал назад непослушные каштановые волосы...

Светлана дала себе зарок закончить с «подработками» до окончания аспирантуры. Это своё твёрдое намерение она никому не доверяла – ни подружкам «по цеху», с которыми регулярно секретничала, ни даже Ритке. Молчать она решила не потому, что боялась непонимания, – бросить-то вполне искренне хотели все. Просто Светлана опасалась, что её сглазят. Нет уж, лучше о своих планах не распространяться, а когда придёт время, порвать с прошлым, не оставляя никаких следов.

Поэтому когда на одной из конференций она познакомилась с голубоглазым москвичом Вадимом, то никому об этом не рассказала. На вопросы уклончиво отвечала, что всё прошло как всегда: в нудных докладах заумных очкариков-профессоров. Могла бы, мол, и получше провести время – в совершенно другой атмосфере и с более приятными людьми...

Стройный, светловолосый Вадим оказался её ровесником. Он занимался практически теми же научными проблемами, что и Светлана в своей аспирантуре, только не учился, а уже работал аналитиком в солидной столичной фирме.

Они стали встречаться. Чтобы не вызывать подозрений у любопытных коллег, Света каждый раз говорила, что едет к богатому клиенту. Он-де настаивает, что должен оставаться инкогнито, о нём никто не должен знать, даже Олег. Чтобы не возникало сомнений, она привозила напарницам по бизнесу небольшие симпатичные презенты – якобы от царских щедрот, которыми её осыпали. Так всё и шло: Вадим ничего не знал о Светиной «работе по совместительству», Светлана под благовидным предлогом могла с ним регулярно встречаться, девицы радовались дармовым побрякушкам, бизнес-партнёры Олега были довольны, а главное, тайна оставалась тайной, никто ни о чём не подозревал...

Через год Вадима повысили. Он стал начальником департамента, у него появились солидные возможности, перед ним открылись впечатляющие перспективы. Окрылённый карьерными успехами, Вадим принял два очень важных для себя решения: пригласил Светлану перейти к нему на работу, а заодно предложил ей выйти за него замуж.

Своё исчезновение Светлана готовила долго и тщательно, как будто шла на преступление. Откуда она родом, Света тщательно скрывала с самого начала, отшучиваясь то Нарьян-Маром, то Биробиджаном. С Вадимом общалась по те-

лефону, номер которого знал только он один. Для подруг и клиентов у неё были припасены несколько бесплатных сим-карт, на её паспорт не оформленных, купленных по случаю у метро.

Кстати, Светлана нарушила данное себе несколько лет назад слово и всё-таки посетила город, в котором родилась и выросла. Хотя она твёрдо решила, что порвала с ним навсегда и больше там не появится, ей пришлось по необходимости заглянуть на малую родину. Свалилась она на мать как снег на голову. Вытащила её, огорошенную, из столовки, дала столько денег, сколько мать отродясь не видела. После чего строго-настрого предупредила, чтобы та о её приезде никому ни слова не промолвила, даже отцу, дабы он случайно не проболтался «по пьяни».

Дальше Света в ультимативной форме потребовала в кратчайшие сроки собрать все документы, необходимые для того, чтобы Светлана взяла материну девичью фамилию. «Очень она мне дорога», – объяснила Света ничего не понимающей, хлопающей глазами женщине. Денег было приказано не жалеть и выполнить всё так, чтобы комар носа не подточил. Ещё Светлана вручила ошарашенной, зажавшей в руке пачку новеньких купюр матери новенький мобильный телефон, объяснила, как им пользоваться и подчеркнула, что будет сама звонить на него, а мать чтобы и не пыталась с ней связаться.

Пропала Света в одночасье, порвав с прошлым как со

страшным сном. Она перелистнула последнюю засаленную страницу своей незадачливой судьбы и начала совершенно новую жизнь: с новым телефоном и новыми сим-картами, с новой фамилией, в новом городе, с новой работой и, самое главное, с новым – любящим – мужчиной.

...Кто бы мог подумать, что с приходом к власти Путина в Москву начнут массово перебираться проверенные питерские кадры. А Олег как раз и был именно таким хорошо проверенным, во всех отношениях ценным кадром...

Роковая йога

Вполне естественно, что к шестому десятку у Игоря, точнее будет сказать, у Игоря Владимировича, сформировался довольно солидный букет возрастных хронических заболеваний. Они, кстати, дополнили обширный список спортивных травм, полученных в разные годы и даже десятилетия. Соответственно, и его пухлая медицинская карта стала походять на потрёпанное многотомное сочинение. Бесшабашные спортивные увлечения юности и последующие сидячие конторские будни неминуемо дали болезненные плоды. Особенно сильно беспокоили спина и суставы. Спортом позаниматься даже в редкие выходные стало проблематично – сразу прихватывало позвоночник. Тяжело давались и регулярные поездки по стране: достаточно было всего одну ночь провести где-нибудь в отеле на простом, а не как дома – запоминающем форму тела – матрасе, и с утра поясницу ломало так сильно, что трудно разогнуться. Приходилось полчас ходить по номеру, скрючившись в виде вопросительного знака. Ну не возить же с собой повсюду любимый ортопедический матрас и подушку.

Когда стало окончательно ясно, что просто так, сами по себе, одолевающие боли уже не уйдут, Игорь стал искать какой-то выход. Не хотелось отказываться от активного образа жизни! Он привык и к теннису с партнёрами, и к велосипед-

ным прогулкам на отдыхе, и просто к длительным променадам по европейским музеям. А и они стали трудновыносимы из-за пустяковой, казалось бы, нагрузки: всего лишь походить несколько часов медленным шагом, не присаживаясь, по светлым залам и просторным коридорам.

В медицинском центре, к которому была прикреплена их организация, Игорь Владимирович сделал все возможные обследования, сдал кучу анализов. Врачи озвучили неутешительный итог: травмы хронические, тут и надрыв связок, и межпозвоночные грыжи, и прочие прелести полувекового активного существования в центре беспокойного мегаполиса. Надо было или радикально уменьшить нагрузки, постараться при пособничестве «Диклофенака» и «Вольтарена» ужиться с перманентными болями – или делать операцию.

Под скальпель хирурга Игорю лечиться не хотелось. Решив для себя, что спортивную карьеру делать в предстоящие полвека не собирается, он смог кое от чего отказаться. Первым делом бросил пятничные мини-футбол, которым занимался полтора десятка лет, потому что правое колено опухало и болело безбожно. Стал интересоваться у всех подряд – поскольку его проблемы со здоровьем были не уникальны, – кто как борется с межпозвоночными грыжами и ревматоидными явлениями.

Мир не без добрых людей, друзья посоветовали: займись йогой. Нагрузки небольшие, это тебе не тяжёлая атлетика, вероятность травматизма отсутствует полностью, и вообще,

Йога очень полезна для суставов и спины. Не сразу, конечно, облегчение наступит, потянуться нужно будет годок-другой, оживить подзасохшие связки.

Игорь сначала, если честно, этот совет меж ушей пропустил: чего не сболтнут кореша в шутейной беседе; а то, подумал мимолётом, глядишь, и просто подкалывать взялись. Но спустя полгода случайно узнал, что несколько его хороших знакомых приобщились к йоге и нисколько об этом не жалеют.

Поинтересовавшись, Игорь Владимирович уточнил, что один приятель ходит в клуб, а две сотрудницы занимаются в группе с тренером, чтобы было дешевле и веселее.

Солидного Игоря Владимировича групповые занятия совершенно не прельщали. «Что же это получится, – думал он, – приду я записываться в спортивную секцию или там кружок любителей йоги, словно пацан какой-то сопливый? Как со стороны-то это будет выглядеть?» В общем, если откровенно признаться, комплексовал он сильно. Всё представлял, как люди на него посмотрят. Решил, что занятия в составе разнородной по возрасту и полу компании не соответствуют ни его теперешнему возрасту, ни занимаемому положению. «Что, если у других будет всё отлично получаться, а у меня нет, я ведь не гимнаст? – размышлял он. – Да я и не прыщавый юноша, которому можно публично указывать на огрехи. Я – мужчина, как говорится, в полном расцвете сил! Если, конечно, не на закате...»

Как бы то ни было, но мысль о йоге Игоря зацепила. Какое-то время ни во что конкретное она не оформлялась, да и боли из-за сниженной нагрузки стали беспокоить реже, но вдруг он узнал, что один из его близких знакомых, равный по статусу, взял себе инструктора и вовсю практикует восточные оздоровительные упражнения.

Ободрённый этим примером, Игорь Владимирович тоже не стал теряться, кинул клич, и ему довольно быстро порекомендовали молодого специалиста, погружённого в восточные таинства.

Когда выяснилось, что наставник – девушка, Игорь сначала было закочевряжился, попросил подыскать парня какого-нибудь или женщину постарше. Но ему объяснили, что парни на данный момент в большом дефиците, а возрастные дамы хороши в домашнем хозяйстве, никак не в спорте.

Не в правилах Игоря Владимировича было принимать безальтернативные предложения, но пришлось. Тянуть резину не стал, в тот же вечер позвонил кандидатке и договорился о встрече. Познакомились они в кафе возле его офиса. Инструктор, как и обещали, оказалась молодой девушкой. Миниатюрной, по первому впечатлению, скромной и даже какой-то невзрачной. Игорь Владимирович сразу же озвучил список своих физических проблем, объяснил, что его вынудило обратиться к занятиям йогой. В теорию просил сильно не вдаваться, это уже лишнее, считал он. Сразу же обговорили условия и цену. Игорь подчеркнул, что у него, дело-

вого и сильно занятого человека, самый большой дефицит – время. Тратить ценный ресурс на сборы и стояние в пробках по дороге в клуб он не намерен. Поэтому заниматься решили у него дома, в утренние, не слишком ранние часы, чтобы выспаться, и не очень поздние, чтобы успевать на службу. Те же смущающие соображения, что в родных стенах он будет чувствовать себя куда комфортнее, чем на людях, Игорь Владимирович благоразумно оставил при себе.

Договорились встречаться два раза в неделю.

Когда Анна приходила, то здоровалась тихо, отводя взгляд в сторону, и беззвучной тенью проскальзывала в квартиру. Одета была неброско. Говорила только по существу: как какое упражнение выполнять, что нужно, а чего не нужно делать. В остальное время молчала. После занятия быстро переодевалась, брала приготовленную заранее плату за урок и незаметно исчезала.

Поначалу буквально всё у него получалось из рук вон плохо. Игорь лишний раз утвердился в правильности своего решения, был очень рад, что не пошёл ни в какую группу или клуб, а то из-за стеснения и комплексов точно бы уже бросил занятия. Сын с дочерью отправлялись в университет, жена уходила на работу, а он в пустой квартире, в тишине, под стук метронома приступал к скруткам и вытяжениям.

Надо сказать, что домашние, сочувствуя его проблемам, всецело поддержали новое увлечение. Только дети иногда подтрунивали: мол, наш папа – йог. А флегматичная жена

периодически интересовалась: ну что ты там, дорогой, осваиваешь со своей серой мышкой? Игорь отшучивался: пока, дескать, они занимаются только самыми азами, до вершин и изысков «Камасутры» им, к сожалению, ещё очень и очень далеко.

Как и следовало ожидать от здравомыслящей женщины, супруга при первом же знакомстве придирчиво, с ног до головы осмотрела новоявленную инструкторшу. Поняла, что неказистая Анна совершенно не в мужнином вкусе, а значит ей не соперница, даже потенциально. Она окрестила Аню серой мышкой и на том успокоилась, не усмотрев в занятиях мужа ничего для себя опасного.

Аня была действительно не во вкусе Игоря: низенькая, большелобая, хрупкая брюнетка с невыразительными кари-ми глазами и с длинными, всегда собранными в пучок волосами, чего он терпеть не мог. Игорю Владимировичу, типичному доминантному самцу, всегда нравились – опять-таки по выражению супруги – «кобылы»: высокие, статные, фигуристые блондинки. Куда же без глянцевого стереотипа и вульгарных клише современного мира! Да и сама благоверная вполне соответствовала его женскому идеалу: в фотомодели, может, и не годилась, но от природы была рослой, яркой блондинкой с пышным бюстом.

Занятия йогой не сильно изменили привычный ритм жизни Игоря, он вполне удачно вписал их в распорядок дня, немного уплотнив утренний график. Стал чуть раньше вста-

вать, быстрее просматривать электронную почту и отправлять необходимые письма, заранее собирать портфель с документами и готовить одежду. В результате, позанимавшись час-полтора йогой и приняв контрастный душ, он бодрым шагом выходил из дома почти в обычное время.

Происходящие с ним перемены Игорь начал замечать не сразу, а, наверное, через три-четыре месяца. Точнее сказать было невозможно, потому что всё изменялось медленно, тихо и исподволь.

В один момент он вдруг осознал, что жутко хочет Анну как женщину. Хочет именно жутко и страстно. Предположить возникновение такого чувства он никак не мог в начале их спортивно-оздоровительных встреч. Во-первых, ему во всех отношениях вполне хватало жены. Во-вторых, Аня действительно – тут супруга полностью права – была совсем не в его вкусе. Но уже не получалось отрицать, что неведомая могучая сила настырно подталкивает его к молодой инструкторше. Не просто подталкивает – плодит чувственные фантазии, в которых он полностью подчиняется, можно даже сказать, преклоняется перед ней.

«Похоже, что встречи тет-а-тет серьёзно повлияли на мой, как оказалось, всё ещё неокрепший в сексуальном плане ум, – пытался шутить над собой сбитый с толку Игорь Владимирович. – Но ведь мне действительно до дрожи хочется припасть к её ногам. С некоторых пор, – честно признавался он сам себе, – наши занятия проходят в каком-то эротиче-

ском дурмане».

«Выполняя асаны, я пребываю в нескромных иллюзиях и представляю, как после урока приближаюсь к Анне, целую её ноги, облизываю её пятки, обсасываю каждый палец», – возбуждённый Игорь ехал на работу и анализировал свои странные, причудливые желания.

«Я сам себя не узнаю. В минуты редкого просветления я спрашиваю себя, а что я, собственно, нашёл в этой невзрачной девушке. И – о ужас! – нахожу ответ. Я её хочу! Со временем я оценил, что у неё гибкая, красивая фигура, которую скрывают бесформенные шаровары. Меня колдовским образом манят её голые щиколотки. Но при этом, – отдавал себе отчёт растерянный Игорь, – она никогда не позволяет себе ничего лишнего по отношению ко мне, ни единой, даже самой маленькой, провокации».

Действительно, в поведении Анны ровным счётом ничего не изменилось. Она всё так же тихо здоровалась, по-прежнему скромно отводила взгляд в сторону, в ванной быстро передевалась в бесформенную, скрывающую её точёную фигурку одежду и выходила на занятия.

Но её ступни оставались открытыми, и взвинченному Игорю неудержимо хотелось коснуться их губами. Они сидели друг напротив друга. Сдержанная Аня объясняла и показывала, как надо выполнять асаны, а он витал в непристойных грёзах.

Это было какое-то умопомрачение. Плотный туман оку-

тывал сознание. В течение дня Игорь Владимирович не раз и не два пытался разобраться в себе и избавиться от наваждения. «Что я в ней нашёл?» – вопрошал он себя в очередной раз.

«Она не может, не может нравиться тебе!» – истошно орал прагматичный мозг.

Но что-то тёмное, всплывшее из потаённых глубин, перешило: «Меня сводят с ума, невероятно возбуждают её оголённые щиколотки».

«Да у миллионов женщин такие же ноги, даже во сто крат лучше, стройнее и красивее», – настаивало сознание.

«Вполне допускаю, – отвечала тёмная сторона, – но у неё такие розовые ступни, такие ровные маленькие пальчики, такие миниатюрные ноготочки, такие нежные пятки... Разве можно их не желать? Разве можно не хотеть их погладить, приласкать, коснуться губами?»

«Да опомнись, идиот, – не унималось выведенное из себя сознание, – повторяю тебе в тысячный раз: она вообще, абсолютно, решительно, полностью не в твоём вкусе! Ты слепой, что ли? Так надень очки и присмотришь получше! Ты не просто ослеп, но ещё и одурел на старости лет в придачу?»

– Она мне нравится, – однажды наконец признался Игорь вслух. Случилось это, когда он возвращался после напряжённого рабочего дня домой, стоял уже полчаса на кольце в длиннющей пробке. Он смотрел на реку текущих навстречу белых огней и поток красных огней впереди своей машины

и размышлял о том, что завтра утром снова будет занятие йогой и, значит, он опять увидит Анну. Его желанную Аню.

Сколь многое изменилось в его оценках за эти месяцы. Сложно идущего на компромисс, упёртого и непреклонного Игоря Владимировича больше не раздражал зализанный пучок на Аниной голове – эта причёска теперь казалась ему необыкновенно изысканной. Во внешне спокойных, безмятежных карих глазах он увидел нерастраченный потаённый огонь. Под бесформенной одеждой смог разглядеть упругое, гибкое, очень привлекательное тело.

В общем, если говорить кратко, то следовало признать: Игорь Владимирович влюбился.

Даже в самом нелепом, немыслимом сне не мог ему прийтись такой головокружительный поворот. Ну конечно, случались в его жизни увлечения, но когда это было? Разве что в мятежные молодые годы. В последние лет... пятнадцать? двадцать? – будоражащие чувства уже не тревожили его, и Игорь Владимирович был уверен, что это навсегда. Но, как оказалось, ошибался.

«Ну куда ты, старый пень, лезешь? – не унималось расстроенное сознание. – Посмотри на себя трезво: куда тебя несёт с твоим остеохондрозом, артритом и грыжами. Что, на шестом десятке всё по пословице? Седина в отсутствующую бороду – бес в сломанное два раза на горнолыжном курорте ребро?»

«Может, конечно, оно и так, – вздыхала тёмная сторона. –

Но ведь тянет к ней, да ещё как тянет...»

Не привыкший легко сдаваться Игорь Владимирович пытался бороться. Он убеждал себя, что его порывы – просто глупые мечты, последний всплеск затухающего либидо, что возникшее влечение растает не сегодня завтра. Исчезнет непристойное наваждение.

Но стоило хрупкой Анне сесть напротив, как Игорь, словно замороженный кролик, прилипал взглядом к её стопам. И только догадайся она о его бурлящих чувствах, только прикажи – он бы с великой радостью, немедленно метнулся к её ногам и стал бы обнимать их в сладком упоении экстаза.

Нереализованная страсть захватывала Игоря Владимировича всё сильнее и сильнее. Просыпался он теперь не по будильнику, а задолго до начала назначенной тренировки. Лежал и предвкушал, как вскоре придёт желанная Анна и он снова сможет увидеть её аккуратные ножки, а возможно, рискнёт невзначай их коснуться.

Причину своего запоздалого влечения склонный к анализу Игорь Владимирович понимал отчётливо. Он всю жизнь был плейбоем, весёлым спортивным балагуром, и проблем с женским полом у него отродясь не случалось. В его постели оказывались все без исключения женщины, которых он хотел там видеть. Не дамы выбирали Игоря – он сам привык отбирать партнёров для секса и отказов не знал. Не они делали ему одолжение: наоборот, это Игорь Владимирович одаривал своим вниманием избранницу. Ухаживал он, надо от-

дать должное, умело, с шиком и размахом, не жалел подарков и не скупился на ласки. В результате ни одна из пошедших на связь с ним замужних или разведённых прелестниц в своём грехопадении нисколько не раскаивалась.

Со временем, конечно, чувства угомонились, острота восприятия притупилась. Большого желания чудить на стороне уже не возникало. Процветающий бизнес, высокий социальный статус и устойчивый карьерный рост приобрели для неравнодушного к благополучию Игоря первостепенное значение. Он многого добился, стал не последним руководителем в холдинге. Привык командовать и требовал от подчинённых неукоснительного выполнения всех распоряжений.

И вот на шестом десятке ему пришлось, закрывшись в комнате наедине с привлекательной девушкой, слушаться её и следовать всем установкам. Невозмутимая Анна объясняла – он вникал. Она показывала – он повторял. Она называла очередную асану – Игорь тут же переходил в неё и держался до тех пор, пока госпожа не разрешала ему расслабиться. Оказывается, ему нравится подчиняться женщине! Это было сногшибательное открытие, поразившее видавшего виды Игоря до глубины души.

Чего-чего, а такого ещё не случалось в его насыщенной событиями жизни. Будучи дерзким подростком, в школе он постоянно спорил с учителями. В университете имел собственное мнение по всем вопросам, причём его точка зрения нередко не совпадала со взглядами научного руководителя.

На службе решительно настроенный на успех, целеустремлённый Игорь быстро выбился в начальники и уже не расставался с руководящей должностью.

И тут вдруг Игорю Владимировичу представился уникальный случай безропотно повиноваться. Он с испугом и удивлением неожиданно ощутил сладостно-пикантный привкус от своего подчинённого положения, некое тончайшее удовольствие.

Причём никакого намёка на близость в их физкультурных отношениях не было вовсе. Все эти бесстыдные процессы происходили исключительно в его воспалённом сознании. Анна вела себя безупречно и не только не пыталась его соблазнить – скорее даже наоборот, делала всё возможное, чтобы ненароком не коснуться и ни на что не спровоцировать.

Но своим целомудренным поведением она ещё больше разжигала в Игоре запретную страсть. Внешняя холодность инструкторши в сочетании с необходимостью ей подчиняться разбудили в его душе такие жгучие желания, о существовании которых он, искушённый ловелас, даже не подозревал. Обнаруженного в себе стремления повиноваться в кровати женщине Игорь Владимирович откровенно побаивался, хотя никогда раньше ничего в сексе не страшился и экспериментировал с большим удовольствием.

Конечно, в заливчатские молодые годы, стремясь всё испытать, он практиковал связывание в постели, но особого кайфа не получил. Поэтому оставил дальнейшие изыскания

в этой области, мысленно сделав в соответствующей графе отметку: мол, пробовал, не понравилось.

Но Анна не связывала ему руки, не приковывала наручниками к спинке кровати. Она только ровным голосом просила его выполнить то или иное упражнение – не приказывала, вовсе нет. Это в его перевозбуждённом мозгу каждая её просьба отдавалась сексуальным повелением метрессы, вызывающим мощнейшую эрекцию.

«Полнейшее сумасшествие и несусветный бред, – из последних сил сопротивлялись жалкие отголоски сознания. – Посмотри на себя придиричиво, ты же не герой её романа».

Да, тут внутренний голос был полностью прав и бил в самую больную точку.

Тёмная – донжуанская – сторона Игоря Владимировича ничего не могла противопоставить этому аргументу. Зачем молодой и симпатичной, перспективной, увлечённой девушке переспелый фрукт, обременённый травмами, округлившимся животиком и семейными проблемами? Насколько Игорь мог догадываться по отсутствию кольца на руке (а о личной Анниной жизни они не перемолвились и словом), она не была замужем, во всяком случае, официально. А у него – семья, пожилые родители в провинции, недостроенный коттедж к западу от столицы и длиннющая вереница разнообразных забот.

«Ну и куда ты полез, старый пердун?» – почувствовав колебания подопечного, зажатое в дальнем углу сознание

пыталось отрезвить размечтавшегося Игоря откровенными грубостями.

«Во-первых, он вовсе не пердун. А во-вторых, совсем даже не старый, он ещё в полном расцвете сил, вон какой боевой и бедовый! Посмотри на его потенцию, любой молодой человек позавидовать может!» – гордо парировала похотливая тёмная сторона.

«Мужик ты или не мужик? – продолжал подначивать Игоря неугомонный бес. – Ну вы же с ней вдвоём, наедине, можно сказать, в интимной обстановке. Хватит разыгрывать из себя девственника. Подойди к ней, обними, раскрой свои пламенные чувства. Если не получится романа, то хоть, может быть, переспешь с обольстительницей разок-другой и успокоишься на этом!»

За время своих душевных метаний он так морально подыстощился, что уже не находил в себе сил сопротивляться искушению. Даже спокойная, непоколебимо уверенная в Игоре Владимировиче жена стала замечать происходящие с ним изменения. А как их было не заметить-то...

– Что это с тобой, ты чего постоянно нервничаешь? Сам не свой в последнее время, – вопрошала она, пристально вглядываясь Игорю в лицо. Чувствовала многоопытная супруга неладное, не зря столько лет прожили вместе.

Парящий в эротических облаках Игорь Владимирович ссылался на рабочие проблемы, на авральную обстановку в связи с готовящейся крупной сделкой. А сам только и меч-

тал об Анином спортивном теле. Да уж, наваждение...

«Ладно, будь что будет, – решил наконец Игорь. – Всё равно непрерывная эрекция не даёт мне покоя. Вид её обнажённых розовых стоп буквально сводит с ума. Нужна, так сказать, разрядка международной напряжённости».

Уверенности придавал и солидный донжуанский список прошедших лет. «Совсем я что ли не мужик, али право имею? – с раскольниковской настойчивостью убеждал он себя теперь почти ежедневно. – И не таких укладывал в постель!»

«Ну да, не в моих принципах трогать одиноких, никогда не бывших замужем девиц, – продолжал уже привычные вечерние монологи Игорь Владимирович. – Адюльтер адюльтером, а пустых обещаний я никому не давал. Романы были, это правда, даже парочка весьма бурных и страстных, но из семьи уходить я и тогда не хотел, и сейчас не собираюсь».

...Закончив очередное полуторачасовое занятие, Анна, как обычно, спросила своим тихим, так возбуждающим Игоря Владимировича голосом, всё ли нормально. Он немного помолчал, вздохнул несколько раз – глубоко, как она учила, одним только животом – и подошёл к ней. Впервые взял за руку. Странно, но она не отняла свою кисть, не отдернула резко, чего он боялся. Это был их первый продолжительный телесный контакт. До этого времени Аня лишь несколько раз мимоходом касалась его, помогая выстроить верное положение в асане, а он вообще не дотрагивался до неё. Даже гоно-

рар Игорь не передавал из рук в руки, а оставлял в прихожей на столике у зеркала.

– Нет, – изо всех сил стараясь говорить ровным голосом, ответил Игорь, – не всё нормально. Прикипел я к вам. К тебе, – поправился от тут же (до сих пор они общались на вы). – Не могу больше так просто находиться с тобой рядом, очень хочу тебя.

Так и сказал, выпалил одной фразой, смотря на притихшую Аню сверху вниз.

– Даже не знаю, что и делать, – помолчав, виноватым голосом добавил он спустя короткое время.

Следуя намеченному плану, Игорь Владимирович старательно делал вид, будто он вовсе и не пытается соблазнить Анну, а искренне сопротивляется одолевающим его тёмным силам. Будто ему стыдно и неловко перед неопытной девушкой, которую он хотел бы затащить в койку. Игорь надеялся, что Аня начнёт смущаться, вяло отнекиваться: да как же так, да зачем, да нельзя... О, что на это ответить, он найдёт! Данный трюк Игорь Владимирович отработал на представительницах прекрасного пола до совершенства и даже считал своим коронным приёмом в деле скорейшего укладывания желанной дамы в кровать.

Но в этот раз всё пошло по другому сценарию. Аня подняла на него свои бездонные, наполненные странной блуждающей энергией глаза, впервые посмотрела прямо и очень обыденно, без капли смущения вымолвила:

– А что делать, разводиться будем.

И тут похолодевший Игорь Владимирович явственно понял, что он пропал. Пропал окончательно.